

А.А. ХАРИТАНОВСКИЙ

ЧЕЛОВЕК С ЖЕЛЕЗНЫМ ОЛЕНЕМ

Повесть о забытом подвиге.

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В 1928-1931 гг. молодой житель Камчатки, электрик, спортсмен, командир запаса Г. Л. Травин совершил необычайное путешествие. Он проехал на велосипеде вдоль границ Советского Союза, включая и Арктическое побережье страны. Путешествие по Арктике на столь необычном для нее виде транспорта потребовало огромного мужества, выдержки, силы воли и целеустремленности. С интересом и волнением следя за перипетиями этого удивительного маршрута, читатель знакомится с жизнью и обычаями народов Советского Союза, с картинами природы тех мест, где пролегал путь Г. Л. Травина, с изменениями, которые происходили в экономике и культуре страны.

Харитановский Александр Александрович. ЧЕЛОВЕК С ЖЕЛЕЗНЫМ ОЛЕНЕМ. Повесть о забытом подвиге. М., "Мысль", 1965. (Путешествия. Приключения. Фантастика.)

Оглавление

В ледяном склепе	4
Паспорт-регистратор.....	7
"Столичный" тракт.....	10
Дали зовут.....	15
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	18
Названный тихим	18
Город "Трех братьев"	19
Горячая земля	23
Вдоль полуострова	27
Камчатская "Волга".....	31
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	34
Трасса ожиданий	34
На юг, на юг.....	41
Сквозь саранчу	48
К студеному морю.....	52
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	56
Ю-Шар - Вайгач	56
Прощай, Ю-Шар.....	59
ГЛАВА ПЯТАЯ	62
Карская 1930 года.....	62
Через Таймыр	67
"...Мы подумали, ты неживой"	71
ГЛАВА ШЕСТАЯ	73
Берег лейтенантов	73
"Неведомый зверь"	78
В пути	81
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	82
На "Собачьей реке"	82

Письмо с пером	85
Северный Парнас	87
Лицом к Чукотке	90
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	92
Встречи.....	92
К острову Врангеля.....	95
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	97
Беннет Воол	97
Уэлен	101
Последний рейс "Чукотки"	104
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	107
Да было ли такое?	107
Человек оставляет след.....	110
Неугомонный!.....	114

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В ледяном склепе

Сначала над темно-серым горизонтом возникли огненно-желтые полосы. Они, как зарево далекого пожара, охватили часть неба - и вдруг из пламени выскочил приплюснутый и оттого кажущийся непомерно широким красный солнечный диск.

Он тотчас исчез. Потом появились сразу два солнца. Одинаковые красные шарики подпрыгнули над снежными наметами, над торосами, словно подброшенные рукой невидимого жонглера. Вот они начали сближаться и слились в один огненный шар.

Ночное однообразие скованного полярной стужей моря сменилось непомерной хаотичностью. Вставшее солнце будто взрыло своими лучами покрытые снегом поля, разорвало их, подняло и сгрудило. За уходящими на восток валами чуть-чуть синела полоса островной земли.

В то апрельское утро 1930 года восход осветил распластанную на льду фигуру человека. Произошло это в Печорском море, на 69° северной широты, в ста пятидесяти километрах от Югорского полуострова...

Человек лежал неподвижно, навзничь, укрытый в олений комбинезон и торбаса. Мех одежды, обнаженную голову, бороду и усы покрывал густой серебристый иней. Лоб и виски перехватывала темная кожаная повязка.

Рядом над грудой сбитого снега трепыхал красный выцветший флажок, привязанный к никелированной изогнутой трубке.

Глаза человека, большие, серые, были устремлены на флажок. В их расширенных зрачках яростный протест мертвящему умиротворению северной природы, всей ее жестокой безмерности.

Сдвинутая линия бровей, прикушенные губы и застывший взгляд выражали страшное напряжение сил. Но жило лишь лицо - тело сковывал странный паралич. По следам, которые тянулись с запада, можно было судить, что минуло не более суток, как он пришел на это место. Рядом с размашистым шагом пролегла какая-то узкая рифленая колея.

...Человек глубоко вздохнул и попытался шевельнуть головой. Капюшон позванивал и поскрипывал. Новым усилием он все-таки повернул голову и увидел трещину. Она пробегала прямо под ногами. От разлома расплылись языки сероватой наледи. Водой пропитался и снег.

Примерз! Намокшая одежда застыла и превратилась в склеп!..

Человек попробовал поднять руки, но и они скованы. Тогда он втянул их из рукавов внутрь... Комбинезон на груди затрещал, и из меха высунулось лезвие ножа. Пальцы судорожно сжимали тяжелую кожаную рукоятку. Тут же последовал удар. Еще и еще - сталь звенела о лед.

Страшно промахнуться: острие скользит почти по одежде, с каждым взмахом все глубже уходя под спину.

Холодной отточенной голубизной сверкали скулы торосов. Ждали: вырвется человек или превратится в один из них?

...Прошло уже несколько часов. Охотничий нож миллиметр за миллиметром обрубал цепкую хватку мерзлоты.

Внизу хрустнуло, будто сломался хребет. Мужчина покачал плечами и осторожно приподнялся; на спине, как ранец, повис кусок выколотого льда. На тонких губах мелькнула улыбка, блеснули крупные белые зубы. Смахнул с бороды иней, потряс

длинными волосами, стянутыми лакированным ремешком. Оставалось выручить ноги, вернее, торбаса. Ледяная крошка разлеталась под энергичными ударами ножа, вспыхивала искрами в лучах солнца...

Попробовал привстать. И, наконец, поверив, что свободен, выпрямился. Облегченно вздохнув, шагнул через "корыто", которое чуть не стало его вечным ложем.

Он был среднего роста. Вьющиеся волосы космами падали на откинутый назад капюшон. Окладистая борода и усы не старили продолговатого с правильными чертами лица; на вид ему лет двадцать пять, самое большое двадцать семь.

Постукал рукой о руку, попрыгал, чтобы разогнать кровь. Что-то вспомнив, торопливо повернулся к снежной куче с флажком. Стал раскидывать ее. Из сугроба выглянул велосипед!

Флажок, оказалось, был прикреплен на руле, отогнутом круто назад и оттого похожим на козлиные рога. И вся машина имела необыкновенный вид. Ярко-вишневая окраска, емкие багажники-чемоданы, один сзади, другой перед сиденьем. Утолщенная и низкая рама с двойной передней вилкой. Очень широкое с усиленными пружинами седло. Над колесами сияли никелированные крылья, а впереди выставился трехцветный масляный фонарь, красный, зеленый и белый. Сбоку привязана пара скатов и винтовка.

Человек внимательно осмотрел машину, очистил от снега детали. Потом снова принялся за себя. Он шлепал рукояткой ножа по одежде, по бокам, по рукавам, стремясь размять мех. Но что делать с ледяным "ранцем"? Попробовал потереться спиной о торос. Сразу же послышался треск рвущейся кожи...

Путник, поживаясь, принялся расстегивать задний багажник. Вынул начатую мороженую треску. Долго к ней примерялся глазами. Сначала разделил рыбину на четыре части, а потом снова прикинул и отрезал лишь осьмушку. Пошарил еще в багажнике, нашел прессованную галету. Покрутил ее в руках, вздохнул и, завернув в платок, положил обратно.

Завтрак, а по времени обед, был очень скуден, и велосипедист явно стремился растянуть его. Он жевал неторопливо, с наслаждением, кроша рыбье мясо на тоненькие извивающиеся стружки.

Закусив, стал собираться в путь. Раскрыл картонную папку. В ней оказалась потертая карта морского побережья от Архангельска до Югорского Шара. Он долго разглядывал многочисленные крошечные островки, рассыпанные на юге Печорского моря. Отстегнул от пояса массивный компас и, отметив направление на видневшуюся вдалеке землю, встал.

Прежде чем взяться за руль, оглянулся на усыпанную клочками меха ледяную яму...

Шли часы, а остров вроде бы и не приблизился. Там, где попадался ровный лед, садился на велосипед. Но задубевшая на морозе одежда стесняла движения, и приходилось часто спешиваться.

Медные лучи садящегося солнца удлиннили до неестественности тени. Равнина моря стала казаться еще изрезаннее.

Подул встречный ветер. Откуда-то свалилась снежная завеса и отрезала свет.

Велосипедист, всматриваясь в заструги, наметенные почти параллельно берегу, проехал еще с километр. У гряды торосов остановился. Ссутулив плечи и отвернувшись от ветра, он поставил машину по направлению движения и стал зарывать ее. Вскоре на виду остался лишь флажок. Тут же рядом принялся рыть логово. Из наста нарубил топориком пластин и выложил вокруг барьер.

Утром поднялся с посеревшим измятым лицом: промокшие торбаса не грели, а ледяной горб на спине не позволял удобно лечь.

Сыпал мелкий колючий снег. Остров исчез. Ориентироваться оставалось только по застругам.

...Хоть бы на минуту развеяло. Судя по времени, он уже должен достичь земли. Чтобы убедиться, попробовал ножом раскапывать наст. Но лезвие всюду натыкалось па лед. Тогда велосипедист взял круто на юг. Там материк.

Он ежился от холода. Ветер назойливо "проверял" каждую дырочку в побитом, прелом комбинезоне, лез в рваные рукавицы. На глазах разваливались торбаса. Подмоченная кожа смерзлась, скарежилась. На истертых носках ни ворсинки меха.

Глаза поймали на снежном набое вмятину. Человек смотрел на нее как зачарованный. "Прошла нарта, но откуда?.."

Он сделал несколько шагов и увидел еще полоски. А вот и след оленьего копыта. Теперь ясно, что кто-то ехал на материк. Ехал со стороны моря, значит с острова! И совсем недавно: след-то даже не занесло...

Пошел по колее, пока из тумана не выплыл силуэт чума. Над ним дымок.

Неожиданный приход и необычный вид длинноволосого с горбом напугал хозяев. -Келе! Дух!..

Женщины, забравшись с детьми в глубь чума, с тревогой смотрели на пришельца, который пытался что-то растолковать пожилому ненцу.

"Конечно, Келе. С железным оленем!"

И верно, блестящий изогнутый руль чем не рога неземного творения?

"Дух" между тем разрезал тесемки и принялся стаскивать комбинезон. Между шкурой и нижней курткой похрустывал слой льда.

Раздевшись, гость выскочил на улицу и стал торопливо растирать тело, лицо и особенно ожесточенно большие пальцы ног. Они совсем белы. Он их тер, мям, тискал, толкал в снег... Вот они загорелись, заныли, но самые кончики по-прежнему бесчувственны.

Рассмотрев сброшенную одежду, старик, по-видимому глава семьи, покачал головой: ему-то ясно, что "дух" - это занесенный к ним каким-то несчастным случаем путник. Он бросил короткую повелительную фразу, и вскоре женщина вынесла поношенные, но еще прочные торбаса.

-Надевай.

Общеизвестна удивительная отзывчивость людей Севера, их бесхитрость и радушие. С каким вниманием отнесется северянин к попавшему в беду человеку! Он не станет допытываться, кто и что ты. Нет, просто примет, накормит тебя, просушит одежду и будет терпеливо и деликатно ждать твоего рассказа...

Велосипедист узнал, что находится на острове Долгом, в ста километрах от Югорского Шара.

Хозяева дали ему мягкие чулки - пыжики и брюки, сшитые из выделанной оленьей шкуры. Из своего он на теле оставил только широкий ремень, на котором висели нож и компас. В коже пояса поблескивали большие бронзовые буквы "ГЛТ". И еще один предмет возбудил внимание ненцев - четырехгранный футляр, висевший на шее.

Пришелец пробыл в стойбище два дня. Его сильно беспокоили обмороженные пальцы. Он смазывал их жиром, массировал, держал ступни то в снегу, то в горячей воде. Но ничто не помогало. Пальцы распухли, посинели...

...Он, задумавшись, сидел у костра. Плавник горел, потрескивая. Иногда пламя вспыхивало, освещая шатер, сшитый из двойных оленьих шкур мехом внутрь и наружу. Шатер был новый, но шесты, на которых он держался, блестели от сажи, как лаковые.

Достал оселок и принялся точить нож. Потом вышел наружу, принес кусок чистого наста. Разулся. Подержав нож над пламенем, он положил левую ногу на снег и поднес лезвие к большому пальцу...

Ненка, которая вначале глядела с любопытством на длинноволосого, закричала диким голосом и, закрыв лицо руками, убежала за полог.

Выскочил хозяин. Человек с "железным оленем" уже обматывал палец носовым платком. На снегу расплылось кровавое пятно...

Иначе гангрена, - сказал он, повернув к ненцу посеревшее лицо.

Доктора надо, доктора, - говорил старик. - На Югорский Шар, на радиостанцию. Завтра сын с берега вернется, на оленях отвезу.

Но сын не вернулся ни завтра, ни послезавтра. Гость собрался уходить. Ненцы дали в дорогу оленьего мяса и пару вяленых рыб.

Паспорт-регистратор

От Долгого до Югорского Шара менее ста километров. Погода отличная. Путнику казалось, что он сможет добраться до радиостанции за сутки.

Выехал рано утром. Обмороженные пальцы поламывало. Но ноги хорошо обуты, а раны смазаны глицерином, хранившимся для велосипеда.

Расчеты расшиблись о гряды торосов, которую преодолевал до самого вечера. Ледяной лабиринт заставлял уходить влево, вправо и возвращаться... Пришлось устраиваться на ночевку.

Назавтра встал с трудом. Первые шаги - пытка: ступни словно чужие. Боль непрерывно спорит с волей. Но все же она, воля, заставляла кровоточащие ноги двигаться вперед: раз идешь, значит, и дальше можешь; сделал шаг, обязан и второй. Всякая задержка теперь грозила гибелью.

На горизонте показались скалы. Путник, собрав силы, уселся на велосипед и направился к ним. Вскоре стали попадаться мелкие островки, рифы. Вероятно, к вечеру он достиг бы берега, но с востока потянул ветер. Не резкий, не порывистый, но усиливающийся с каждым часом. И эта равномерность таила в себе какую-то метеорологическую фатальность. Понес сырой снег. Глаза залепляло. Но что это? Вместе со снегом с лица сдирается темная пыль! Она набирается в рот, в нос.

Человек почти вслепую, ориентируясь только по ветру, продолжал идти. На минуту остановился возле тороса. Закрыв лицо руками и отвернулся от жгущего ветра. По спине что-то ударило. И рядом, вокруг зашлепали черные плитки. Одну поднял. Пластика очень легкой горной породы. Сланец?!

Каменная бомбардировка заставила снова зарыться в снег.

Еще одна ночь в обнимку с морозом на льду Хайпудырской губы...

Утро обрадовало: ветер унялся. О нем напоминали только черневшие всюду плитки.

Очевидно, пурга отслаивала их с береговых скал. А берег - вот он, в нескольких сотнях шагов!

Но и эти шаги уже не под силу. Выбравшись на твердую землю, человек свалился.

Из полуобморочного состояния вывело тьяканье. Кто-то хватал за торбаса...

Велосипедист поднял голову. В сторону отбежал белый пушистый песец.

Он вынул нож и швырнул в зверя. Тот успел отскочить. Зафыркал, зашипел и уселся на расстоянии прыжка.

...Человек опять упал. Лежал неподвижно, уткнувшись головой в снег, широко раскинув руки.

Песец выждал и, кружась, снова приблизился. Дернул за малицу и отпрыгнул. Еще выждал и, осмелев, подошел вплотную.

Рука "добычи", дотоле безжизненная, в мгновение сомкнулась вокруг его передней лапы. Песец поздно понял ошибку. Успел лишь впиться зубами в живой капкан.

Человек от победы как-то встряхнулся. Даже уложил задушенного зверька в багажник. Вдали низко темнело облачко. Постояло и растаяло.

Порыв ветра донес с той же восточной стороны аромат свежего хлеба!..

Галлюцинация?!

Запас сил у путника иссякал, но, кто знает, где он, предел этих последних сил у человека. Он увязал в снегу, падал, поднимался, но шел, полз за своим невидимым проводником.

Опять облачко... Да нет, дымок!.. Показались и строения.

На радиостанцию не похоже: нет мачт.

Воткнул в сугроб велосипед. Постоял и, покачиваясь, направился к поселку.

Дым поднимался из приземистого сруба, возле которого стояла нарта. В отдалении, у другого дома, привязана свора собак. Заметив человека, псы поднялись, захлебываясь лаем.

...Велосипедист взялся за деревянную ручку двери.

В просторной избе с ларями и большим столом ярко топилась русская печь. Из кути навстречу пришельцу вышел бородатый пожилой мужчина весь в мучной пыли и с большим куском теста в руках. Он остоленело уставился на неожиданного гостя.

- Здравствуйте. В километре отсюда я оставил велосипед и винчестер. У вас упряжка. Съездите, пожалуйста.

Велосипед?!

Да. Он по моему следу. А то занесет.

Хорошо, хорошо, - сказал бородач, пятась к двери.

Снял со стены малицу и исчез.

Минут через двадцать возле дома снова залаяли собаки. Нарта возвратилась с вещами.

Приезжий сидел на лавке и перевязывал обнаженную догу. Увидев окровавленные тряпки, заменявшие бинты, и обрезанный палец, хозяин коротко приказал:

- Собирайтесь, поедemте на рацию.

- Зачем?

- К врачу.

Слегка пуржило, но собаки, не сбавляя темпа, мчались по хорошо укатанной дорожке.

Километров через пятнадцать показались высокие фермы металлических мачт.

Гидрометеорологическая станция "Югорский Шар".

Зимовщики были чрезвычайно поражены, когда в дверь вместе со снежными космами ввалился сосед с больным незнакомцем.

- Кто вы? - спросил начальник станции.

Человек снял с шеи кожаный футляр и вынул оттуда толстую книжку в темном переплете. На ней вытеснено:

"ПУТЕШЕСТВЕННИК НА ВЕЛОСИПЕДЕ

ГЛЕБ ЛЕОНТЬЕВИЧ ТРАВИН.

ПСКОВ - АРКТИКА - КАМЧАТКА".

На каждой странице этого своеобразного паспорта стояли печати. Первая - "Камчатский окружной исполнительный комитет" и дата - 10 октября 1928 года.

- Камчатский?! - Начальник все с большим изумлением перелистывал плотные листы и читал вслух: - Владивосток... Хабаровск... Чита... Новосибирск... Алма-Ата... Ташкент... Ашхабад... Тифлис...

Перемахнул несколько страниц.

- Петрозаводск, Мурманск, Архангельск... - И совсем тихо, с трудом разбирая слова: - Большеземельский кочевой самоедский Совет. 3 апреля 1930 года. Постой, это от нас в пятистах километров...

Один за другим зимовщики - радист, метеонаблюдатель, врач, моторист - осторожно листали страницы, усыпанные круглыми, квадратными, большими и маленькими всех цветов печатями и надписями на разных языках.

Тут и японские иероглифы, и столбики монгольской письменности, узбекская и грузинская вязь...

- Вы куда, собственно, направляетесь? - спросил начальник. Спросил так, будто разговор происходил на пригородном шоссе.

В таком же духе прозвучал и ответ: - Теперь на мыс Дежнева.

Куда, куда?

На мыс Дежнева, а затем на Камчатку, - повторил Травин.

Ответ велосипедиста ошарашил. Что это за бросок в одиночку по просторам Арктики, по малоизученному краю?

В самом деле.

На географических картах тех лет не всегда увидишь даже столь привычное нам название Северный Ледовитый океан. Некоторые ученые склонны были именовать его Полярным морем, считая этот гигантский бассейн частью Атлантического океана. Известный этнограф В. Г. Богораз, основываясь на общности культур народов круговой арктической области, не прочь назвать его Арктическим Средиземным морем. Море, носящее славную фамилию русских исследователей Арктики Харитона и Дмитрия Лаптевых, называли иногда еще и именем Норденшельда. Границы нынешнего Восточно-Сибирского моря отодвигались до Аляски. Вовсе не значилось Чукотского моря.

Острова?.. Неуверенным пунктиром намечена даже Северная Земля! Лишь только в 1932 году опубликовали первую карту, составленную советским полярным исследователем Г. А. Ушаковым. До сороковых годов искали легендарную землю Санникова, в существование которой горячо верил академик Владимир Афанасьевич Обручев. Это он писал: "Земля Санникова существует и ждет своего отважного исследователя, который первым вступит на ее почву и поднимет на земле флаг, будем надеяться, советский".

Радиостанции имелись лишь на Югорском Шаре, Вайгаче, в поселке Морресале, на полуострове Ямал и на Диксоне. А далее до Уэлена на всем огромном пространстве Северо-Восточной Азии - ничего. Только через два года прошел в одну навигацию сквозным рейсом этот путь ледокольный пароход "Сибиряков".

Но если береговая арктическая полоса все же проведена довольно правильно, то карты материкового Заполярья мало чем отличались от карт, составленных еще Великой сибирской экспедицией XVIII века. Всего два года прошло с тех пор, как геолог С. В. Обручев открыл в Якутии одну из величайших горных цепей, назвав ее хребтом Черского...

Так плохо в те годы знали Северный край. И по нему в одиночку собирался двигаться Травин.

- Это какое-то безумство, - ворчал медик, бинтуя кровоточащие пальцы велосипедиста. "...Сегодня к нам прибыл путешественник на велосипеде Глеб Травин, - отстукивал на морзянке радист. - У него обморожены обе ноги. Оказана первая помощь..."

Путешественник проспал сутки.

И снова расспросы. Особенно любопытствовал врач.

- Ну хорошо. Вы за полтора года проехали сорок пять тысяч километров. Пробились даже через Лапландию до Архангельска. Но далее-то как? Ведь в Заполярье ни трактов, ни караванных троп. Бездорожье, помноженное на холод, пурги и еще черт знает на что...

Врач говорил тоном запальчивого спорщика. Чувствовалось, что его возмущала сама манера Травина рассказывать о путешествии очень спокойно, без смакования подробностей, обычно столь милого интеллигентному нервному человеку.

- Как далее? - повторил вопрос Глеб и улыбнулся. Ему вспомнился другой медик, приехавший в Мурманск из соседнего старинного городка Колы, чтобы проверить легенду: по Карелии, мол, едет голый человек с железным обручем на голове, не боится ни болот, ни чащоб, ни лесного зверя...

Врач из Колы пожелал лично взглянуть на феномена. Знакомство состоялось прямо на улице, на снегу. Велосипедист в куртке, трусах, с неизменной двухколесной машиной и маленький толстый доктор в фуражке с огромным козырьком завязали оживленную беседу. Так их и заснял подвернувшийся фотограф.

Доктор проявил настойчивость и с согласия Травина тщательно обследовал его. В заключение удовлетворенно хмыкнул:

- Вас, батенька, на два века хватит. Благословляю во славу русского характера. Как говорится, ни пуха ни пера!

Но и об этой встрече Травин сейчас умолчал. Он достал записную книжку, полистал ее помятые, а местами обожженные страницы и захлопнул.

- Бот здесь все... Подробно, начиная от Мурманска..

"Столичный" тракт

...В Мурманск Травин прибыл 20 ноября 1929 года. Дальше по берегу в Архангельск. Зима на Кольском берегу много теплее сибирской. Да и полярная ночь, начавшаяся в конце ноября, далека от того, что он представлял по многочисленным описаниям: туманные сумерки, а в полдень и вовсе светло. Необычны только сполохи северного сияния.

Море, подогретое Гольфстримом, дышало сыростью. Льды в этом краю, чувствовавшие себя в гостях даже зимой, жались в устьях речушек. Снег на самом берегу тоже не держится: сбит прибойной волной, изъеден моросями, сдут ветрами. Сугробы только в тундре, в заветренных местах, в расщелинах, а рядом голый обледенелый гранит.

Пустынно. Тресковый сезон кончился, рыбацкие станы с соляными складами, бараками, пристанями и небольшими рыбозаводами пустовали. На берегах сушились корбасы.

Прибрежные скалы, высокие и обрывистые. Кое-где срезанные мысы или отмели - егры. Чем восточнее, тем ниже. Пологий берег Беломорского горла так слит со льдом, что отличить, где море, где суша, можно лишь по торосам. До противоположной стороны горла каких-то пятьдесят километров. Но бугристый припай, постепенно нараставший с обеих сторон, еще не сошелся: в середине пролива зияли трещины и полыньи. Прежде чем сделать очередной шаг, приходилось прошупывать снег и осторожно перебираться по качающимся под ногами льдинам...

Появление Травина на заснеженной набережной Архангельска вызывало всеобщее удивление. Он катил вдоль Северной Двины, минуя лесопильные заводы, штабеля бревен. Улицы пересечены множеством коротких переулков. Дома деревянные, из северной сосны. По улице Павлина Виноградова - главной магистрали города - звенели трамваи. "Смотри-ка, наоборот ходят", - удивлялся Глеб левостороннему, на английский манер, движению транспорта.

У трехэтажного дома с колоннами большой памятник.

"Михаил Васильевич Ломоносов", - прочитал Глеб. Он смотрел на усыпанную снегом скульптуру великого русского северянина.

Ломоносов стоял под суровым беломорским небом с лирой в руках, босой и в римской тоге. Глебу казалось, что ученый хмурится, будто вопрошая с высокого цилиндрического постамент, кто его нарядил в это нелепое одеяние.

"Царя Петра куда сообразительнее одели, - вспомнил Травин памятник Петру Первому на берегу Северной Двины. - В крепких ботфортах, в шляпе, в теплом мундире".

Дом с колоннами - бывшая губернаторская резиденция. Сейчас в нем помещался исполком краевого Совета.

В исполкоме путешествием Травина заинтересовались. И не только заинтересовались - оказали и необходимое содействие. Впрочем, это традиционная черта города поморов - встречать и провожать полярных следопытов. Если бы он столько встретил, сколько проводил в арктические льды...

Велосипедиста снабдили легкой и вместе с тем очень теплой меховой одеждой, выдали новую карту, пополнили запас шоколада. Самое ценное - подарили винчестер. Люди не оставались безучастными к походу. И в этой дружеской поддержке Травин черпал уверенность, столь необходимую перед свершением всякого серьезного и опасного дела...

На Печору велосипедист добрался за три недели. От Архангельска ехать сравнительно просто - по почтовой дороге, которую по старой памяти еще называли Столичной: болотистые места замощены бревнами, мосты, насыпи; через леса, в которых лиственница перемежается с сосновыми борами, ельником, проложена просека, сбоку телеграфная линия.

Часто попадались большие села, плотно застроенные высокими домами, с неременной площадью в центре и с пашнями за околицей.

...За Мезенью тоненькая ниточка дороги то и дело прерывалась разливами речек и ручьев, заторами льдин, взломанных напором ключей. Все мельче и реже селения, все дремучее лес.

Пройдя низины, просека стала подниматься: начались отроги Тиманского хребта - водораздела бассейнов Мезени и Печоры. Приходилось часто слезать с велосипеда, обходить обрывы, взбираясь по крутым подъемам.

В одном распадке Травин набрел на заимку. На берегу озера, окруженного мшистым ельником, стояло несколько строений. Двухэтажный дом, срубленный из толстых бревен, с высоким крыльцом, украшен флюгером, резным карнизом и наличниками на окнах.

Хозяин, краснолицый крупный старик, принял приветливо.

- Гляжу и думаю: что за чудо-юдо о двух колесах? - говорил он, дивясь на машину. - Тонка, а сколько несет!

Изда просторная, чистая, опоясанная деревянными лавками; а в углу огромная печка, над дверью полати. Первые вопросы, как обычно, о дорогах.

- Ты, парень, в самую точку попал. Я ведь из бывших почтальонов. От Мезени до самой Цильмы круглый год через Тиман гонял. Зимой, конечно, легче, зато летом лошадь по пузо вязнет, комары, мошка. А перевалы! Шестнадцать ведь гор на пути. Влезешь наверх, а там опять болото. Неделю назад ехал - гатили, а тут сызнава топь - засосало, значит, бревна-то. Дорогу эту еще перед японской войной строили. Подрядчик - такой фармазон: станционные домики, как игрушки, понаставил, чтобы начальнические глаза радовались, а дорога - одна видимость.

Хозяйка в кокошнике и длинной широкой юбке подала резную деревянную чашку, полную кедровых орешков.

Пошелкайте, меледу, - сказала кланяясь.

Значит, на Тихий океан стремишься, - опять начал старик. - Вояж славный. По нашим сказкам выходит, что мезенцы еще в старину ходили чуть не до Чукотского носа. А на Грумант, на Новую Землю - так это бесчисленно. Лет тому назад тридцать приходила в Архангельск заморская экспедиция на пароходе "Виндворт". На полюс собиралась. Давай наших вербовать. Двое согласились. Дело стало за урядником. Не пускает. "Не могу, - говорит, - полюс, он за границей, надо специальный паспорт". А ребятам подработать охота: зяблый год был, посевы вымерзли. Пошли к губернатору.

- Так и так, вашество, на полюс собираемся, а урядник препятствует. Выдайте нам такие паспорта, чтобы можно за границу отправиться.

Губернатор разобрался что к чему. "Ладно, - говорит, - поезжайте". А те ни в какую.

- Прикажите, вашество, выдать нам виды, а то на полюсе заграничный урядник арестует.

Понимаешь, никак не могли поверить, что есть такое место на земле, чтобы без урядников... Эту быль я к тому рассказал, что ноне вам, молодым, на любую сторону путь открытый...

1930 год Глеб встречал в Усть-Цильме, большом старообрядческом селе, раскинувшемся на правом низменном берегу Печоры. Жители хвалились, что Усть-Цильма заложена еще во времена Великого Новгорода, то есть четыре с половиной сотни лет назад, и что она самое большое село на Печоре: тысяча домов.

- На всей реке два таких: наше и Пустозерск, - объяснил старовер, у которого Глеб остановился. - В Пустозерске мученика нашего протопопы Аввакума никоновцы сожгли. Будешь ежели там, возьми на месте его казни песочку: очень от болезней помогает.

А место, и верно, умно выбрано. Путь отсюда во все стороны по рекам: по Цильме - на запад, по Ижме - на юг, а по Печоре, которая тут, изогнувшись под прямым углом, уходит в море, - на восток и на север.

Теперь и Глебу по пути с Печорой до самого моря. До него по прямой километров триста. Жаль только, что по прямой ездить не приходится...

Хороши усть-цильмские кожевенные мастера, выделывают отменную замшу, мягкую и прочную. Глеб сшил из нее две пары верхних трусов на дорогу. Выехал он 10 января. Накануне выпал густой снег. Велосипед тонул в рыхлых сугробах, тормозил.

В первый день Глеб прошел не больше десяти километров. Сил нет, устал и вымок от пота. В попутном сельце добыл охотничьи широкие лыжи. Две пары: на одной сам, а на другой тянул велосипед. Стало легче.

Чем севернее по Печоре, тем тоскливее ее берега. Лес сменился рощицами дряблых искривленных деревьев, кустарником, а затем тундрой. Берега все ниже, а на подходах к дельте и вовсе плоские. Множество рукавов. Глеб держался самого широкого - Главной Печоры.

На правом берегу крутой луки Глеб увидел станок - два бревенчатых дома.

На собачий лай вышло несколько мужчин - русских и ненцев. После приветственной суеты зашли в дом.

Глебу бросился в глаза стол, заваленный картами, чертежами, книгами.

"Экспедиция", - подумал он.

После традиционного рассказа о себе путешественник достал паспорт-регистратор и попросил сделать отметку.

На новом штампе значилось: "Временная организационная комиссия Ненецкого округа".

Историческая печать! - заметил председатель - Всего лишь полгода назад округ образовался, а сейчас готовим проект столицы и порта.

Нарьян-Маром назовем, - заметил ненец с шарообразной, крепко посаженной на коренастое короткое туловище головой. - Красным городом!

Н-да. А пока комиссия рабочего места не имеет, - буркнул пожилой в форменной инженерской кожанке. - Вся власть на ходу, а бумаги в кармане, - и подергал бородку клинышком.

Глеб присмотрелся к плану, приколотому кнопками к чертежной доске. На нем была изображена речная лука с надписью: "Городецкий Шар".

Подошел и председатель с трубкой в зубах и другие.

- Вот здесь, - показал он Травину, - у Белошелья будем строить порт для морских судов.

- Уж тогда-то Печора-матушка поработает в полную силу, - заметил рослый бородач. - Лес, нефть, золото, уголек потекут с ее берегов.

Заговорили все.

- Дороги на севере - дело первостепенной важности. Артерии!

- Лучшей артерии, чем Печора, не найти.

- А железная дорога?

- Дело будущего. Пока идет спор, строить или нет.

- Я "за"! Соединить бассейн Печоры с Обью...

- Вот и соединим морем. Поэтому и нужен порт.

- Это же уродство ! Такой богатейший край живет замкнуто, по существу натуральным хозяйством.

- Как замкнуто? Отсюда рябчиков в Москву вывозили, - усмехнулся инженер. Он сидел за столом, перебирая тоненькие пожелтевшие брошюры. - Правильно говорите - уродство! В максимальном использовании колоссальных естественных богатств и в благосостоянии так называемых окраин заинтересована вся Русь, заинтересован каждый из нас, заинтересовано наше потомство.

- Верно сказали!

- Не я сказал, а исследователь Журавский. Он семь лет занимался печорским Севером. Это из его доклада в Географическом обществе. Но не думайте, что Журавский был оригинален. Еще сто лет назад вологодский житель Александр Деньгин представил проект о строительстве порта в устье Печоры. Деньгин доказывал, что через порт можно будет вывозить за границу лес из Припечорья и даже сибирский хлеб. А Михаил Константинович Сидоров! - инженер показал брошюры, - "Проект о заселении Севера", "О богатствах северных окраин Сибири", "Север России". Это же им писалось в 60- 70-е годы прошлого века.

- А верно, - перебил инженера землеустроитель, самый молодой член экспедиции, - верно, что Сидоров лукулловы пиры из оленины, морошки и прочей северной снеди устраивал в Петрограде?

- В Санкт-Петербурге, - поправил инженер. - Петроградом переименовали уже в германскую войну... Сидоров устраивал такие, если можно выразиться, пропагандистские вечера, на которые приглашал видных чиновников, купцов, ученых. Но более важно, что он вел разведку печорского угля, ухтинской нефти, енисейского золота, графита на Нижней Тунгуске... А в 1864 году впервые организовал на пароходах "Печора" и "Ломоносов" перевозку печорского леса. И куда думаете? В Петербург, под окна адмиралтейству! Стройте, мол, корабли из печорского леса... Но и это власти не убедило. Короче, к началу нашего века усть-печорская лесообрабатывающая промышленность была представлена вот тем, - инженер ткнул пальцем в окно: там неподалеку, на мыске, щерился стропилами небольшой лесопильный заводик. - Норвежец Мартин Уильсен построил.

- Одиночки и не могли решить северной проблемы, - сказал председатель, внимательно выслушавший старого инженера. - Сейчас на это дело всей страной наваливаемся. Должно получиться. Наверняка!

Глебу показалось неудобным стеснять экспедицию, и он перебрался на пустовавший завод. У него родилась мысль переоборудовать велосипед. После сугробов, через которые пробивался полмесяца, захотелось приспособить машину для движения по рыхлому снегу.

Главное в придуманной им конструкции - так называемые коньки-лыжи. Глеб сорвал с лыж камуса, круче загнул концы. Переднее колесо поставил прямо на лыжу и прикрепил его к вилке. Заднее - ведущее - имело пару лыж. Они располагались с боков по обе стороны колеса и чуть выше шины, упирившейся в снег. Чтобы можно было скользить и по льду, вбил в полозья лезвия - куски старых пил. Словом, соорудил "велосани".

Глеб мечтал, что сможет ехать даже под парусом. И в самом деле, на льду его сооружение пошло довольно хорошо. Но на берег не выйдешь: как рыхлый снег, так ведущее колесо прокручивалось, буксовало. Очевидно, его сцепление со снегом пересиливалось торможением лыж.

Изобретение оказалось неудачным. Жалко потерянного времени...

Наконец, впереди заискрилось застывшее море, а справа - скатерть Большеземельской тундры. Теперь Глебу на северо-восток, по берегу.

Можно пользоваться морской картой, идти от ориентира к ориентиру. Возле берегов рассып мелких островов и скал, мысы. Но вскоре стало ясно, что определяться по этим приметам очень трудно: все засыпано снегом, очертания изменились.

Глеб кружил, сверяясь с картой, отсчитывал расстояние по циклометру. На компас глядел редко. Его роль неплохо выполнял путевой флажок на руле. Он всегда натянут ветром и имеет определенный угол к движению велосипеда. Остается мимоходом следить за этим углом. Самое трудное, настоящая беда - это рыхлый снег. В низинах можно утонуть. Переходы исключительно короткие, в иные дни по десять - пятнадцать километров.

Питался путешественник рыбой. Как-то подбил нерпенка, совсем маленького, не бывавшего и в воде. Таких за цвет называют бельками. Его хватило на несколько дней.

Апрельское солнце пылало. Весной в тундре оно особенно яркое и жгучее. Лицо у Глеба воспалилось, пришлось обвязаться шарфом. Снег слепил, будто светился, возле мысов был покрыт голубоватыми тенями. В полдень кромка берега настолько рыхлела, что велосипед проваливался.

На мысе, расположенном против острова Песякова, узкого и длинного, вытянувшегося параллельно берегу, встретилось становище ненцев.

- Ань, торово! - приветствовали Глеба.

Председатель кочевого Совета, рослый краснощекий ненец, на ломаном русском языке объяснил, что такую же машину он видел в прошлом году в Архангельске, куда ездил на большое собрание. Он даже попробовал забраться на велосипед, но не удержался, вызвав своим падением дружный смех.

...Глебу не раз приходилось читать о Севере, о его народах, несчастных-де уже по той причине, что живут в арктическом климате. А перед ним были веселые, жизнерадостные люди, трудолюбивые и гостеприимные, одетые в самобытное, красивое и удобное платье.

Он загляделся на молодую хозяйку чума, собиравшую ужин. Женщина принарядилась, бегала, потряхивая черными косами. Аккуратные, ловко обтягивающие ногу торбаса стянуты у колен пятью бронзовыми кольцами. Выше вделаны медные трубочки, на бедре снова украшения. От пояса свисают два шнурка. На одном кошелек, в который спрятаны иголки, на другом - для наперстка. Тут же и маленький нож. На ненке еще жилет из замши, обшитый медными щитками наподобие панциря, которые держатся на кожаных шнурках. Поверх накидка, завязанная на шее тесемками.

У мужчин одежда попроще, но тоже с украшениями. Особенно хорош пояс с медной пряжкой, унизанной латунными бляшками. На нем в чехле охотничий нож, а с левой стороны - кисет с табаком, ковырялка для чистки трубки и сама трубка.

За ужином сидели долго. Ели молча, серьезно, изредка бросая взгляды на гостя.

Глеб поглощал вареную нежную оленину, запивая ее крепким ароматным бульоном.

Вкусно, трудно оторваться!

- Спасибо, - сказал он, насытившись.

- К чему такое слово, - заметил председатель. - За еду спасибо в тундре не говорят, нет такого обычая. Я к тебе приду, ты меня тоже накормишь. И одежду высушишь.

После ужина развернули карту и стали держать совет, как лучше пройти на Югорский Шар. Председатель ткнул пальцем в остров Долгий.

- На него иди морем. А дальше - через Хайпудырскую губу. Так ближе и снега меньше на льду. Рыбы тебе дадим.

Погода радовала. Глеб считал, что до Югорского Шара доберется за неделю-полторы.

- По-нашему апрель называется месяцем большого бмана, - сказал ненец. - На солнце не надейся. Тебе больше понадобится Нгер-Нумга - Полярная звезда!

...Ненец говорил верно: апрельское море подвело.

На десятый день, проснувшись утром, Травин почувствовал, что не может пошевелиться в своем логове. Ночью из-за весенних передвижек льда рядом образовалась трещина. Выступившая вода намочила одежду. Застыв, она превратилась в ледяной склеп. Он примерз ко льду.

Дали зовут

Рассказ Травина закончился. Воздух в помещении радиостанции словно застыл.

Настороженную тишину нарушал только вой ветра за окнами.

- Это же рекорд! - сказал, наконец, радист.

- Да, геройство! - подтвердил и врач.

- Геройство, но никчемное, - холодно уточнил начальник зимовки.

Он в отличие от своих молодых коллег выслушал Травина молча, не прерывая ни замечаниями, ни восклицаниями. И нелестное резюме было искренним. Ему, старому северянину, помнившему, как всего полтора десятка лет назад монтировались первые русские полярные радиостанции, среди них и югорская, поход Травина показался романтической чепухой вроде путешествия на плоту к полюсу задуманное немцем лейтенантом Бауендалем.

Бауендаль предпринял такую "экспедицию" в 1901 году. Сам Амундсен безуспешно пытался отговорить его. Но лейтенант оказался упрямым (по мнению Амундсена, даже не совсем нормальным). И только потеря плота во время его буксировки со Шпицбергена на Север оборвала нелепую затею.

- Скажите, зачем вам игра в приключения, зачем риск? - спросил Глеба начальник станции.

Он, конечно, не предполагал, не думал, что свой вопрос обращает далеко не к одному Травину, а к целой плеяде следопытов 30-х романтических годов. Как раз в этот 1930 год член Общества пролетарского туризма М. М. Ключников писал:

"...В поисках подробного ответа на вопрос, как строится и растет Советская страна, жизнь и быт народов СССР, я решил отправиться в трудное путешествие".

Сын рабочего из города Горького, как он называет себя, девятнадцатилетний грудастый парень, с крепкой шеей, большеглазый и русоволосый, чем-то похожий на Травина.

С историей его похода я познакомился так. Весной 1961 года меня занесло в село Тиличики, приткнувшееся на берегу Берингова моря, на севере Корякского округа. Места эти корякские скорее уже по названию, так как здесь больше чукчей. Когда жители узнали, что я интересуюсь разными путешественниками, то вспомнили, что в марте 1936 года в Тиличиках побывал пешеход Ключников.

Нашлась и запись беседы с ним, опубликованная в местной районной газете. Оказалось, что Ключников проделал пеший переход Москва - Камчатка! Он пересек Белоруссию, Украину, Крым, Кавказ, Среднюю Азию и через всю Сибирь вышел в Дальневосточный край, к устью Амура. Отсюда направился вдоль побережья Охотского моря на север и в конце 1935 года был уже на Камчатке.

Последние следы М. Ключникова удалось обнаружить на шестьсот километров южнее Тиличек, в рыбацком поселке Усть-Камчатск. Тут осенью 1936 года снимался фильм

"Девушка с Камчатки". В массовых сценах участвовали жители. И вот однажды режиссер не смог собрать добровольцев на вечернюю съемку. В чем дело?

На стене клуба - длинного бревенчатого барака - висело объявление:

"В Усть-Камчатск прибыл член Общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ) тов. Ключников, прошедший пешком 30 000 километров. Тов. Ключников выступит с лекцией "Значение туризма и физкультуры в СССР".

Лекция состоялась. Путешественник, судя по рассказу, повидал за свой поход много интересного. Летом он шел пешком, а зимой на лыжах. Особенно ему трудно достался переход через Алтайские горы... М. Ключников пропагандировал физкультуру, рассказал рыбакам также о Кузбассе, о Комсомольске-на-Амуре. На этих стройках он задерживался, зарабатывая на дальнейший путь...

Таков сын рабочего из города Горького М. Ключников...

Раскроем рукописную историю подразделения камчатских пограничников:

"...10.XII. 1932 года командир дает старт лыжно-нартовому переходу по маршруту Петропавловск-Камчатский - Хабаровск в составе вооруженного отделения... В начале марта достигли села Тиличики, пройдена треть пути. Снежная буря задержала отряд на шесть дней. Люди идут по пояс в снегу, прокладывая путь для собак, которых с каждым днем становится все меньше. Обогнув Пенжинскую губу Охотского м.оря, вышли к Калымском.у хребту и начали преодолевать его. Три дня брали горные массивы. Собаки едва шли. Часть поклажи пограничники взвалили на себя... От селения до селения 200 километров.

...Май. Солнце прогревает все сильнее, снег рыхлеет. Появились проталины. Путь на лыжах и на нартах стал почти невозможен. Теперь уж люди все несут на себе. Нарты волокутся пустыми по голой земле... 15.VII. команда прибыла в Николаевск-на-Амуре, а 22.VI - в Хабаровск. За 7 месяцев и 12 дней пройдено 5000 километров..."

Пограничников было одиннадцать, вел их командир Малинин.

А многие ли знают, что из Ленинграда 1 мая 1936 года вышла пешком в Хабаровск группа парней. Они просили принять их по окончании похода добровольцами на пограничную службу. Их было шестеро крепышей, а дошло только четверо: двое погибли под Читой. 7 ноября эти четверо явились в Хабаровск прямо на праздничную демонстрацию. Удалось узнать фамилию только одного из них - Ананьева!

В 1931 году через Урал промчался в Москву камчатский каюр Иван Дьячков. На своей упряжке в 12 собак он за день проделывал по 70 километров. Дьячков решил совершить такое путешествие, чтобы испытать выносливость камчатских собак. Те, кто встречал его в Свердловске, в Казани, в Горьком, конечно, не подозревали, что черноглазый улыбающийся гонщик всего год назад пересек 2000 километров со своей упряжкой по малодоступным местам Чукотки, доставляя горючее для самолетов Маврикия Слепнева. По заданию Советского правительства летчик вел поиск погибшего американского авиатора Эйелсона.

Наступают на сибирские пространства и лыжники. 1934 год, например, ознаменовался гигантским тройственным переходом, своеобразной эстафетой с Амура на Москву. Первой стартовала пятерка воинов-дальневосточников. Молодые спортсмены со своим ведущим Владимиром Мартыновым вышли 15 октября со станции Бочкарево, близ Благовещенска. Через месяц уже из Нерчинска следом двинулась другая пятерка лыжников - командиров военно-воздушных сил. Возглавлял этот отряд авиационный штурман Василий Иткясов.

Мужественные люди преодолевали и сопки, и таежные дебри; не раз попадали в пургу, обмораживались на ледящих ветрах. И вот, когда обе команды прошли Омск, впереди появилась еще одна пятерка, на этот раз женская. Молодые спортсменки из Тюмени тоже решили продемонстрировать выносливость и выдержку в суровых условиях. Все отряды почти одновременно штурмовали Урал и встретились в Свердловске. Отсюда их пути

опять разошлись: бочкаревыцы направились на Казань, а нерчинцы и тюменцы - на Пермь. В середине февраля 1935 года снова встреча, теперь в Москве.

Весь мир был изумлен этими стремительными грандиозными кроссами, и в особенности женским: такого не знала спортивная история.

Едва пресса успокоилась, а тут опять подвиг: летом 1936 года девушки-москвички направились в смелое автомобильное путешествие по маршруту Москва - Каракумы - Москва. Стартовало 15 легковых машин. В пробеге участвовало 28 женщин-водителей. Совсем недавно автору пришлось познакомиться с одной из них - Е. С. Милессиной. Она уже более трех десятков лет за рулем и сейчас работает шофером в Москве в ТАССе.

Ну а как же велосипедисты?

В 1935 году Каракумы пересекли таджикские велотуристы из Душанбе. Финишировали они в Москве. В этом же году группа железнодорожников совершила велосипедный пробег Хабаровск - Москва. Через год в историю советского велоспорта записали еще один большой велопробег. Пять спортсменов-пограничников (снова пограничники!) во главе с чемпионом Украины Л. Людмирским проехали по маршруту Киев - Одесса - Керчь - Новороссийск - Баку - Красноводск - среднеазиатские республики - Иркутск - Хабаровск - Владивосток с заездом в Якутск. Было пройдено 31000 километров...

Смелчаки пересекали тысячекилометровые, нередко пустынные пространства Средней Азии, Казахстана, Сибири, Дальнего Востока, стремясь лучше познать Родину и прославить ее, и делали это, конечно, от чистого сердца. Такие походы являлись еще и своеобразными агитпробегами, утверждавшими, что нет ничего сильнее человека новой Страны Советов.

...Нет, начальник Югорской зимовки определенно не знал, что, называя достижение Травина "никчемным геройством", он своим равнодушием обижал отважную молодость романтических, светлых и трудных 30-х годов.

Равнодушие - ржавчина любого дела. Первую вежу всегда кому-то надо ставить, в том числе и в спорте, туризме. Для этого часто требуется перемахнуть через пропасть, через горный поток, а в ряде случаев через более трудное - глухомань предубежденности, догматизма, равнодушия. Но вежа, несмотря ни на что, все же ставится. Тем и дороги для нас эти первые...

Сибирская даль всегда манила людей любознательных, отважных. С тех пор как в 1639 году казак Иван Москвитин первым из русских вышел на берег Охотского моря, то есть увидел Тихий океан с запада, несть им числа. И уже ни годы, ни месяцы, а какой-то десяток летных часов требуется, чтобы пересечь советскую Евразию из конца в конец...

Но у нас речь о велопутешествии.

Не будет новостью, но и не лишне здесь сказать, что Россия - родина не только велосипеда, но и велопробегов на дальние расстояния. Изобретатель чудесной легкой машины уральский мастер Е. М. Артамонов является и первым велостайером: в 1801 году он прибыл с Урала, из Верхотурья, в Москву на своем двухколесном самокате и на нем же вернулся домой, проделав в два конца 5000 километров. Почти через сто лет, в 1895 году, этот путь повторил его земляк из Кунгура М. Серебряников. Велосипедные путешествия в начале XX века становятся обычным явлением: наших гонщиков видят в Вене, Париже, Риме, Будапеште...

"Русский велосипедист первым обогнул земной шар!" - такое сообщение появилось во многих газетах мира в 1913 году. Речь шла о часовом мастере (? - ред.) Анисиме Панкратове. Взяв старт в июне 1911 года из Харбина, он поздней осенью был уже в Петербурге, а отсюда направился за границу. Панкратов проехал Германию, Балканы, Швейцарию, Италию, Испанию. Переправившись в Соединенные Штаты, пересек их с востока на запад. Затем через Японию и Китай летом 1913 года снова возвратился к исходной точке - в Харбин. Международный спортивный союз наградил путешественника за выдающееся достижение Бриллиантовой звездой.

Но пора вернуться к Глебу Травину, рискнувшему совершить, кажется, невозможное - колоссальный велопробег вокруг СССР, включая Арктику! Так как же начался этот поход?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Названный тихим

Пассажиры, ехавшие на пароходе "Астрахань", который шел в последнюю неделю ноября 1927 года из Владивостока на Камчатку, удивлялись шумной компании, устроившейся в крайней кормовой каюте. Оттуда неслись то песни, сменявшиеся громкими спорами, то дробь каблуков.

Гуляки! - решили соседи. Но когда один из любителей выпивки сунулся "поддержать компанию", то на глазах у всех из двери вылетели по очереди сначала визжащий гость, затем его фуражка и в заключение жестяная банка японского спирта, купленная им тайком во время стоянки в японском порту Хакодате.

Прошли деньки тяжелые, прошли года,
Но не забыть их восковцам уж никогда.
Как на границах СССР белогвардеец и эсер
Узнали удаль красного бойца.

Да эх!

Через широко распахнутую дверь в каюте можно было видеть группу молодых военных. Дирижировал плотный командир с кубиками в петлицах. Он в такт мелодии рубил рукой воздух и вел хор баритоном:

Вперед же, восковцы, вперед!
За наш Октябрь, за наш народ!..

В середине дня, когда началась порядочная качка, военный с кубиками вышел на палубу. Тяжелые волны, усыпанные стружкой пены, громыхали по бортам корабля, злобно заглядывали зелеными глазами в иллюминаторы, запрыгивали на палубу.

...Океан, океан! Названный Тихим, ты бережно нес каравеллы Фернандо Магеллана, обманув на века своим полугодовым смирением мореплавателей. Это ты Тихий - с ураганами, смерчами, с извергающимся огнем и пеплом вулканами, движущимися водяными горами - цунами?! Вырыл ли твое ложе гигантский звездный метеорит, то ли Луна, оторвавшись от матери-Земли, оставила на ее лике вечно дрожащую, магмой кровоточащую рану, не знают пока люди, как ты, Тихий и Великий, лег между двумя материками. Лег и скрыл под собой третью часть планеты...

Опершись на поручни, военный подставил лицо штормовому ветру.

"...Великий океан. Любопытно, в нашем Пскове тоже Великая, но река. И улица, на которой жил. Петропавловская. Почти дома. Только теперь придется добавлять "на Камчатке"... Да, Псков, город родимый!"

Палуба то вздымается, заслоняя горизонт, то проваливается. И как волны, наплывают воспоминания.

...Побитые шины старой телеги, на которой сидят отец с матерью и пятилетний Глеб, тархтят по булыжной мостовой. Красив Псков. Золотом горят маковки сорока его церквей. Весело смотрят большими окнами сложенные из красного кирпича дома, над белеными оградами - весенняя кипень садов.

- Это что, тятя? - Глеб показывает на длинные громоздкие здания.

- Солдатские казармы, сынок. Тут и я служил.

- Царю служил - костыль нажил, - хмуро замечает мать.

К семье в деревню Косьево, затерявшуюся в псковских лесах, солдат Леонтий Травин появился неожиданно - демобилизовался "по чистой".

На царском смотре ротному не понравилась его выправка - носки по-уставному не развернул. Офицер вырвал винтовку и ударил прикладом по ступне.

С плаца Леонтия с разможенной ногой отнесли прямо в госпиталь.

"Калека какой в крестьянстве работник, - решил отставник. - Один выход - в город подаваться".

Так семья Травиных попала в Псков. Отец нанялся дворником и сторожем на квасном складе.

Склад возле самой реки Великой. Правда, она не столь уже велика, но несет баржи, пароходы - пузатые, голосистые, с колесами до бортов. Из-за этих красных с шумом шлепающих по воде "мельниц" пароходики кажутся очень сильными.

Глеб пропадал на реке с утра до ночи. В дельте Великой, перед ее впадением в Псковское озеро, в тростниковых зарослях водится всякая живность: крикают утки, кричат выпи, порхают маленькие перевозчики, бьются по песчаным отмелям самцы-турухтаны, грозно распустив цветные воротники; прыгают длинноносые кроншнепы, носятся с криком чайки; по мелким илистым заводям важно разгуливают на ногах-ходулях цапли и журавли, высматривая зазевавшихся лягушек. В зарослях гнездятся на мелких разливах мириады жуков, головастиков. Дельта - богатейшее место для жировки птицы.

А вверх по реке, по левому берегу, в каменоломнях ужи. Можно наблюдать, как они спят, едят, охотятся, плавают вблизи берега.

Тут же рядом поселились ежи. Соседство, по правде говоря, для безобидных пресмыкающихся неприятное. Глеб однажды видел, как колючий коротконожка ухитрился расправиться с целым семейством ужей...

- Что за бродяга растет, - сетовала мать, выкидывая из комнаты то птенцов, то щенят, то тритонов в банке. Все что хочешь можно было найти в углу за печкой, облюбованном Глебом для своих важных дел. Сегодня выкинет, а завтра там снова плавают в тазу щурята, лежит груда ракушек, бьется под склянкой большая стрекоза.

В низовьях Великой Глеб познакомился с учителем из села Листовки Яковом Никандровичем Никандровым. Тот знал природу Псковщины, как свой огород. Впрочем, огород хуже. Так говаривала его жена - тоже учительница, выпускница известных Бестужевских курсов.

Путешествуя, Глеб изучил оба берега Великой так же хорошо, как двор квасного склада, который помогал убирать отцу. Они собирали с учителем гербарий, набивали чучела, ловили бабочек, жуков... Яков Никандрович объяснял, что на пользу, что во вред. Глеб узнал, что у всей этой живой мелочи есть точные названия.

То, что в учебниках звучало сухо и отвлеченно, здесь в низовьях реки обретало жизненную суть.

...Палуба то вздымается, то проваливается. Глеб глядит на бегущие волны, и глаза его ищут в океанской зыби иные холмы, иной край. Но ветер не позволяет задержаться хоть на минуту созданному воображением.

Город "Трех братьев"

Кончилась последняя гряда Курильских островов. Пароход взял курс к Первому проливу - воротам Восточной Камчатки. Охотское море дымилось холодом: врезавшись кривым клинком в океан, Курилы отсекали от него теплые струи Куроисио.

Справа по борту из моря выросла гора очень правильной конусообразной формы. По мере приближения она росла и росла, вставая из волн, сверкающая, с облачным шарфом на

крутых плечах, в кисейном снежном платье, через которое проглядывала темная оторочка гребней.

Приближался вечер. Над проливом появился туман. Его кружащиеся бесформенные щупальца протянулись по всем направленном. И не стало острых вершин, сияния волн, чистых снегов, все заляпано неряшливыми серыми пятнами. Воздух потяжелел, и вдыхать его приходилось с усилием. Притихли птицы. Не видны и рифы. О них только напоминал грохот сулоев - сутолочи приливных волн.

Корабль пошел едва-едва. Порыв ветра на какой-то миг разорвал массу тумана, и в солнечном закате еще раз показалась бело-розовая вершина острова-горы.

Стоявший рядом с Глебом сухощавый брюнет в очках-пенсне заметил:

- Алаид прощается с солнцем.

- Какой-то одинокий, - сказал Глеб, любуясь островом.

- Именно,- подтвердил человек в пенсне. - О нем много легенд. И любопытно, одни народности рассказывают об Алаиде как о добром богатыре, потерявшем любимую девушку, другие - как о злом гордеце или гордячке, которые ушли от людей в море. Легенды едины лишь в одном: Алаид перед уходом вырвал из своей груди сердце и оставил его на Камчатке.

- Почему же по-разному думают? - заинтересовался Глеб.

- Потому что камчатским ительменам вулкан приносил бедствия, а для курильских айнов, которые видели его лишь издалека, он выглядел, как и для нас с вами, - красивым и очень одиноким.

"Рассказывают, будто гора стояла прежде сего посреди озера, - продекламировал незнакомец, - и понеже она вышиною своею у всех прочих гор свет отнимала, то оные непрестанно на Алаид негодовали и с ней ссорились, так что Алаид принуждена была от беспокойствия удалиться и стать в уединение на море; однако в память своего пребывания оставила она свое Сердце-Камень, который стоит посреди озера".

- Как это вы помните? - изумился Глеб.

- Профессионально, - ответил рассказчик. - Я учитель. Кроме того, мой прапрадед, ссыльный из Иркутска, хорошо знал автора описания - студента Крашенинникова Степана Петровича. Они познакомились в камчатском селе Большерецке. Прапрадед в знак дружбы подарил исследователю даже японскую книжку, чуть ли тогда не единственную в России.

- Крашенинников, студент? - спросил Глеб.

- Да. Его привез на Камчатку Беринг. Но, вернувшись в Петербург, Степан Петрович написал столь энциклопедичную работу о полуострове, что из студентов махнул в академики. Правда, с помощью Ломоносова.

- Давайте познакомимся. Травин,- представился Глеб.

- А я Новограбленов Прокопий Трифионович. Учитель географии в высшем начальном училище. Понимаете, начальное, но высшее. Оба засмеялись.

- Кстати, что это за песня о каких-то восковцах?

- Я и мои товарищи служили в полку имени Воскова в Ленинграде, - пояснил Глеб. - Вот демобилизовались, едем на Камчатку. Как считаете, дело найдется?

- Разумеется, - подтвердил учитель.

На следующий день утром раздалось с вахтенного мостика:

- Приготовьтесь к встрече с Тремя братьями!

"Удивительно гостеприимный город. - улыбнулся Глеб. - Где еще встречают сразу три брата?"

Пароход приближался к берегу очень медленно. Вход в бухту, название которой уже все знали - Авачинская, был затянут туманом. От невидимых береговых скал отлетало эхо гудков...

Из клубящейся пелены выступили три утеса. Они словно повисли в воздухе. Разного роста, разные в плечах, но братья: из одного материала - гранита.

За "воротами" разъяснилось. Бухта окружена заснеженными сопками. В глубине ее на крутом берегу чернела россыпь домиков. Их не больше, чем в среднем селе, - несколько сотен.

Деревянная пристань, устроенная во внутреннем заливчике - ковше, густо усыпана пародом. Сбежался, наверное, весь Петропавловск. Слышались приветственные выкрики, переливы гармошки, смех, гомон.

Одни от избытка чувств махали платками, другие сосредоточенно пробирались поближе, к краю пристани. Пароход - это событие: письма, товары, газеты. И новые люди, те, что стоят сейчас на палубе возле борта и жадно рассматривают незнакомый берег и шумную, пеструю толпу. Еще десяток минут - и загремел якорь, заскрипел трап, и два потока смешались. Сошли вниз и восковцы. И сразу попали в тугие объятия, пахнувшие рыбой, потом, смолой...

Стоял сплошной многоязыкий крик. Кажется, смешались и нации, и времена: широченные шаровары волжского грузчика и синяя даба японских сезонников, царских канцелярий вицмундир с манишкой, американская кожаная куртка и китайская рубаха-распашонка, фетровая шляпа и фуражка с казачьим околышком. И только в стороне небольшая группа одетых в строгие военные костюмы. Это пограничники.

Всем чего-то надо от последнего в сезоне парохода. На лицах праздник.

Глеб и его друзья, работая плечами, двинулись через толпу.

Город в три улицы. Гуще строения в долинке, зажатой двумя заросшими березняком сопками. Тут же и ряды складов с цинковыми волнистыми крышами. Позади поблескивало большое озеро, отделенное от моря узкой намывной косой, а еще дальше высилась остроконечная вершина вулкана.

Вместе с восковцами шел и пароходный знакомый Новограбленов. Глеб заметил, что с ним без конца здоровались. Некоторые даже снимали шапки.

Новограбленов отвечал одинаково приветливо - легким поклоном.

- Мои ученики, настоящие и бывшие, - заметил учитель. - И, конечно, родители.

Поднялись на улицу. Позади раздался бешеный лай. На косогоре из-за вросшего в землю металлического склада с размашистой надписью по стене: "Свенсон и К^о" - показалась необычайно большая упряжка - до полусотни собак. На санях, связанных из четырех нарт, лежало большое металлическое колесо.

- Маховик, - заметил Глеб.

- Да, - подтвердил Новограбленов, - электростанцию у нас строят. Первую!

Погонщики подбадривали собак тяжелыми, окованными снизу палками - остоломи.

- Давайте-ка поможем, - и Глеб, не дожидаясь согласия, шагнул к саням.

Восковцы так навалились, что каюр испугался за свое сооружение и замахал руками.

Электростанция - новое одноэтажное здание с башенкой - оказалась в соседнем переулке. Демобилизованные ленинградцы задержались возле него, помогли сгрузить маховик и получили от прораба предложение остаться на строительстве.

На следующий день Травин уже монтировал главный щит и попутно обучал товарищей, как тянуть электропроводку. Впрочем, он брался за любое дело: когда надо, слесарничал, занимался двигателем, плотничал. Успевал даже петли на зайцев ставить, благо сразу за электростанцией начиналась заросшая ивняком Петровская сопка.

- Из молодых, да ранний, - довольно ухмылялся прораб.

- Псковские, они все могут, - отшучивался от похвал Глеб.

...В начале декабря стало пуржить. Город зарылся в сугробы, обезлюдел. Пароход, на котором приплыл Глеб, забрал на материк большинство любителей длинного рубля. С советизацией Камчатки (выборы в Советы тут начались только в 1925-1926 годах) масштабы деятельности разного рода ловкачей - скупщиков пушнины, браконьеров, торговцев - резко сузились. Дали по шапке и иностранным гражданам, имевшим на полуострове имущественные и прочие, выражаясь дипломатическим языком, "интересы"...

Восковцы жили в домике, который сняли у покинутой жены одного из таких ловцов удачи. Каркас стен был сбит из ящичных досок, на которых еще красовались штампы английской фирмы "Hudsons's Bay Company". Внутри засыпана какая-то труха, а вместо штукатурки газеты. По этим наклейкам можно было изучить всю историю Петропавловска 20-х революционных лет. Город до десятка раз переходил из рук в руки. И разные "правительства" все еще вопрошали со стен, угрожали, наставляли, объявляли и обращались...

"...Вижу, что население области не станет ныне открыто на нашу сторону при столкновении с большевиками, никакой помощи не окажет... Не желая рисковать жизнью офицеров и солдат, ряды которых с каждым днем и так все больше редуют, я решил покинуть Петропавловск и Камчатку.

Начальник Камчатской области генерал-майор ИВАНОВ-МУМЖИЕВ. 2 ноября 1923 года".

Поперек этой бумаги красным карандашом крупно: "Скатертью дорога!"

Глеб, подновляя самодельные обои, обратил внимание на статью в газете "Полярная звезда" - "Письмо ко всем культурным работникам об участии в изучении края". Он пробежал первые строчки, призывающие осваивать производительные силы Камчатского округа, и заметил подпись: "Председатель краеведческого общества П. Новограбленов".

Глеб уже давно не встречал Прокопия Трифионовича: весь ноябрь работал на заготовке дров для работы двигателя электростанции. И сейчас ему захотелось поговорить с учителем. Он ведь и сам был краеведом, в 1920 году организовал в Пскове Клуб юных следопытов.

Клуб образовали в противовес отряду бойскаутов, появившемуся в городе года на два раньше. В скауты шли и гимназисты, и реалисты. Как не пойти, не увлечься: командир отряда, командир взвода, нашивки из зеленого сукна, зеленое отрядное знамя, оружие. Мастерские Всероссийского земского союза - был и такой "союз" - подарили красивую цвета хаки форму. А игры! Уже не наивные сыщики-разбойники, а походы, разведка, вылазки, военная тайна, учебные сражения и, конечно, ур-р-а!..

Клуб юных следопытов быстро завоевал популярность. Тут учились не только владеть охотничьим оружием, компасом, картой, но и познавали природу края. В экскурсиях у ребят вырабатывалась выносливость, неприхотливость к пище, смекалка. Считалось правилом уметь в лесу, на реке добыть пищу - дичь, рыбу, найти съедобные корни, ягоды и приготовить обед без кастрюль и сковородок. Костер - с одной спички. Среди заповедей следопытов были и такие: любить природу, не пить вина, не курить...

Глеб в этот же день зашел в музей - резиденцию камчатских краеведов. Миновал один зал, посвященный природе полуострова, а во втором увидел Прокопия Трифионовича. Учитель что-то объяснял небольшому чернявому мужчине.

- Добрый день!

- А-а. Здравствуйте, - живо обернулся Новограбленов. - Мы вот тут с казначеем толкуем о средствах. У нас кооперация в финансировании научной работы, - продолжал пояснять он. - Окрисполком, Акционерное камчатское общество - АКО, но главный ресурс - инициатива. Сто пятьдесят членов по Камчатскому и Чукотскому побережьям. Учителя, врачи... Все собрано руками добровольцев, - показал Новограбленов на стеллажи. - Есть даже розовая чайка. Знаете?

- То есть как розовая? - не понял Глеб.

Новограбленов подвел его к чучелу небольшой птицы.

- Да, чайка, но с темным кольцом на шее. И что удивительно, оперение на голове, на брюшке светилось ровным розовым оттенком. Птица была нежной, южной...

- Розовые чайки гнездятся только в устье Колымы, - объяснил учитель. - Они удивительно редки. Я знаю, что в 1910 году Академия наук выразила благодарность полярному путешественнику Седову, когда тот привез из Колымской экспедиции шкуру такой чайки. А нашу подбили в долине реки Камчатки - и сюда, значит, залетают...

- Памятники осмотрели - Берингу, капитану Клэрку - товарищу Кука?.. А камень в виде сердца на Никольской сопке видели? - спросил вдруг Новограбленов. - Сердце-то наши моряки поставили в честь французского мореплавателя Лаперуза. Тоже тут бывал. Имейте в виду, что это вообще первый памятник прославленному путешественнику. Сами французы не догадались... Петропавловск-Камчатский - старейший город на Дальнем Востоке. Владивосток моложе почти на двести лет. Жаль, что это стало как-то забываться...

Было заметно, что Новограбленов сел на своего конька. Вокруг собрались и другие посетители. Глебу надо уходить на дежурство. А жаль...

18 марта 1928 года состоялся торжественный пуск первой в городе электростанции. Вспыхнули огни в домах и на всех трех улицах. На главной сияли матовые фонари. До них можно рукой достать. Провода лежали на сугробах, наметенных мартовскими пургами. Посреди улицы лоснилась нартовая стежка. Чуть в сторону - и провалишься по пояс, а то и по шею. Но сегодня в этой пуховой обочине побывали почти все. Играли в снежки, пели песни. Молодежь танцевала и веселилась до утра. Кухлянки, ситец, меха и городская одежда - все перемешалось.

Горячая земля

Весна в Петропавловске-Камчатском небурная: тает медленно; сугробы садятся, садятся, становятся ноздреватыми - и вдруг проглянет земля. Снег начинает отступать в горы, а вдогонку за ним бежит юная зелень. Деревья, особенно березы, еще долго стоят нагие. Но когда настанет пора - конец июня, зеленый шатер зашумит по сопкам, по разделам, по берегам. И пусть та пора захватит березку со стволом, еще окруженным снегом, все равно такая березка зазеленеет, откликнется на зов поздней, но верной, камчатской весны.

Очистилась ото льда Авачинская бухта. Прибыл пароход.

Три дня конторы пустовали: все работали грузчиками на пристани. Потом еще два дня толкались на почте: ждали посылок, писем за полгода. Глебу пришел большой ящик в пестрой импортной упаковке...

Вечером горожане увидели своего электрика на ярко-красном велосипеде. Он катил по главной улице, сопровождаемый визжащими ребятишками и стаей лающих собак: велосипед-то в Петропавловске первый. Но машина вызвала бы удивление и у знатоков: низкая, у колес дубовые обода со стальной никелированной облицовкой, покрышки наглухо скреплены с камерами.

Глебу велосипед прислали по специальной заявке. Он еще зимой обратился с такой просьбой в Камчатский госторг. В заявлении добавил: "...для путешествия вокруг СССР". Тогда на это дополнение как-то не обратили внимания. А теперь в городе гадали, как отнестись к столь сногшибательной инициативе: вокруг СССР... на велосипеде?..

Сколько раз Глеб слышал это восклицание. И впервые в 1923 году в Пскове. Тогда он уже работал инструктором-охотоведом в губернском совнархозе. Разъезжал по всей Псковщине, организуя охотничьи артели. Транспорт - лошади, а чаще - на своих двоих.

24 мая 1923 года в Псков заглянул Летучий голландец. Это романтическое имя носил велосипедист Адольф де Грут. Он прибыл из Антверпена, проехав Бельгию, Германию, Скандинавские страны, далее - по берегу Балтийского моря в СССР.

"Вот машина, тот самый вездеход, который каждому бы следопыту", - с завистью подумал Глеб.

Он смотрел на снимок в газете "Псковский набат". Де Грут, картинно опершись на велосипед и повернув голову в профиль, вглядывался вдаль. Судя по интервью, спортсмен намеревался из России направиться в Персию, затем побывать еще в Африке и вернуться через Пиренейский полуостров во Францию, а затем в Амстердам.

Велосипед! Глебу; он с детства казался чем-то волшебным: никель, яркая окраска, педали с металлическими носками для обуви, длинный сверкающий гудок с резиновой грушей, большущий красный насос, фасонные рогульки ручных тормозов. Кожа на седле лакированная, а на педальной оси даже подножка для посадки!..

Но велосипед в реальном училище имелся только у сына директора Поземельного банка Эльберга. Хорош, да не по карману: стоил 300 рублей, ровно в десять раз больше месячной получки отца-дворника.

Появление иностранного велосипедиста всколыхнуло мечту детства.

Глебу помог случай. Его выдвинули делегатом на Всероссийский съезд охотников, который состоялся в 1923 году в Москве. Там-то и купил машину, в нэпмановской комиссионке. На ободранной раме, на колесах, на сумке - всюду назойливо пестрело название фирмы "Лейтнер".

- Отныне другого транспорта не признаю! - заявил Глеб после первой же поездки по охотничьим угодьям.

Он исколесил всю губернию. В этих поездках и родилась мысль совершить дальнейшее путешествие.

"Может быть, вокруг света?! А почему бы и нет?"

Постепенно вырисовывался маршрут. Старт в Пскове. Затем через всю страну до Камчатки и Чукотки. Прыжок через Берингов пролив. Дальше Северная Америка, Африка, Австралия, Япония. И через Владивосток на Родину. Финиш в Москве.

Планом путешествия, напоминавшего по очертаниям виток грандиозной спирали, Травин поделился с товарищами по клубу. Мнения резко разошлись. При всем уважении юных натуралистов к вожаку многие оценили маршрут как фантастический, - в особенности его этапы, проходящие через Камчатский полуостров, Чукотку и Аляску.

- Дорог нет, питаться нечем. А холода?! Ведь не Псков, а Арктика.

- Здорово раздраконили, - признавался Глеб. - "Не Псков, а Арктика" звучит исключительно сильно. Только зря, друзья, обижаете родной город. Именем какого полярного исследователя назван один из самых северных труднодоступных островов? Фердинанда Врангеля, родившегося и выросшего в Пскове...

- Так их, Глеб! - крикнул однокашник по реальному Георгий Плещ. - Пожалуй, и я готов с тобой. Возьмешь?!

Это крепкая поддержка. Плещ работал инструктором физкультуры и был хорошим велосипедистом, только что вернулся из велопробега Псков-Харьков.

Каждый свободный час теперь уходил на тренировки, на изучение автомотора, электротехники, слесарного дела. Это делалось, во-первых, чтобы не застрять в пути из-за неисправности машины, и, во-вторых, в какой-то степени решало вопрос о средствах.

Глебу подвернулась книжица "Без гроша в кармане". В ней давалась подробная консультация, как вести себя путешественнику, если сложилась ситуация, обозначенная в заглавии. Оказывается, надо владеть несколькими ходовыми специальностями. Они верное средство для случайных заработков. Спортсмены знали, что общество охотников не в состоянии выделить значительную сумму для кругосветного путешествия, поэтому

совет книги не оставили без внимания. В необжитых местах пищу надеялись добывать охотой.

Ежедневные поездки Травина и Плеща не вызывали особого любопытства. Разве что у машинистов паровозов... Глубокой осенью тренировки перенесли на шоссе, проложенное вблизи железнодорожного полотна. Машинисты, заметив полуголых велосипедистов, мчавшихся под дождем, а то и по снегу наперегонки с поездом, выражали изумление продолжительными гудками...

Глеб занялся еще изучением эсперанто - искусственного международного языка, созданного поляком Л. Замменгофом. Алфавит латинский, но букв меньше. Запас разговорных слов небольшой, корней что-то около тысячи. Узнать эсперантиста просто: носит зеленую пятиконечную звездочку с надписью: "Эсперанто". Увидишь такую эмблему у кого-нибудь на груди в любой стране - подходи и разговаривай. Язык эсперанто был моден, на нем издавались журналы, печатались даже книги...

Вероятно, 1925 год был бы стартовым. Тем более что Высший совет физкультуры разрешил Глебу Травину и Георгию Плещу выехать в путешествие - были изготовлены паспорта-регистраторы и даже визитные карточки, но вышло по-иному.

Однажды в клуб пришел работник городского военкомата.

Товарищи, у нас есть места на краткосрочные курсы командиров Красной Армии. Сами понимаете, нужны активисты, и физически подготовленные. Давайте кандидатуры.

Вся группа, словно сговорившись, обернулась к столу, за которым сидел Глеб.

- Травин!

Через девять месяцев Глеб уже командовал взводом в 33-м стрелковом полку имени революционера Семена Воскова. Полк был расквартирован в Ленинграде, на Малой Охте.

Глеб не отказался от своего плана. Он только изменил его первый этап - решил вначале проехать по границам СССР.

Когда пришла пора демобилизоваться, Травин попросился, чтобы дали билет на Камчатку.

- Это зачем же? - удивился командир.

- Начну отсюда путешествие.

Писарь долго консультировался с разными ведомствами, прежде чем высчитал сумму проездных. Камчатка казалась невероятно далекой.

- Сорок дней выписал, хватит? - спросил он.

Вот так Глеб и оказался в Петропавловске-Камчатском, уговорив с собой еще и группу товарищей по службе.

Путешествие вокруг СССР!.. Молодежь города дружно проголосовала "за", рассматривая поход как общественное дело. С сочувствием отнесся к планам Глеба Травина и Прокопий Трифионович, даже предложил ему подняться на Авачинский вулкан.

- Для разбега, - заметил он и добавил шутя: - или вы собираетесь по методу "умный в гору не пойдет, умный гору обойдет"?

- Я за тех, кто в гору, - в таком же тоне ответил Глеб.

Восхождение решили провести в выходной.

...Охотничья тропа, по которой альпинисты направились к Авачи, то кружила в зарослях кустарника, то тянулась аллежкой среди залитого светом березняка. Потерявшись в болоте, она вновь выбегала на косогор. Сахарная голова вулкана сверкала совсем рядом, хотя до нее тридцать километров.

К подножию подошли к концу дня. Под ногами заскрипела растертая в порошок серая пемза. Голые поля, пересеченные коричневыми полосами вулканических бомб и потоками остывшей лавы, протянулись, куда доставал глаз. Лишь изредка среди царства мертвого

камня встречались крошечные рожицы искривленного тальника, островки кедрового стланика.

- Вот тут, пожалуй, и разобьем лагерь, - остановился Новограбленов возле одного такого оазиса.

Авача в лучах заходящего солнца пылала костром.

- Красиво! - загляделся Глеб.

- И пока бесполезно, - добавил Новограбленов. - На Камчатке полтора десятка вулканов, три десятка действующих. Какая колоссальная энергия пропадает! Летом 1923 года я вместе с Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым обследовал кратер этой сопки. Он тогда справедливо заметил: "Если бы отвести тепло от нее в Петропавловск, бухту можно согреть. А то прямо здесь, на склоне, перерабатывать в электрическую энергию..."

Перед тем я дважды уже бывал на вершине Авачи, но в кратер спускались мы впервые. Это было довольно смелое предприятие, так как вулкан энергично парил и дымил. Извержение произошло через три года. Нынешняя воронка уже мало похожа на прежнюю...

- А ведь в самом деле, - помолчав, продолжал Новограбленов, - природа, обидев Камчатку солнцем, словно нарочно наставила эти "печки". Жаль, что все подземное тепло вылетает, так сказать, в трубу. Если использовать калории, которые выделяют наши вулканы и горячие ключи, то на Камчатке можно создать условия не хуже кавказских: построить плавательные бассейны, гигантские теплицы. Тут росли бы и виноград, и бананы, не говоря уже об огурцах и помидорах. Вулканы - это внутреннее солнце полуострова!..

- А Арсеньев зачем сюда приезжал? - спросил Глеб.

У него были подряд две камчатские экспедиции: в 1922 году, зимой, он объездил приохотский Север, а летом следующего года исследовал ресурсы Командорских островов. В частности, он очень ратовал за правильный, плановый промысел морских котиков, которых выбивали безжалостно и американцы, и японцы, и русские промышленники. После Командор он побывал в Петропавловске. Вот тогда мы и устроили путешествие в кратер.

Чувствовалось, что Новограбленов говорит об Арсеньеве с удовольствием. Увлечшись, он ускорил шаг, так что Глеб, поспевая за ним, чтобы не пропустить рассказа, несколько раз спотыкался о камни.

- А познакомился с Владимиром Клавдиевичем я много раньше, еще в 1918 году. Он тогда прибыл на Камчатку из Владивостока во главе экспедиции Переселенческого управления. Сам обследовал всю долину реки Камчатки. Поднялся по ней от низовья до Милькова, а потом перевалил через Ганалы и вернулся в Петропавловск-Камчатский.

После путешествия он выступил в Народном доме с докладом по инородческому вопросу. Это была горячая речь в защиту коряков, ительменов, ламутов и других коренных северян. Арсеньев говорил о болезнях, из-за которых вымирают тысячи людей, а на всю Камчатскую губернию, замечу, имелось два врача, о том, что ламутам надо вернуть охотничьи угодья, из которых их вытеснили в места, малопригодные для жизни, мотивируя это заботой о пушном звере. Одна фраза особенно запомнилась: "Нельзя же из-за интересов скотоловбия забывать об интересах человеколюбия". Тут же Арсеньев поставил задачу организации интерната для детей коряков в бухте Корфа... Собрание состоялось 2 октября 1918 года. Оно запечатлелось еще и потому, что я сам председательствовал на нем от краеведческого общества, которое только что организовалось. С тех пор и держу связь с Владимиром Клавдиевичем. Он очень внимательно относится к нуждам нашего музея, всегда дает хорошие советы. Умный и сердечный человек. У меня несколько его книг - прислал на память с дарственными надписями. Особенно приятно было получить первое издание знаменитого "Дерсу Узала"...

Тропинка исчезла. Двигались по голому лавовому плато, загроможденному глыбами пористых базальтов. Вверх уходил крутой гребень, упирившийся в ледник. Ветер нагнал с моря туман, который заползал в ледниковое ущелье длинными рыхлыми губками. К полудню следопыты достигли высоты двух тысяч метров. Теперь Новограбленов ощупывал палкой каждую пядь, осторожно обходил трещины, осыпи.

- Часам к пяти будем на вершине, - высказал предположение Глеб.

Прокопий Трифонович в ответ показал на клубок туч, который словно раскручивался над Авачей, захватывал разрозненные облачка, становясь с каждым оборотом массивнее. Вскоре пошел снег, поднялся ветер, завьюжило, закрутило...

Непогода застала альпинистов всего в пятистах метрах от кратера. Но дальше ни шагу. Даже на четвереньках не удержаться на склоне конуса, крутизна которого более 30 градусов.

Решили разбить палатку. Укрепили ее и залегли.

...Пронизывающий холод, грохот срывающихся камней и мокрый тяжелый снег. Стены крошечной палатки намокли, обвисли. Под этим "одеялом" дрожали весь вечер. А к полуночи распогодилось, проглянули звезды.

Чуть свет продолжили восхождение. Придерживая друг друга, предупреждая об опасностях, альпинисты шаг за шагом приближались к кратеру. Вершину время от времени заволакивали тучи дыма и газа. Иногда газовое облако вырывалось из жерла и подобно лавине скатывалось вниз по склону.

Горло, кажется, разрывалось от щиплющей боли. Глеб уткнулся в снег и стал глотать его: так легче.

До кромки кратера оставались уже метры. Еще усилие - и перед глазами зияла огромная изрезанная трещинами, выступами чаша. Дно загромождено глыбами. Из-под них били струйки паров, газов. В центре песчаная площадка. Песок удивительный: вся его зыбкая масса жила. На ней, как на манной каше, то и дело вздувались песчаные пузыри. Лопаясь, они рассыпались, выбрасывая газ. И любопытно: то место, где они рождались и исчезали, сразу же покрывалось ярко-желтым пятном серы. Доносился подземный рокочущий гул...

- Тот, кто выдумал библейский ад, наверное, побывал здесь, - заметил Новограбленов. - И в то же время все реально. В таких вот геологических муках и рождалась камчатская земля. И всего миллион лет назад, она ведь ровесник человека...

Учитель рассказывал, и Глеб мысленно видел, как разверзлось дно океана. По трещинам из глубин земного шара поднялась огненно-жидкая магма. Волны из расплавленных гранитов бешено крутились, встречались, поднимались огненными всплесками. Воздух потрясали взрывы. На десятки километров взлетали грибовидные столбы дыма и паров, а вслед - фонтаны красно-синего пламени. Солнце скрылось, отступил океан. И словно лоснящиеся спины китов, появились на поверхности застывшие базальтовые волны - зыбь подземной бури. Они замерли навсегда ожерельем островов, рифов. Потом, постепенно поднявшись, соединились, образовав два главных камчатских хребта - Срединный и Восточный. Море размыло берега, реки понастроили долины. Зазеленела жизнь!.. И только вечный снег на гребнях, подобный штормовой пене, да скрытое в глубинах биение магматического сердца, да дыхание вулканов напоминают о бурном прошлом камчатской горячей земли.

Вдоль полуострова

Глеб, делая заявку на велосипед, просил, чтобы ему выслали и специальное дорожное оборудование, даже миниатюрную радиостанцию. Но из "специального" прибыли только три счетчика оборотов колеса - циклометры, масляные цветные фонари, две запасные цепи, две пары скатов, pedalная ось и педали - вот и все.

Пришлось заняться кустарным дооборудованием. Глеб собрал кое-какой инструмент, сшил из толстой кожи емкие багажники. Кроме того, взял с собой фотоаппарат "кодак",

бинокль, шерстяные рейтузы, несколько пар трусов, носки, майки и полотенца, носовые платки. И конечно, неприкосновенный запас пищи - семь пачек прессованных галет плюс килограмм шоколада. С боков сиденья прикрепил запасные скаты. Загруженный полностью велосипед весил 80 килограммов, такой же вес и у спортсмена.

Составил схему похода вокруг страны. Первый этап - пересечь вдоль Камчатку. Это еще являлось и генеральной проверкой себя и велосипеда.

- Из Петропавловска направляйтесь в долину реки Камчатки, а там - до ее устья, - посоветовал Новграбленов, когда Глеб зашел за картой. - Река течет почти по центру полуострова, длина ее семьсот километров. Возможно, на этом и остановитесь...

- Вряд ли, - улыбнулся Глеб.

- Желаю удачи! - краевед протянул ему крупномасштабную карту полуострова.

Каменным массивным узлом перевязаны начальные ветви Срединного и Восточного хребтов. Между ними широкая долина реки Камчатки. Когда еще никто в Европе не знал о существовании полуострова, эта река уже значилась на Большом чертеже Сибири, составленном в 1667 году тобольским воеводой Петром Годуновым. И получалось так, что текла она на материке по соседству с Амуром...

Глеб вошел в лес. Теплынь! Тихо, пахнет грибами. Август - лучший месяц на Камчатке, где времена года передвинуты на три-четыре недели назад. Деревья - каменные березы рассыпаны, как в парке, поодиночке. Нет, это не привычные милые березки. И мощный, закаленный холодными ветрами ствол с толстой бронзовой корой, и отсутствие плакучести у кроны, и своеобразное направление роста - вершиной по ветру - все приспособлено к борьбе с неласковым климатом. Век же камчатской березы - 500 лет!

Если смотреть со стороны на березовое редколесье, разбежавшееся по склонам сопок, то оно как атака кряжистых ополченцев. Втянув кроны в широкие плечи, цепляясь корявыми мускулистыми корнями за каждую пядь плодородной земли, растекаясь поверх вечной мерзлоты, деревья широким шагом наступают вперед вверх. И веришь, что пробьются эти северные гренадеры!..

Березовые массивы, перемешанные с подлеском из ивняка и карликовой рябины, уходили с одной стороны к морю и к гряде курившихся вулканов - с другой. Красно-оранжевые вершины голых сопок, обложенные по лощинам длинными лучами ледников, сияющая вдали синь океана и удивительно яркое солнце над головой - все неповторимо, прекрасно, величественно...

Дорога пролегла вдоль телеграфной линии. В 1910 году почтово-телеграфное ведомство, сооружая линию связи с восточного побережья полуострова на западное, проложило от Петропавловска до села Большерецка дорогу протяженностью в двести километров. На нее и намеревался попасть Глеб.

Кое-где на колею выбегал отчаянный куст красной смородины или жимолости - камчатской "вишни". Тогда Глеб, не останавливаясь, только протянув руку, захватывал гроздь спелых сочных ягод и набивал ими рот.

За холмами открылась дельта речки Авачи. Тундра стала топкой. Но дорога, благоразумно нырнув в сторону вулканов, снова посуху заюлила меж камней. На другом берегу Авачи село Елизово. Село большое, дома как в Петропавловске, крытые тесом, корьем и железом. Елизово будто вымерло. Все - и малые, и старые, и даже собаки - на реке: лосось шел на нерест. Страдная пора! Рыбу заготавливали впрок, на всю зиму. Глеб подъехал к нехитрой плотине из кольев, жердей и хвороста. Возле нее на батах - лодках-долбленках - работали рыбаки. В плотине - ее называют запор - несколько проходов. По ним рыба попадала в небольшие огороженные решетками участки. А отсюда ее крючками выкидывали в лодки.

Над рекой шум, смех. Это вовсе не тихая рыбалка на среднерусской речке. Тут азарт! Парни подгоняли к берегу баты, полные шевелящейся живой рыбы. Женщины

обезглавливали лососей, распластывали и вывешивали сушить. По всему берегу протянулись школьники - навесы с жердями в несколько рядов.

Икрометание лососей происходит один раз в жизни и обязательно в реках или озерах. Мальки подрастут и уходят в океан, чтобы возвратиться в свою колыбель уже взрослыми рыбами. Вымечут икру и погибнут. Глеб видел их, потерявших силу, избитых о бесчисленные камни, с изменившимися уродливыми телами, но все еще стремившихся к верховьям реки, чтобы дать жизнь потомству...

Цайник цистай, цай душистый.

Кипяцоная вода.

Меня муроцка не любит -

Настоящая беда.

Частушка, которую пропели звонкие голоса женщин, перебила размышления Глеба. Он знал, что мурками называют приезжих с материка. В Елизове жили потомки русских казаков-землепроходцев. Обличьем они не отличались от коренного населения - ительменов: это результат смешанных браков. И хозяйство смешанное - рыба, соболь, крошечные огороды. О русской славянской старине села, которое раньше называлось Старый острог, свидетельствуют редкие ныне имена: Ксенофонт, Клион, Ион, Венедикт, Канон... А от казацкого звания тут остались лишь красные околышки у фуражек. Речь русская, но с путаницей в шипящих, которые больше произносят как "с" и "ц".

Глеб расспросил рыбаков, как держаться, чтобы пройти на перевал Начикинский косогор.

...С юга вздымаются лесистые сопки, с севера, будто крепостная стена, - Ганалы, Ганальский хребет, увенчанный гранитными пиками, по-здешнему востряками, стеной падает в долину. В обход по западным отрогам с незапамятных времен проложена тропа. На нее-то и хотелось попасть Глебу.

Дорога все уже и уже. В тени, в низинах, - застоявшиеся лужи, на солнцепеках - пыль. Возле небольшого селения Коряки она круто повернула налево, на запад, и запетляла по падам. Сверху из-за темно-зеленого бархата растительности они кажутся бездонными.

Сильный ветер. Секрет прост: через ущелье свободный проход с Охотского моря к Тихому океану. Геологическая "труба"!

Прошло три дня, как велосипедист покинул город. Возле крутой сопки он заметил парящее марево. Оказывается, там били горячие ключи. Возле них балаган и углубление наподобие ванны. Вероятно, занеможивший охотник приходил лечиться. Километров через тридцать опять ключи. Подземные воды тут смешивались с речными, и Глеб блаженствовал, улегшись на пороге, где встречались течения. Живительная вода: встал, будто заново родился! Усталость как рукой сняло. Ключи на карте назывались Малкинскими.

Начался подъем в горы. Карабкаешься по крутизнам, гольцам и вот сверху видишь перед собой ядовито-зеленую долину. Это высокогорная Ганальская тундра. Она раскинулась почти на сотню километров и лежит в чаще высоченных горных отрогов. До Ганальских востряков теперь рукой подать.

Скалы, которые издали казались одинаковыми, обрели формы. Одна напоминала крадущегося человека, вторая - вставшего на дыбы медведя, в стороне камень поменьше, похожий на собаку. Законченная картина медвежьей охоты.

Массивы хребтов расходятся веером. Не случайно этот горный узел назван Вершиной Камчатки: здесь скат на обе стороны полуострова. В Ганальской тундре начинаются многие реки, некоторые текут в Охотское море, другие - в Тихий океан. Река Камчатка, в долину которой направился Глеб, впадает в Тихий.

Тропа убитая. Колея ее глубока. Приходится иногда сходить с велосипеда, чтобы вытащить из спиц клочок травы или прутик карликовой ивы, - прицепится тоненькая плеть, иногда метра два длиной, а на конце торчком миниатюрная крона.

...Что там виднеется впереди? Сначала Глеб подумал, что стога сена. И только разглядев пучки шестов, понял, что это юрты. А справа, на зеленом отроге, словно россыпь серых камней, оленье стадо. Иногда ветер доносил потрескивание сталкивающихся рогов, щелканье копыт...

Велосипедиста окружила толпа черноглазых широкоскулых людей, одетых в красочные потрепанные одежды. Мужчины и женщины в пестрых, сшитых из ровдуги - оленьей замши - кафтанах, из-под которых выглядывали подолы украшенных мехом и бисером передников и ровдужные штаны. Это были эвены.

На Камчатке из коренных северных народностей живут ительмены, коряки, чукчи. Эвены, которых раньше называли ламутами, появились на полуострове последними, в 40-х годах прошлого века. Они сюда переселились с охотского Севера и заняли свободные долины в центральной части Срединного хребта.

Эвены только что прикочевали в Ганальскую тундру. В горах меньше комаров, лучше оленям. Готовь сколько надо юколы: кругом реки. Истоки их так близки, что лосося можно живым из реки в реку перенести.

Поздно вечером в честь гостя танцевали поргали.

Мужчины и женщины медленно-медленно пошли вокруг костра. На женщинах одежда ярче, богаче и звонче. Именно звонче. Каждый шаг эвенки, особенно если она асаткан - девушка, отзывается звоном. На передниках, которые называются нел, бряцают подвески - кольца, металлические бляшки, колокольчики и даже цветные камушки.

Хоровод, подчиняясь ритмичным ударам бубна, убыстрял или замедлял движение. Танцующие при этом приседали друг перед другом, поводили плечами, бедрами, покачивали в такт головами. Гул бубна и мелодичный звон бубенчиков на нелах, шуршание бус, яркие костюмы танцующих, гибкие ритмичные движения - все это слилось в единую симфонию. Часто слышались слова, похожие па придыхание, - это со стороны танцующих, а зрители дружно вторили: "Норгали! Норгали!"

Танец изображал жизнь оленя. Вот табун спокойно пасется... Вот он мчится от опасности... Табун устал, он идет все медленнее и медленнее. Вот спит. И снова утро!.. Танец становится стремительнее, движения смелее, рисунок жестов изящнее. Звонче и звонче подпевают бубну нелы, выше поднимается костер. И декорацией этому удивительному, уходящему в далекое прошлое танцу-спектаклю служит тундровая даль, обрамленная кружевами заснеженных скал.

После норгали снова уселись в юрте чаевать. Хозяйка достала из кожаных мешочков чашки и мелко наколотый сахар.

- Приезжай к нам на зимнюю стоянку, - подсел к велосипедисту эвен с худощавым энергичным лицом. - Мы картошкой угостим.

- Айя, айя! Мекран! - восхищенно покачала головой женщина, подававшая чай. - Хорошо, сладко!

- Мы ее в прошлом году первый раз посадили, - продолжал худощавый. - Нам учительница показала, Елизавет Орлова. Знаешь?.. - Когда она к нам на Быструю ехала, пурга лютовала. Три дня в юртах сидели. Приехала Елизавет. Поглядел шаман и сказал: "Из-за нее пурга. Священный Алпей - это сопка - не любит, когда баба по тропе едет, да еще русская. Она не понимает, что духа задобрить надо: бросить кусочек юколы, листик табаку..."

- На зимней стоянке у нас школа есть. Хорошая школа! Для нее большую юрту построили из лиственницы - эсаг по-нашему. И печка в школе железная. Помню, разожгли ее, а пол горит. Что делать? Елизавет помогла. "Надо, говорит, камни под печь положить, а вы ее на голый пол поставили". Смешная, не поймет, где взять камни, ведь они священны?.. Тогда я на теплую речку Уксичан сходил, достал со дна несколько камней. Спрятал от духов в мешок и принес в школу. Как же, надо учиться, а без огня все буквы на языке замерзают. Что, думаю, Елизавет с камнями будет делать? А она их по одному засунула под каждый

угол печки, потом разожгла в ней костер. И верно, больше пол не горел, а в школе и тепло, и дыма нет. Не то, что в юрте. Все стали ходить в школу - и ребята, и старики.

Елизавет студент была, она всех в книгу записывала - перепись пародов северных окраин делала. Знаешь?..

Камчатская "Волга"

На следующий день Глеб пробивался через заросли шеламайника. Эта сажённая трубчатая трава растёт по десяти сантиметров в день. С ней соседствует крапива, тоже необычайно рослая, множество разных лопухов - в травяном "лесу" легко заблудиться...

Тропка пересекала бесчисленные речки, ручьи. Они нею дорогу бежали Глебу навстречу и вдруг стали попутчиками: направились вниз, на северо-восток, к океану. Вскоре обозначилось и русло реки Камчатки - своеобразной "Волги" полуострова.

Долина раздвинулась. Среди зелени поблескивали зеркала озёр, речные петли - кривуны. По обеим сторонам синели хребты. Глеб решил идти вдоль берега. Протоки, заваленные плавником, корягами и телами погибших лососей, наводили на грустные сравнения. Нет, это, конечно, не Великая с её песчаными пляжами, плесами и нежным воркованьем на стремнинах; это мутный горный поток, дышащий холодом, с берегами, где трава как деревья, а деревья - карлики. Шагая по отмелям, перебираясь через хрустящий под ногами пересоший валежник с велосипедом на плечах, форсируя вброд протоки, Глеб все-таки держался главного русла. С каждым десятком километров река становилась шире, спокойнее. Спокойнее становилось и на душе.

Снова пошли березовые перелески, распрямылся ивняк. Луга суше и обширнее. Стали попадаться одинокие могучие тополи, а потом и их рощи. Места настолько удобны для жизни, что, кажется, сейчас из-за соседней кущи выглянет большое село... Но ничто не напоминает о человеке.

Комары, которые и днем не давали покоя, к вечеру стервенели. Глеб с отчаяния забирался в высокую траву и лез сквозь нее, сметая таким способом наседавшую мошкару. Но стоило на секунду остановиться - и снова гуд крылатых кровопийц. Тут уж не до привалов. Только вечером выручал костер. К утру от ночного холода зубы начинали выбивать дробь, волосы сырели от росы, а то и покрывались инеем. Днем жара! На Камчатке так и: говорят: "Что сопка, то своя погода".

Камчатская долина, закрытая хребтами от ветров, славится теплым летом. С давних пор тут пытались сеять хлеб. Глеб как раз приближался к селу Милькову, где когда-то осели хлеборобы. Еще при царице Анне по ее указу сюда привезли крестьян из Сибири, с Лены, вместе со скотом, зерном. Привезли и позабыли. Пробовали сибиряки выращивать и ячмень, и пшеницу, но ранние заморозки губили урожай. Тогда переключились на рыбу и соболя. О похвальном намерении хлебопашцев свидетельствовал лишь каменный круг для размола зерна - жернов, оставшийся от недостроенной мельницы.

Река Камчатка у Милькова разливается на несколько рукавов. Ее мутные воды бегут почти вровень с берегами. А на берегах тундра и лес. Отсюда до устья реки пятьсот километров.

Глеб, устроившись на камне, смотрел, как молодой плечистый камчадал мастерил из цельного ствола тополя лодку - бат. Парень ловко подбрасывал тесло - маленький топорик, похожий на стамеску, выстругивая сердцевину дерева. Тут же на подпорках стояло еще несколько недоделанных батов. Они были залиты водой, в середине между бортами вставлены распорки-клинья. Камчадал ловко орудовал теслом.

- Раньше-то каменным приходилось, - заметил он, польщенный вниманием.

- Как же каменным? - спросил Глеб.

- А сердцевину-то выжигали. Топоры железные уже на памяти дедов появились. Когда ительмены увидели, как русский топор дерево валит, напугались: "Наш лес сгнил, однако".

Плотник оказался секретарем местной комсомольской ячейки Владимиром Подкорытовым. Он поведал Глебу, что местная ячейка под нажимом попа чуть не распалась. За то, чтобы ее сохранить, не распускать, голосовало на собрании всего три человека, причем двое просили не заносить их фамилии в протокол, боясь расправы. Подкорытов же сам вписал свою фамилию и на следующий день снова сколачивал молодежь...

Владимир попросил Травина провести лекцию, поговорить с ребятами.

Собственно, лекции не получилось, был просто душевный разговор. Сидели на берегу реки, возле батов, и мечтали, как здесь загудят тракторы, как долина покроется полями, а может быть, и садами. К сведению нетерпеливого читателя можно добавить, что уже в 1936 году большая группа мильковских колхозных хлеборобов была награждена орденами за высокие урожаи зерновых. Ныне же Мильковский район снабжает семенами пшеницы и ржи даже Охотское побережье материка.

Рассказал Глеб и о плане своего путешествия.

- Бери мой старый бат, - предложил Подкорытов. - На нем доплывешь до устья.

- Сумею ли? - усомнился Глеб.

- Научишься, - сказал Подкорытов и вместе с Травиным полез в долбленку, захватив длинный шест.

Управлять лодкой оказалось делом сложным: неловкое движение - перевертывалась. После трех купаний экзамен был сдан.

- Спасибо, друг! - сказал Травин. - Но как я верну бат?

- Оставь в Усть-Камчатске, скажешь, что Подкорытовых. Нашу фамилию знают.

Река Камчатка коварна. Потеряй основное русло - и протоки заведут бог знает куда. По обеим сторонам лес. Сразу же за Мильковым он подступил вплотную к реке и раскинулся вольготными чащами. Даурская лиственница, белая береза, ель - на полуострове они растут только в этой долине. Местами деревья поднимаются прямо из воды. Множество островов.

И еще одна достопримечательность - великое множество медведей. Они рыбачили в устьях притоков, на отмелях и не волновались, видя приближавшуюся одинокую лодку. По-хозяйски добродушно провожали ее взглядами.

...Солнце, прохладный ветерок. И ни одного комара - отстали. Глеб, усевшись на дно бата, дремал под ровное журчание воды. Вдруг перед глазами полузатопленное бревно. Сверху только торец. Еще несколько секунд, и бат воткнется...

Глеб схватил шест. Нацелился острием на ствол, предохраняя борт. Удача: дерево, скользнув по палке, само же и отвело легкий бат. Теперь Глеб уже с опаской выглядывал топляки. Этим речным "крокодилам" ничего не стоило потопить лодку. Велосипед он, оберегая от удара, перекрепил с носа на корму.

Горы снова сблизилась. На северо-востоке показались заснеженные сопки. Самая высокая с правильными очертаниями пускала вверх клубы дыма. Ночью над ней пылало зарево. Ключевская - крупнейший действующий вулкан Евразии! Только в 1931 году на ее вершину впервые ступила нога человека, точно измерена высота - 4850 метров. На два километра выше Авачи!

Рядом, по краям Ключевского дола, расположена группа и других величественных вулканов. Сопки Камень и Плоская тоже поднялись более чем на четыре километра. Страна гигантов - так П. Т. Новограбленов назвал этот район.

Река становилась шире, протоки удлинились. Убегая далеко в стороны, они казались новыми речками. И только перед выходом в океан, в ста километрах от него, река снова собрала их в кулак, в единую могучую струю, пробиваясь через каменные щеки между Ключевской и ее соседом - вулканом Шивелучем.

Хотя эта Ключевская и изящна, с классически правильными формами, с развевающимся газовым шлейфом, и по-женски беспокойно говорлива - извергается каждые год-два, все равно Глеб свой взгляд остановил почему-то на Шивелуче - увалистом, просторном, внешне и непохожим на вулкан. То ли его привлекла такая геологическая мужиковатость Шивелуча и скромность - при высоте почти в три с половиной километра вулкан не кажется великаном, то ли понравилась его степенная молчаливость, за которой обычно кроется немалая сила...

Каюсь, автору тоже привлекателен этот вулкан, самый северный на полуострове. И если Глеб имел возможность только почуять его скрытую мощь, то автору случилось зреть ее, наблюдать следы...

12 ноября 1964 года в половине шестого утра Шивелуч после многолетнего молчания имел честь заявить о себе колоссальным взрывом. Более чем на двенадцать километров поднялся столб выброшенного вещества. В образовавшихся из газа и пепла тучах сверкали разряды молний. Возле кромки кратера полыхали языки пламени. Из вулкана извергалась раскаленная лавина, залившая веером сто квадратных километров. Тысячетонные глыбы висели в ней, как песчинки. Тем временем пепловая туча двинулась на юго-восток и накрыла рыбопромышленный поселок и порт Усть-Камчатск на берегу океана. Дома, залив окутала мгла пеплопада. Суда не могли подойти к порту. Капитаны радировали: "Темно как ночью!" А туча продолжала идти дальше и к обеду накрыла уже Командорские острова...

Вулкан бушевал почти три часа. Это было одно из крупнейших извержений века. Но, повторяю, в сентябре 1928 года, когда Глеб на своем бате скользил по реке Камчатке, Шивелуч был спокоен.

"Страна гигантов. Заставить бы эти колоссы работать на людей", - вспомнились слова Новограбленова, и путешественник вновь и вновь оглядывал панораму огнедышащих сопок.

Пройдя "щеки", Глеб будто попал в другой край: солнце погасло, ни вольготных рощ, ни дневного зноя. Река посерела, а сверху туман. Сыро, холодно, неприветливо. Кончилась укрытая горами долина - камчатский Крым".

В самом устье - поселок Усть-Камчатск. На полуострове много селений, название которых начинается с "усть": Усть-Большерецк, Усть-Тигиль, Усть-Пенжино и прочие "устья" - это традиция. Первые русские поселенцы устраивались на морском берегу у выходов рек, не забираясь в глубь незнакомой страны. Усть-Камчатск - один из центров освоения полуострова и даже Алеутских островов.

На рейде стояла трехмачтовая шхуна. На берегу, на песчаной косе, узкий язык которой протянулся на два десятка километров, дымил консервный завод. Между рейдом и берегом бары - наносные мели. Образующиеся на них завихрения волн страшны даже при небольшом ветре. Выворачивают со дна камни! На барах для неосторожного или неумелого пловца каждый вал может стать роковым - "девятым". Река здесь шире километра.

На рыбацком кунгасе Глеб добрался до шхуны. На ней виднелось название "Чукотка". Капитан, лет тридцати, высокого роста, белокурый, сообщил, что шхуна идет в Петропавловск-Камчатский. Как закончится разгрузка, так и отправится.

Через несколько минут Глеб вместе с командой уже передавал из трюма на кунгас мешки с сахаром и мукой, табак и чай, рыболовные снасти... "Чукотка" пришла из Владивостока с товарами для Акционерного камчатского общества - АКО, организованного в прошлом году. Эта государственная организация, работавшая на паях, поставила задачу комплексного освоения природных ресурсов полуострова - рыбы, горных богатств, леса. Имела даже специальный сектор научных исследований.

Вечером капитан пригласил Глеба в свою каюту.

- Эдак вы не скоро доберетесь до мыса Дежнева, - заметил он, выслушав планы путешественника. - Поступайте на шхуну. Мы будем ходить до самой Колымы, снабжать фактории. Начнем зажимать Свенсона.

- Свенсона? - вспомнил Глеб надпись на металлическом складе в Петропавловске.

- Да, американского купца, - подтвердил капитан. - Он еще до революции вел крупные торговые дела на Севере. А в 1926 году наш Внешторг заключил с ним договор на поставку товаров на Чукотский полуостров... Умный делец. Числится среди своих "демократом", то есть не бьет по зубам команду, превосходно управляет шхуну и, когда необходимо, не гнушается заменить повара на камбузе. Торговать, конечно, умеет...

Через двое суток "Чукотка" с развернутыми парусами вошла в Авачинскую бухту. На ней вернулся в Петропавловск-Камчатский и Глеб.

Месяц спустя он уже стоял со своим ярко-красным велосипедом на палубе японского парохода "Шанси-Мару", направлявшегося во Владивосток. Легкий спортивный костюм плотно облегал стройную мускулистую фигуру. На рукаве зеленая дорожная повязка...

Не было ни митинга, ни торжественных проводов.

- Рассматриваем твой поход, товарищ Травин, как первый камчатский велопробег! - это, пожалуй, единственная фраза "высокого штиля", которую услышал Глеб. Сказана она была от имени петропавловской молодежи.

Слова официально суховаты, но от них потеплело на душе: одно дело штурмовать пространства только для личной славы, и совсем иным смыслом наполняется твой каждый шаг, когда действуешь от имени коллектива.

Один за другим пожимали руку учитель Новограбленов и старые друзья - восковцы.

- Будем ждать!

Раздались сильные гудки, и "Шанси-Мару" развернулся на выход в океан.

Только через две недели Глеб увидел сушу. На сопки взбегал город, казавшийся многократно увеличенным Петропавловском: горбящиеся по косогорам улицы, по берегу причалы, цинковые склады... Но, выехав на шумную большую улицу, протянувшуюся вдоль бухты Золотой Рог, Глеб почувствовал и главное различие. Дело не только в масштабности, в темпе жизни. Петропавловск весь из небольших деревянных домов, не увидишь ни одного кирпича, а тут этажи и камень. Дома сложены из гранита, оттого связывающие швы пересекают стены вкривь и вкось. Велосипед катился уже не по уличной пыли, а по гладкому булыжнику.

Нет, сходство Петропавловска и Владивостока лишь в природной первозданности - в сопках, в обрывистых берегах, в море...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Трасса ожиданий

23 октября 1928 года, зарегистрировавшись в Приморском крайкоме комсомола, Глеб Травин выехал на Хабаровское шоссе. Позади окрестности Владивостока с пенистыми гребнями волн за береговой чертой. Обступила зелень - причудливое смешение растительности: березку обняли назойливые южане лианы. Вынырнув где-то из-под плакучей кроны, они лихо перебросились на яблоню китайку. По соседству с кустом переспевшей рябины чернели гроздья винограда, дерево бархат с нежной легкой корой и корявый дуб, северная жимолость и легендарный

лимонник: пососи его крошечные плоды - и усталость прочь...

Удивительная тайга! В лощинах зеленеет хвощ - зимняя пища кабанов, следы их то и дело пересекают пыльную дорогу; где-то далеко в падах слышно, как режут изюбры, бесчисленно вспархивают из-под колес фазаны.

Солнце пекло по-летнему. Очень тихо, ничто не шелохнется.

Глеб, усевшись возле ручья под низкой корявой березкой, скинул майку и с наслаждением стал окатывать грудь, шею пригоршнями холодной воды. Внимание привлекла бегающая тень. Глеб поднял голову... и как пружина отскочил в сторону, схватив на ходу ружье...

Среди листвы березки шевелился странный толстый сук.

"Удав?!" - мелькнуло в голове.

Пресмыкающееся обвилось вокруг ствола, его кольца почти не выделялись на коре. Вытянувшись на метр, страшилище раскачивалось, словно готовилось к прыжку.

Раздался выстрел. К ногам стрелка свалилась первая "дичь". Нет, то был не удав, а громадный полоз, тоже одна из причуд дальневосточной тайги. Полоз безобиден. Но откуда это знать Глебу, впервые увидевшему двухметровую змею.

Чем севернее, тем мягче рельеф. Сопки переходят в увалы, холмы. А у города Спасска уже степь с озерами и болотцами.

Похолодало. Пролетели на юг птицы. Вскоре начались дожди. Речушки вспухли, загремели, разлились. От шоссе осталась лишь телеграфная линия. Вода от сопки и до сопки.

В такую погоду в начале ноября путешественник въехал в Хабаровск. Точнее, вошел: отказали скаты. Конструкция их, вероятно, не рассчитывалась на раскисшую дорогу. Покрышка и камера представляли единое целое и крепились на ободе вентилем. Проколы чинились просто - обертывались изоляционной лентой. Но, намкнув, шины начали пробуксовывать на ободах, и вентиль вырывался "с мясом". Глеб приобрел в Хабаровске новые - "шины обычной конструкции со съемной камерой".

И снова в путь. Что день дождливый, ничего: выезд в дождь, говорят, к счастью. Да вот поднялся Амур. Река в это лето выходила из берегов пять раз, будто стремясь оправдать свое старое название Черная река. По улицам Хабаровска плыли стволы деревьев, мусор, заборы...

Паром не ходил. Как переправиться? Надежда только на железнодорожный мост. Охрана разрешила Глебу перебраться на противоположный берег. Но проложенный рядом с рельсами тротуар настолько узок, что вести в руках тяжело груженный велосипед невозможно. Самое безопасное - перенести сначала машину, а вторым заходом - груз, медленно, но верно. Велосипедист посмотрел на уходящую вперед трехкилометровую галерею ажурных металлических арок, потом на двухплащечную дорожку под ногами и, толкнув велосипед, решительно взмахнул на седло.

Тот, кто бывал в горах и пересекал по всяческому мосту ущелье или жался к скале, двигаясь вдоль нее по тропинке, может легко представить, какая требовалась выдержка, чтобы ехать строго по прямой над ревущей бездной...

А потом снова по залитой водой колее, или по обочине проселка, или сквозь чащобу. Каждый сук норовил кольнуть, схватить за воротник, каждый корень бросался под колеса, чтобы остановить, сбить, запутать... В особо трудных местах приходилось мастерить перелазы из шестов и веток. В деревушках остолбенело дивились на полуголового парня, который на ледящем ветру быстро крутил мускулистыми ногами педали велосипеда.

Осенняя распутица отстала где-то под нынешним курортом Кульдур, только начинавшим свою жизнь. Километров сто лез Глеб через тайгу по узенькой дороге, похожей на тропу, чтобы взглянуть на горячие чудо-источники. Открытием их люди обязаны, как говорит легенда, оленю, который пришел на ключи заживлять рану и привел за собой по следу охотника... Курорта в современном смысле там в 1928 году еще не было, но печать уже

имелась. Ее-то и поставили путешественнику в паспорт. В Кульдуре он прибавил к своему костюму заячьи перчатки, натянул шерстяное трико.

Ударили морозы. Травин часто перебирался с покрытых кочками и колдобинами дорог на затянувшиеся льдом речки, стремясь выдержать западное направление. Таким "шоссе" послужила, в частности, Зeya. В среднем течении этот левый приток Амура почти параллелен железнодорожной линии, уходя от нее километров на сто пятьдесят. Глеб не ожидал ничего хорошего, поворачивая от города Свободного на север по незнакомой реке. Но в его планы как раз и входило па нервом этапе похода испытать себя в самых трудных условиях.

Молодой лед, чуть прикрытый снегом, а кое-где и вовсе голый, позволял ехать на предельной скорости. Опасны полыньи, но они выдавали себя парящим маревом. Дни стояли тихие. С низких, покрытых лесом берегов сбегали на реку тропы. Вблизи больших сел они сливались в торные, раскатанные до блеска дороги. Если такое село попадалось к вечеру, Глеб оставался на ночь, если нет - устраивался там, где заставало время.

Железный режим - основной принцип, которого придерживался велосипедист: двигаться в любую погоду по 10-12 часов в сутки, питаться два раза в день. Пить тоже только утром и вечером.

Ночлег в тайге. В сибирском селе этим никого не удивишь. В лесу всегда можно найти удобную, широкую, как стена, корягу с навесом из корней; с избытком тут мягкой хвои на постель, вволю дров - расщепляй любой смолистый пень. Короче, на пружинистой хвойной кровати, устроенной между корягой и костром, будешь ночевать, как на пуховике...

Сложнее с пищей. Но в деревнях на любой таежной заимке за крестьянским столом находилось лишнее место для путника. Такова уж она, чудесная русская "нерасчетливость", которая, как хорошо заметил друг А. С. Пушкина путешественник Федор Матюшкин, "называется от Камчатки до Петербурга гостеприимством". Если же не было поблизости жилья, то выручал меткий глаз, сноровка следопыта. И не так уж беден сибирский лес, чтобы не отпустить смельчаку рябчика, глухаря, а то и зайца. Голодным Глеб ложился крайне редко...

Через неделю, проехав семьсот километров, велосипедист прибыл в районное село Зeya, расположенное километрах в полутора к северу от железной дороги. Русло реки тут сузилось. Оно забито сугробами, пузырилось наледями. Селения попадались все реже. Добравшись до Якутского тракта, Глеб спустился по нему к станции Невер и поехал вдоль магистрали.

Ветры, трескучие морозы и бесснежье - это Забайкалье. Песчаная, чуть прибеленная снегом равнина с прямой, как стрела, дорогой. В метель воздух вместе со снегом несет песок.

Кожа на лице путешественника задубела, волосы стали еще пышнее и гуще. Ох уж эти волосы!

- Послушайте, что за странное украшение у вас на голове? - спросили путешественника в Читинском горисполкоме.

- Во-первых, шапки не надо: у меня жесточайший режим экономии, - пытался отшутиться Глеб. - А во-вторых, это своеобразный паспорт: уж ни с кем не перепутают.

- Паспорт все же лучше иметь настоящий, - не принял шутки служащий, просматривая печати в регистраторе. - Что же касается поповской гривы, - продолжал он наставительно, - то я бы на вашем месте ее сбрил.

При этом он погладил выпачканной в чернилах ладошкой свою лимонно-желтую лысину. Травин едва сдержал улыбку. - Видите ли, - сказал он спокойно, - мне так удобнее, с длинными волосами. Надеюсь, я тем самым не нарушаю каких-либо обязательных постановлений горпсполкома? Если нет, то прошу вас, не задерживайте меня. Я спешу.

Но задержаться все же пришлось. Нет, не по метеорологическим условиям: не было ни песчаной бури, ни бурана. Просто дотошный служащий послал-таки запрос в Петропавловск. Ответом он был чрезвычайно огорчен.

- Поезжайте дальше. Пишут, что вы в самом деле путешествуете.

"Что ж, закалка нервов тоже входит в программу", - подумал Глеб.

Служащий стал много любезнее и даже объяснил причину своей недоверчивости:

- Тут с год назад некто Коляков проходил, тоже путешественник, только пеший, так он жалобы собирал у населения. Говорил, Калинин, несет...

- Да, это неприятно, - посочувствовал Глеб, поняв собеседника. Через минуту уже горько раскаялся: его буквально поволокли обедать, снабдив каким-то особым талоном.

За столом ожидала любопытная встреча.

- Рад познакомиться, - встал худощавый усатый старик, когда лысый представил Глеба. - Вы четвертый путешественник, с которым мне выпала честь говорить... Но всем им не повезло. Я тоже бывший циклист.

- Да? - весело ответил Глеб, которого поразила церемонность.

- В 1905 году через Читу проехал верхом на лошади офицер Дмитрий Павлович Басов в сопровождении ординарца Федора Володина, - вместо разъяснения начал старик. - Они ехали из Манчжурии в Петербург. Насколько мне известно, переход был успешным. Но, увы, Дмитрий Павлович погиб в первую мировую войну на фронте. В 1911 году здесь проезжал ваш коллега, то есть тоже велосипедист, Анисим Петрович Панкратов. В Чите он задержался: товарищи, с которыми он ехал от самого Харбина, не захотели продолжать кругосветный пробег. Он молодец, поехал дальше один и обернулся вокруг земли.

- В 1913 году, - подсказал Травин.

- Да. Но знаете ли вы далее. Панкратов после своего знаменитого путешествия окончил авиационную школу и отправился добровольцем на фронт. Два года войны для него прошли удачно. Он заслужил храбростью офицерский чин, был награжден крестами Святого Георгия всех четырех степеней. И вот в июле 1916 года на него напали в воздухе четыре немецких самолета. Этот бой для Панкратова был последним. Он погиб... - старик посмотрел на Глеба, любопытствуя о впечатлении от своих рассказов.

- Позвольте-с еще один пример, - сказал он. - В июле 1914 года к нам в Читу прикатил из Владивостока автомобиль. Да, да! На машине была бронзовая марка: "Русско-Балтийский вагонный завод в Риге". Колеса с деревянными спицами, открытое магнето, ацетиленовые фонари. Но это был первый русский автопробег на русском автомобиле по маршруту Владивосток - Москва. Вел машину офицер инженерных войск гвардии штабс-капитан Александр Головачев. Он занимал пост начальника автомобильной команды при инженерно-строительном управлении крепости Владивосток. Познакомился я и с его спутниками - военным слесарем Александром Корышевым и корреспондентом газеты "Русское слово", э-э, фамилию, простите, забыл.

Судя по их рассказам, поездка с самого начала была очень трудной. Владивосток они покинули весной.

Ну а дороги - то грязное месиво, то гати... Местами Головачев вынужден был ехать по железнодорожному полотну, и все-таки гонщики добрались до Читы, то есть оставили позади самую трудную часть пути. Дальше уже сибирские накатанные тракты и еще лето... Короче, удача! Ну, что же думаете? Через три дня после их приезда в Читу телеграф принес весть: Германия объявляет войну России. Головачев и Корышев скорее на поезд и обратно в часть. Автомашину погрузили на платформу, и за хозяевами. Поход сорвался...

- Ничего. Я в судьбу не верю, - встал Глеб. - Во всяком случае, если не повезет, непременно сообщу вам для пополнения коллекции.

- Что вы, что вы! - запротестовал старик. - Все образуется, как говорил известный герой...

Вскоре Глеб колесил уже по проселкам Даурии. В конце января нового, 1929 года показались гольцы Хамар-Дабана - восточной каменной ограды Байкала. Дорога пошла через горы вдоль реки Селенги.

Травин решил не огибать озеро. От села Кабанска, вблизи которого железнодорожная магистраль поворачивает на юг, он двинул напрямик через озеро.

"Славное море священный Байкал!"

Ледяной покров испещрен торосами - красноречивое свидетельство битвы Байкала с оковами зимы. Глеб прислонил к одной из ледяных надолб велосипед и сфотографировал эту картину. Как же, первые торосы...

Снега мало, оттого дорога лишь угадывается. Проехав километров двадцать, Глеб заметил впереди движущиеся точки и вскоре нагнал небольшой обоз.

- Здравствуйте, товарищи!

Возчики, одетые в тулупы и огромные дорожные валенки, устали на велосипедиста, на его трусы, легкую куртку и обнаженную голову.

- Здравствуй, коли не шутишь, - ответил один за всех, теребя заиндевевшую бороду. - Откуда такой смелый?

- С Камчатки.

Ничто не могло заставить поверить рыбаков, что он добровольно отважился на это путешествие.

- Ведь так и здоровья лишишься, - сетовал старший. - С приисков, поди, бежишь, пропился вдрызг? И только паспорт-регистратор убедил рыбаков, что рассказ - истина.

- Ну ладно, прощайте. Думаю сегодня выйти к железной дороге.

- К Листвянке? Так и мы туда. Вот омуля везем. И зачем тебе в Ледовитый океан? Оставайся с нами рыбу ловить. Чем наше море хуже?

- Рассказывают, - ввязался в разговор второй возчик, - там, где Селенги устье, потайной ход в Ледовитый океан. Через него и нерпа сюда пришла.

- Брехня. Наше море само по себе, - обрезал старший.

- Мне пора, - стал прощаться Травин.

- Ишь ты, шустрый! Постой-ка, - хлопая на ходу рукавицами, дед потрусил к саням.

- Никишка, дай-ка копченого омуля, - говорил он. - Тпру!.. Простимся как надо. Раз уж лихое дело задумал, так ветер тебе в спину, - говорил старик, взволнованно тряс Глеба за руку. - А это, парень, возьми с собой для сугрева, - и бережно извлек из-за пазухи поллитровку водки. - Мы обойдемся, а тебе надо. Да и баргузин, чуешь, поддувать начинает...

- За пожелание спасибо, а вино ни к чему. У меня зарок, - улыбнулся Глеб. - До самой Камчатки только воду, да и то два раза в сутки.

- И чего человек казнится? - покачал головой дед, все не отпуская руки путешественника.

- Прощай, друг. Может, и встретимся. Я из роду Париловых, арэфьевские мы. Дай бог, чтобы пофартило...

Через десяток минут возы рыбаков снова казались точками.

Других встреч на Байкале не было. Поздно вечером Глеб прибыл в Листвянку - поселок, раскинувшийся у подножия поросших кедром горных отрогов. На другом берегу Ангары, у истоков которой и приютилась Листвянка, станция Байкал.

В первый раз Травин увидел сибирское озеро-море год с небольшим назад из окна поезда Москва - Владивосток. И не только увидел. Во время остановки, несмотря на осеннюю пору, попробовал искупаться. Тогда на Байкале гуляли волны, он властно ревел и швырял чуть не под колеса рыхлые шапки пены. Глеб кинулся в клокотавший накат прибоя и

испытал чувство охотника, встретившего могучего, дотоле неизвестного зверя: любопытно, и жутко, и хочется немедля померяться силами...

Ночевать Глеб остановился на Байкальской озерной научной станции. Сотрудник ее - близорукий толстяк - был влюблен в озеро.

- Наша станция очень молода, - рассказывал он вечером за чаем. Открылась только в прошлом году. Теперь музей создадим... Байкал заслуживает собственного исследовательского института. Озеро - загадка. Споров о его прошлом было много: одни говорят, что озеру семьдесят миллионов лет, а другие - двести миллионов... Пять тысяч видов животных, причем многие обнаружены только в Байкале, и больше нигде. В общем самое глубокое в мире, самое богатое живыми организмами, самое чистое, самое загадочное!..

- А что это за причалы с арками на берегу? - спросил Глеб.

- Это тоже байкальская эпопея. До того как были сооружены туннели, Транссибирская магистраль прерывалась в Листвянке. Поезда отсюда переправлялись на другую сторону на пароме или, правильнее, на ледоколе с рельсовыми путями. Этакая махина с четырьмя трубами! Брал двадцать семь груженных вагонов. Два с половиной часа - и поезд на той стороне, на станции Танхой. Но ледокол сгорел в гражданскую войну, а береговые сооружения стоят вроде памятника...

- Слушайте, а как бы вы посмотрели на такое: объехать на велосипеде весь бассейн вашего озера. Здорово!

- Еще бы, - научный сотрудник снял очки и стал покусывать дужки. - Триста рек в него впадают и только одна вытекает - Ангара. И озеро ничего, справляется с такой бухгалтерией, балансирует... Так как вы сказали: объехать весь бассейн, то есть и реки. Чудесно. Только на это не хватит жизни.

Белоснежная лента зимней дороги от Иркутска до Красноярска кружит бесчисленными петлями возле железнодорожной линии. По обе стороны сплошная тайга.

Путешественник много снимал. На старых, потертых кадрах фотоаппарата "кодак" заломы и мари, непроходимые чащи. А вот вид тайги с вершины горы: бескрайнее море, зеленое и зимой, дышащее морозным здоровьем и солнцем. И в самом деле, никаких простуд, хоть мерзнуть приходится часто.

Своеобразный край! Суровые, сдержанные люди, деревни в одну улицу, протянувшуюся на версту. Беленые горницы, в которых не найдешь пылинки. Никаких фруктовых садов, зато зимняя ягода облепиха, сладкая и сытная калина, зато медовое сусло, приправленное сухой клубникой. И не всегда в доме богато, не всегда половики шерстяные, а скатерти гарусные, но всегда в любом доме рады гостю... Такова она, неразговорчивая, работающая, хлебосольная моя Сибирь!

Тракт, то раскатанный, гладкий и блестящий, то просто колея, пробитая парой полозьев. Если буран, то и последний след теряется. Кое-где дорога перебита снежными увалами, гряды идут на десятки километров. Едешь, как по волнам, ныряя из ложбины в ложбину. Разбег рассчитывай так, чтобы инерции хватило перелететь через следующий намет. А по обе стороны обрывы.

...Разгон, взлет! И Травин увидел ствол кедра, лежащего поперек тракта...

Удивительная вещь - самообладание перед опасностью. Когда ее видишь за версту, то столько колебаний смущает твою волю. Но вот она неожиданно выпрыгнула перед лицом, и достаточно мгновения, чтобы принять самое правильное решение... Глеб рванул руль и перед самым деревом загремел вместе с машиной под откос. Обрыв не столь велик, но когда каждый метр измеряешь синяками и шишками, расстояние как-то невольно увеличивается.

И первая мысль: "Велосипед!" Цел, вот он, торчит в сугробе.

Хватаясь израненными в кровь руками за деревца, путешественник стал выбираться.

Послышался отчетливый скрип саней.

- Но-о! - раздалось совсем рядом.

Из-за поворота вынырнула кошева.

- Куда спешите? - окликнул Глеб сидящего спиной к лошади возницу.

- Уф! Вот напугал, - поднялась в санях закутанная по самые глаза в суконную шаль женская фигура. - Ты... вы кто? - повернулась говорившая, увидев полураздетого, покрытого царапинами человека. - Эй, в подштанниках, кто такой, говорю?! - резко повторила она вопрос, хватая из-под ног ружье.

- Положите эту штуку. Лучше подумаем, как вам через завал переправиться.

- Тоже завал! - успокоилась девушка и, спрыгнув с саней, обошла упавшее дерево. Заметив ободранный велосипед, уже дружелюбно сказала: Сам-то хорош, воткнулся, поди, в комель, - и принялась распрягать лошадь.

- Вам помочь?

- Ишь, как на танцах: спрашивает.

Наломав хвои, сделали помост. Глеб взял за оглобли кошеву и перетолкнул ее через ствол.

- Здоровый, - похвалила девушка. - А ты все-таки кто такой?.. Едешь с Камчатки через весь СССР?! Ой, интересно! Давай к нам... Комсомольцев соберу. Клуб у нас новый, в церкви открыли.

- Поехали. Только я на велосипеде: теплей, - согласился изрядно продрогший путешественник.

- Как хочешь. Опять хлопнешься. Ха-ха-ха!

Паря по сено поехал,
Паря за угол задел.
Переметник оборвался -
Паря с возу полетел, -

озорно затянула сибирячка.

Полтора месяца занял у Травина путь от Байкала до сказочного сибирского богатыря "брата полярных морей" Енисея. Преодолены последние километры снежных наметов, и за вечнозелеными соснами и кедрами над замерзшей рекой изогнулся ажурными фермами красавец железнодорожный мост. Там, где он заканчивал свой полет, на высоком яру, разметался по взгорьям и овражкам большой беспорядочный город Красноярск!

Медленно проезжая по улицам, Травин дивился встречавшимся на каждом шагу контрастам. Рядом с тяжелым белокаменным собором приютился за кованой оградой терем-теремок, изукрашенный от завалинки до конька причудливым деревянным кружевом. Кажется, этот терем только что сошел с самоцветного полотна Васнецова. Слева от него высится безвкусный трехэтажный "доходный" дом, сляпанный в купеческом стиле. А вот целый квартал роскошных особняков, принадлежавших до революции лесопромышленникам, хлеботорговцам, владельцам золотых приисков и скупщикам пушнины. И все это окружено приземистыми домишками, подслеповатые оконца которых ревниво прикрыты от чужого взгляда толстыми ставнями.

Но уже расправлял плечи другой Красноярск - центр огромного Приенисейского края; от Тувы на юге до островов Северной Земли протянулся он. Шагал к той умной жизни, которая, по пророческим словам Чехова, должна озарить берега Енисея...

Кончилась Восточная Сибирь. Дальше до самого Урала - великая Западно-Сибирская низменность.

Принимали Глеба хорошо. Иногда он даже успевал выступить с рассказом про Камчатку, про свое путешествие. Не обходилось и без курьезов. Такой случай произошел вблизи городка Боготола.

Поздно вечером в снегопад Глеб набрел на сторожку путейского обходчика. Хозяин глядел подозрительно на лохматого гостя, одетого в странный костюм, и неохотно согласился принять на ночь.

Утром, когда уселись за пельмени, он хмуро заметил:

- Всю ночь из-за тебя не спал.

- Почему? - удивился Глеб.

- Разбойник, думал. Вон и топор уж приготовил. Хорошо, что ты ни разу не поднялся.

Глеб рассмеялся.

- Я же документы показал.

- Документы документами, а что на уме, неизвестно...

Теперь Глеб двигался навстречу весне. В начале апреля подъехал к Новосибирску. Первое, что увидел, издали, - цилиндрическая бетонная обойма нового элеватора. Обь в ноздреватом льду, забереги как реки. Сибирский молодой гигант еще не осмеливался перешагнуть через реку, туда, где в наше время раскинулся промышленный район Кривошеково.

Отсюда крутой поворот на юг, в степи.

С момента выезда из Владивостока прошло полгода. Все это время велосипедист пробивался через распутицу, метели... Неуклонно выдерживал жесточайший режим: с рассветом подъем, минуты на то, чтобы привести себя в порядок, умыться до пояса водой или обтереться снегом, смотря по условиям ночевки. Завтрак, осмотр велосипеда, и в седло. Ни папиросы, ни чарки водки, никакой дополнительной одежды и, как всегда, собственная шевелюра в качестве головного убора. Закаленный организм не поддавался простуде.

Спортсмен был бодр и полон сил. Ну а как себя "чувствовал" его велосипед?..

Первый ремонт Глебу пришлось произвести в Хабаровске - заменить скаты с бессъемными камерами на обычные. Очень сложно было крепить их к американским дубовым ободам. Но ничего, применился. В Забайкалье в шестидесятиградусный мороз хрустнула pedalная ось - поставил запасную. Реконструировал и крепление передней вилки, уж слишком громоздкое. Шатуны и педали держались, втулки тоже. Практичным и надежным оказался pedalный тормоз, в то время новинка. С его помощью Травин легко спускался с любой горы. Не подводили также конуса и шариковые обоймы, подогнанные очень хорошо.

Велосипедист совершал переходы независимо от погоды. Остановки там, где застала ночь. Пища самая нетребовательная, в основном дичь, которую добывал охотой.

"...При встречах с населением проводил беседы о Камчатке, популяризировал советский спорт и велотуризм, - писал в кратком отчете Глеб Травин. - Во избежание пышных встреч и проводов в дальнейший путь на отдых останавливался поздно, а выезжал рано утром. Повсюду имел самый радушный прием. Никаких денежных расчетов за питание не учинял, всюду был на положении гостя. А там, где в этом была необходимость, выдавал расписки, которые по договоренности оплачивали местные органы Советской власти, но такие случаи единичны и отмечались".

В паспорте-регистраторе под печатью исполкома городка Ладейное Поле сделана чернилами пометка: "Выдана пара ботинок".

На юг, на юг...

За Иртышом, через который велосипедист переправился в Семипалатинске, раскинулись казахстанские степи. Покрытая еще кое-где плешинами снега равнина дышала весенней свежестью. Бинобль, пролежавший почти всю Сибирь в саквояже, здесь стал необходим. Но сколько ни гляди, кругом лишь степь да степь. Изредка на ней зачернеет войлочная юрта пастуха-казаха, проплывет россыпь овечьих отар или верблюжье стадо.

Старый Сергиопольский тракт на Алма-Ату, вблизи которого уже намечалась стальная трасса Турксиба, высох и пылил. С каждым днем все глубже в пески. Привычка, выработанная в сибирской части пути, утолять жажду два раза в сутки теперь пригодилась. Глеб легко переносил жару, и если уж встречался ручеек "сверх программы", то только купался в нем или умывался.

Досыта наслаждался водой, когда подошел к Балхашу, к его восточному берегу. Тихо, пустынно. За зарослями тростника водная гладь, а на ней ни паруса, ни лодки. Единственный признак жизни - юрта на холме. Там выстроилась семья степных кочевников - казахов и смотрела с любопытством на пришельца с машиной. Юрта - это уже праздничный отдых! В кибитке, покрытой со всех сторон кошмами, уютно. Уставшее тело блаженствует на мягких подушках, поданных хозяйкой.

Глеб тянул из деревянной чашки айран - кислое овечье молоко. Чашка очень большая, и он, не допив, выплеснул остатки.

Вся семья окаменела. Глебу навсегда запомнился тяжелый взгляд казаха из-под насупленных бровей. Он сразу понял, что совершил какую-то грубую, непростительную ошибку. Погасло радостное чувство и у него, и у хозяев, которые только что рассказывали о Балхаше, о том, что он вовсе не такой уж пустынный: на северной стороне живут рудокопы, имеются рыбалки, даже пароход ходит...

Глеб осквернил обычай. Вылить молоко - у казахов это так же, как в русском крестьянском доме швырнуть на пол хлеб - самое дорогое, освященное великим трудом богатство... Надо уважать обычаи всякого народа; теперь это Глеб понял особенно ясно.

Первого мая он прибыл в Талды-Курган: прямые, утопающие в садах улицы, арыки и шумная река Каратал - одна из семи, в бассейне которых раскинулась область, названная еще в старину Семиречьем.

Навстречу ему деловито шла пожилая казашка с улыбочивым скуластым лицом. Она взглянула на путника, и, очевидно, вид загоревшего до черноты полуголого мужчины, восседавшего на тяжелом исцарапанном велосипеде, показался настолько диким, что ее густые черные брови поднялись до самого цветастого платка.

У дверей своих домиков, на которых алели праздничные флаги, судачили молодые женщины в кокетливых войлочных и бархатных шапочках. Лица у всех были открыты.

"Где же восточный "домострой"? Где же закутанные до глаз в черные покрывала женские фигуры?" - думал Травин, проезжая в сопровождении вездесущих мальчишек по праздничным улицам.

Так что же это, Восток или не Восток?

Недоумение рассеялось лишь после обстоятельной беседы в городском Совете. Заведующий отделом - казах, к которому Травин зашел отметитья, - тоже, оказывается, служил в полку имени Воскова и даже участвовал в боях полка с белогвардейцами в Карелии. Поэтому беседа была по-особенному теплой.

- Садись, друг. Приветствую тебя в нашем цветущем городе, - сказал сослуживец, подавая сильную руку. - Наш город - твой город. Живи, пожалуйста, сколько пожелаешь...

Узнав, что Травин занимался на Камчатке электрификацией, заведующий даже языком зацокал от удовольствия:

Слушай меня, оставайся. Жилье дадим. Жениться захочешь - сам твоим сватом буду. Чем наши девушки плохи? На коня птицей взлетит, гикнет - только пыль закружится. Плясать пойдет - столетний старец и тот на месте не усидит... А как бешбармак из барашка приготовит - язык проглотит. Слушай, я сам недавно женился... Почему улыбаешься? Несерьезный ты человек немножко.

- А что, у вас женщины лиц не закрывают? - спросил Глеб.

- Казахский народ всегда был кочевым народом. Наша жизнь в степи, в седле проходила. А представь всадницу, закутанную в паранджу, скачущей за табуном. Смеешься? Вот

теперь смейся, я не обижусь... Казахская женщина, - продолжал восковец, - если надо, дикого жеребца усмирят и против волка с одной камчей выйдет... А верность супружеская от паранджи не зависит. Правда, мусульманский обычай закрывать лица и у нас признавали. Только наш народ немножко обманывал Магомета. Видел, у пожилых женщин шея и подбородок белыми платочками прикрыты? Вот тебе и паранджа...

Уже шестые сутки Глеб не встречает жилья. С питанием скудно - приходится ловить зазевавшихся мышей и наслаждаться их дряблым и жирным мясом. Вода попадает очень редко и то загрязненная разной полуразложившейся дрянью. Противный запах ударяет в нос. Сделаешь из горсти несколько мелких жадных глотков и после этого видишь на ладонях разных водяных вшей и жучков...

Вот и подножие давно замеченного горного хребта. С севера потянул ветерок. Мелкая песчаная пыль жадно впивается в поры обнаженного тела. Места все живописнее. Глеб, радуясь, не замечает, как оставляет позади километры и въезжает в горное ущелье с гладким и правильным дном, точно шоссе на дороге.

Лучи солнца начинают скрываться за высокими скалами. Холодок. Путешественник еще сильнее жмет на педали, резче бросает вперед велосипед. Вскоре достигает новой расщелины хребта. Слой почвы настолько мал, что на поверхность выступают залежи белого камня. Чем глубже в ущелье, тем сильнее струя ветра. Она несет, увлекая вглубь. Приходится притормаживать, чтобы не удариться с ходу о голые камни. Стены ущелья поднимаются, сдвигаясь все ближе. Только падение мелких камушков нарушает гробовую тишину. "Как бы сверху не свалился булыжник - прихлопнет, как мышь в мышеловке... Вот тебе и новые впечатления и неведомые места..."

Велосипедист врывается в узкий коридор. Дальше трудней: все больше и больше на пути острых глыб. Приходится с усилием сдерживать скорость, нажимая педали в обратном направлении...

"Куда же теперь?" - Глеб остановился и в поисках выхода стал оглядываться. На ступеньках выветренных камней с обеих сторон, точно на полках, какие-то темные клубки. И вдруг на глазах один из "клубков" зашевелился...

"Змеи?! Ну точно!"

Велосипедиста прошиб холодный пот. Перед глазами возникла картина из прочитанной в детстве книги: осужденного бросают в пещеру, наполненную змеями... Он замер: сейчас раздастся характерный шипящий звук, из клубков высунутся головы с раскрытыми ядовитыми пастьми и набросятся со всех сторон...

Глеб уже готов обороняться: поднял воротник тужурки, чтобы закрыть шею от укусов. А сам водит из стороны в сторону расширенными от страха глазами. Но кругом тишина. Клубки неподвижны: змеиное царство охватил глубокий сон.

Начал потихоньку пятиться назад от змеиных свертков. Боится даже повернуть велосипед, чтобы случайно не стукнуть металлом о камень. Только отойдя от скалы, вскочил на седло и с быстротой молнии помчался в обратном направлении...

Где выбраться из ущелья? Всюду отвесные скалы. Отсчитал назад уже десяток километров. Наконец он заметил с правой стороны несколько выходов скальных пород вроде зазубренного гребня, за которыми зеленел обычный склон, заросший кудрявыми низкими деревцами.

Глеб взял из багажника веревку, набросил ее на один из каменных "пальцев" и попробовал забраться на террасу. Получилось. Тогда слез, привязал нижний конец веревки к велосипеду и, снова поднявшись, втащил наверх и машину.

... Чем южнее, тем выше горы. На тракте попадаются крутые серпантины, которые русские поселенцы Семиречья прозвали вавилонями. Езда по ним - "слалом" на колесах.

С перевала открылся зеленый город с панорамой синих хребтов на юге, пересеченных черными зазубринами ущелий. Алма-Ата - отец яблок - так любовно называли свою

столицу казахи. Отсюда путешественник повернул круто на запад и вскоре уже ехал по Чуйской долине. Средняя Азия!

"Если поверить, что есть рай, - благодушествовал он, пересекая фруктовые рощи с журчащими горными ручьями, - то где-то поблизости. Может быть, под этой дикой яблоней и сделали свой первый привал Адам и Ева..."

Неожиданно за увалом раскинулось большое пшеничное поле. А за ним ряды виноградников, бахчи. Глубже кудрявились сады. Значит, где-то близко люди!.. Доехав до виноградников, Глеб увидел пруд, от которого тянулся арык. Вдоль этого арыка и добрался до небольшого села, состоявшего сплошь из беленых и крытых камышом мазанок. Лишь над одним зданием краснела черепичная крыша - новая школа.

На околице велосипедиста вмиг окружили ребятишки. Перемазанные черешней, тараша на чудо-машину глазенки, они бежали следом, поддерживая закатанные до колен штаны. Из-под босых ног взрывалась мелкая и сухая пыль.

Из-за дувала, на котором сушились кизяки, выглянул усатый дед.

- Бачь, яка цаца!

Глеб удивился. На старике, который уже выходил из калитки, свободная сорочка с густо расшитым воротником, шаровары. Ну конечно же, украинец!

Во дворе, куда путника пригласили напиться, все выяснилось. Село называлось Панфиловка, Калининского района. Жили тут, действительно, настоящие украинцы. Глеб с наслаждениемпил сладкий, сваренный из сахарной свеклы "узвар" и слушал хозяина.

- Житомирские мы, - рассказывал дед. Пятьдесят рокив назад сюды перекочувалы. На волах! Двенадцать подвод собралось й поихалы на нови земли. До Балхаша с цыганами ихалы, а дале решили уж одни долю шукаты. О цэ место и приглянулось! Главное - вода, криницы, ключи бьют. Та и постройки кой-какие булы. Думалы, забытое село, а выявилось - зимовна стоянка киргизов, называлась Чальдовар. Как они пришли со своими табунами, побачилы нас - и началась драка! Мы тоди покинули стоянку и ушли дале, за криницы. Це и е наша Панфиловка... Пшеничку сием, буряк, фасоль, сады развели. В последние роки и киргизы начали подселаться. На оседлость переходят...

Когда Глеб выезжал из села, он встретил таких новоселов. Они ехали рядом, молодые, вероятно, муж и жена. Она в длинной широкой юбке с раскиданными по полю крупными и яркими цветами, а парень в стеганке до колен, повязанной цветным кушаком, на голове огромная войлочная шляпа. В руках обоих всадников плетки-камчи с привязанными бубенчиками.

...Чем дальше на запад от гор, тем меньше селений, реже колодцы и суше земля.

Короткая южная весна кончалась. Яркий и пышный ковер трав редел, блек. Погасла киноварь диких маков, увяли розовые букеты горошка, пестрые шапочки татарника. Реже попадались малиновые заросли цветущего воронца, синенькие озерца васильков. Изумрудная степь стала голубеть, а затем побурела. К ее свежему дыханию с каждым днем все резче примешивалась горечь полыни. Знойные лучи солнца жадно собирали оставшуюся от таяния снегов влагу. На песчаных буграх отогревались заспавшиеся ящерицы, ползали черепашки. Над головой проносились на север последние запоздавшие косяки птиц.

Вот уже скаты велосипеда утопают в желтой пыли разбитых верблюжьих трактов Узбекистана. Над головой опрокинутая чаша знойного бирюзового неба. Северный ее край покоится на красных барханах Кызылкумов, на зазубренных белоснежных хребтах - южный. Подробной карты этих мест у Травина нет, а мелкомасштабная, усеянная россыпями точек, показывала край в ложном однообразии. В действительности же путешественник, как и прежде, мало заботясь о дорогах, пересекал не только сыпучие гряды песков, но и "адыры" - изрезанные оврагами предгорья, белесые острова солончаков, объезжал болотистые топи, возникшие на месте высохших озер.

Жара! Велосипед раскалился. От металла пышет, резина на ручках, кажется, течет. Думается об одном - о воде. Глинистая почва потрескалась, вся в квадратах и ромбах. Трава мелкая и колючая. Изредка попадаются кусты саксаула, полузаметенные желтым песком.

Глеб заметил среди колючек канаву, похожую на тропу. Поехал по ней... Машинально отвернул переднее колесо от какого-то продолговатого большого паука.

Где он видел подобную козявку?.. Вспомнил. В казахской юрте. Она плавала в растопленном коровьем масле. Хозяин объяснил, что это фаланга. Ее засадили живой, чтобы она весь яд выпустила в масло. По поверью, если такую мазь нанести на укус, то человек быстро поправится. А весной укусы фаланг опасны.

Пока вспоминал, на тропе появилось еще несколько пауков. "Э, да их целый отряд!.." Глеб почувствовал себя беззащитным среди ползущей ядовитой мерзости: на колючки не свернешь, а спешиться еще страшней...

Через голову что-то перелетело.

"Фаланга. Колесом забросило. А если она упала на спину?!" Кажется, волосы поднимаются от ужаса. Глеб сильнее крутит педали и мчится, не разбирая где что. Ему мерещится, что пауки уже ползут по нему. Вот-вот почувствует прикосновение их мохнатые лап на шее.

И вдруг поймал себя на том, что он придумывает страхи. Ведь ничего подобного нет! Сбавил ход велосипеда. Поднял руку от руля и провел по голове - на волосах ничего. Оглянулся - пауков нет, колючек тоже.

Спешился. Сбросил тужурку и осмотрел себя. И тут увидел во втулке заднего колеса помятую фалангу. Взял ее плоскогубцами. Надо и ему приготовить на всякий случай противоядие. Запахнул паука в бутылочку с глицерином. Закрыв пробкой и... почувствовал удовлетворение. Будто замуровал заодно и свои страхи.

22 мая. Ташкент с первым в Средней Азии государственным университетом. Их нельзя было не заметить, глазастых узбекских комсомолок со смело открытыми лицами, с рассыпанным по плечам множеством косичек. И парней в полосатых халатах, спешивших с книгами в руках в свой вуз, названный именем Ленина. Студенты!

Из Ташкента Глеб в тот же день выехал по древней караванной дороге - Большому Узбекскому тракту далее на юг. Его твердое правило - нигде не задерживаться, будь то большой город или крошечное селение. 22 мая для Травина было знаменательно еще и тем, что он впервые познакомился с великой рекой Сыр-Дарьей, кормилицей Узбекистана. Ибо в том краю слово "вода" звучит не менее торжественно, чем в России "земля".

Можно подумать, что вся зелень, уже покинувшая степи, сбежалась от жары сюда, на берега реки, чтобы поклониться ее бешеному мутному потоку, попросить влаги... А уйди на какой-то десяток километров южнее - и по обочинам разбитой пыльной колеи тракта уже не зелень, а белые кости павших "кораблей пустыни" - верблюдов, а иногда и одинокие могилы их погонщиков.

Еще раз Глеб увидел кофейные воды Сыр-Дарьи у Беговатских порогов, тех знаменитых камней, которые Алишер Навои мечтал свалить силой рук каменщика Фархада, вдохновленного на такой подвиг любовью прекрасной Ширин: камни не пускали реку к людям...

В этих местах еще много от старого забитого Востока. Глеб проезжал по узким улицам глинобитных кишлаков с крадущимися, как тени, закутанными с ног до головы фигурами женщин, ловил косые взгляды... Но уже шла земельно-водная реформа, бедняки-дехкане двинулись в поход против баев и манапов, создавались первые колхозы. Новое побеждало, Советская власть выводила Среднюю Азию из-за глухих дувалов на простор большой жизни, помогала ей сбросить чадру вековой темноты и забитости.

Глеб оставлял за спиной один десяток километров за другим. Мелкая песчаная пыль забивала, сушила дыхание. Глаза жадно обшаривали горизонт.

Впереди, несколько в стороне, показался зеленый коврик. Он резко выделялся среди желтой равнины. Свернул туда. Вот она, вода! Оставил велосипед и бегом к озерцу. Прозрачная поверхность, как зеркало, отражала намученное бронзовое лицо с потеками пота, включенные вьющиеся волосы...

Погрузил руки в озерцо. Невольно первым движением освежил лоб, а затем сделал несколько жадных глотков. Жгучая горечь! В недоумении всмотрелся в источник - на дне среди песка белели камушки. Соль!.. Ее голубовато-белые кристаллы опоясывали водоем сверкающими на солнце бусами.

Как горько разочаровываться! Глеб с ненавистью смотрел на живописное озерцо.

Ну ничего. Все эти трудности только закалка для основного этапа - северного.

А солнце печет. Ботинки вроде бы не из кожи, а из раскаленного железа - так жжет ноги.

К вечеру Травин добрался до горного отрога, покрытого карликовым кустарником. Чтобы хоть немного утолить жажду, пососал зеленые побеги. Кругом мелькали светлячки, шумели крыльями летучие мыши, в горах ухал филин. Куртку под бок, и с наслаждением вытянулся. Убаюканный шелестом ветвей, под мелодичный звон ветерка путешественник забылся и задремал.

Разбудила его какая-то возня у ног. Вскочил. За кустами мелькнула тень. Зажег велосипедный фонарь. Ботинки, которые стояли рядом, оказались раскиданными, а у одного даже обгрызан каблук.

"Хорошо вовремя проснулся - остался бы босой".

Послышался ноющий вой.

- Шакалы, - догадался Глеб. Обошел ближние кусты. Все тихо. Поставил рядом ботинки. Велосипед повернул сумками к себе и лег вплотную к колесам, приткнув со стороны ног дорожный флажок. Фонарь не стал тушить.

Только устроился и задремал - снова шорох. Теперь с разных сторон.

"Э, хитрецы, да их много. В кольцо берут".

Свет фонаря, блеск никелированных частей велосипеда и трепыхание флажка отпугивали назойливых зверей. Но совсем уходить они не собирались. Вой становился азартнее. В отдалении где-то откликнулись.

"Зовут подкрепление".

Сои прошел. Надо на всякий случай организовать оборону. Глеб слышал, что шакалы иногда нападают на одинокого спящего человека.

Звери и в самом деле осмелели, видны их частые перебежки от куста к кусту.

"Набросятся стаей - не сдобровать", - опять подумал Глеб.

Как нарочно, стал гаснуть свет в фонаре: кончалось масло.

"Что же, я вам устрою угощение", - шепчет Глеб и вытаскивает рулон фотопленки от своего "кодака". Поднес горящую спичку. Пленка, вспыхнув, осветила местность. Стая степных хищников, ошеломленная ярким светом, с визгом шарахнулась прочь в разные стороны. Глеб поспешно ломает сухие кусты и раскладывает костер. Сам ложится с подветренной стороны. И... опять просыпается от воя.

Нет, хватит игры, нужно удирать с этого места. Отдых уже не отдых. Он кладет разом все дрова в костер и уходит, держась освещенной полосы, вверх по склону горы.

Светало. На вершине путешественника встретили лучи солнца. Вокруг скалы. Их нагромождения чем-то напоминали Ганальские востряки на Камчатке. Лишь в одном месте горная цепь разорвана долиной.

Глеб садится на велосипед и спускается по откосу, притормаживая pedalным тормозом. Привычно ловко объезжает камни.

На северо-западе, где горы расходятся уже широко, на самом горизонте вырисовывается темный силуэт одинокого дерева. Значит, вода!..

Глеб направляется туда. Несется с увала на увал, используя инерцию. Мимо бегут выветренные востряки, лощины. Быстрое движение создает встречное освежающее течение воздуха. Расстояние между велосипедистом и деревом заметно сокращается.

"Но откуда там камни, целая россыпь? - Глеб впивается глазами, пытаясь лучше разглядеть. - Да нет, это не камни, а лежащие овцы".

Их так много, что напрямую не пройдешь. Глеб, кружась между животными, обходя и перешагивая через них, настойчиво пробивался к большому развесистому дереву. Он уже заметил неподалеку впадину с водой. Овцы, расположившиеся вокруг источника, неохотно поднимались, потряхивая жирными и широкими курдюками.

Когда Глеб оторвался от воды, то обнаружил за спиной невысокого смуглого узбека, одетого в изодранную грязную рубашку. Короткие потрепанные штаны подпоясаны кушаком. Ноги босые, на голове сдвинутая на макушку войлочная шляпа с широкими полями.

Глеб дружелюбно протянул руку.

- Салам алейкум!

- Алейкум салам! - услышал в ответ.

Запас слов крайне мал, но пастуху и без разговора понятно, что человек голоден. Он сорвал с дерева несколько продолговатых красных ягод. Потом, порывшись в торбе, достал пару жестких лепешек и кусок овечьего сыра.

Глеб с жадностью накинулся на медовые сочные плоды - это был тутовник, быстро проглотил и остальное. Снова напился...

Объяснялись больше жестами. Глеб узнал, что овцы не принадлежат этому человеку. Он пастух, а хозяин платит ему пятнадцать баранов в год. Живет он при стаде, а сейчас перегоняет отару на горные пастбища. Из-за жары идут только по ночам.

Потом занялись географией.

- Джизак, Джизак, - бубнил Глеб, раскладывая карту.

- А-а, - понял пастух. - Джизак, Янги-Курган, Булунгур, - повторял он название городов, лежавших по Узбекскому тракту.

- Где сейчас мы? - пытался расспросить Глеб.

- Мальгузар, - ответил узбек, показав на горы. - Мальгузар, - еще раз повторил он.

Глеб покрутил пальцем по карте.

- А, горы Мальгузар, отроги Туркестанского хребта.

Спасибо, друг.

Солнце припекало. Овцы стали подниматься. Безмолвная тишина наполнилась блеянием, движением ног.

"Эх, отдохнуть бы под тутовником, - Глеб загляделся на дерево, густо усыпанное плодами. - Но нужно двигаться дальше".

Перед дорогой еще раз досыта напился. Теперь уже с некоторым смакованием, даже профильтровал воду через носовой платок.

Велосипедист снова выбрался на тракт.

25 мая - Самарканд, столица Тамерлана. Говорят, хочешь узнать Самарканд - посмотри Регистан. Площадь Регистан, окруженная старинными, отделанными яркой мозаикой минаретами, - немой, но красноречивый рассказ о таланте древних строителей...

За день Глеб углублялся до пятидесяти - ста километров на юг. Вблизи города Гузара он свернул на восток, задумав побывать в Таджикистане. Через горы Байсунтау Травин по головокружительным тропам перевалил в Гиссарскую долину. Цепи хребтов и адыры - изрезанные горными потоками увалы - сменились зелеными террасами.

...Путешественник загляделся на руины крепости, возвышавшейся над долиной, и направился к большим круглым башням, между которыми темнели широкие ворота. От ворот внутрь крепости вела круто поднимающаяся дорога, на которой еще не стерлись глубокие колесные колеи. Глиняные полуобвалившиеся стены густо поросли травой и кустарником. На правой башне сидел гриф, недвижимый, как изваяние. Голая шея птицы казалась под лучами солнца пурпурной.

Глеб решил осмотреть крепость. Но едва подъехал к воротам, как его окружили возбужденные дехкане.

- В чем дело, друзья? - оторопел велосипедист.

Ему знаками приказали двигаться вперед к видневшимся развесистым чинарам.

Из отрывистых восклицаний, которыми обменивались конвоиры, Травину понятны лишь слова "шайтан инглиз", произносимые гневно и презрительно.

"Кажется, меня приняли за английского шпиона, - подумал Глеб. - История!"

Он даже остановился от возмущения.

- Товарищи!..

Но солидный тычок в спину шестигранным дулом старинного ружья заставил ускорить шаги.

Под густой листвой деревьев звенел арык. На покрытом ковром деревянном помосте, скрестив ноги, восседали седобородые старцы в чалмах и полосатых ватных халатах. Здесь же, в черных с белым шитьем тюбетейках, пили зеленый кок-чай молодые таджики. Проворный чайханщик, лавируя между сидящими, разносил цветастые чайники и низенькие широкие чашки-пиалы, наполняя их из огромного медного самовара.

Когда шумная группа с Травиным в центре вступила под тень чинар, мирное чаепитие сменилось удивленными вопросами и восклицаниями. Один из сидевших на ковре отставил пиалу и поднялся, оправляя гимнастерку. По его знаку все замолчали.

- Говори ты, - указал он на человека с ружьем.

Тот стал что-то быстро объяснять. И опять в его речи замелькали слова "шайтан инглиз".

- Неправда, никакой я не англичанин! - крикнул Глеб.

Толпа заволновалась, но человек в гимнастерке снова сделал знак и обратился к Травину по-русски:

- Кто вы и как сюда попали?

Через несколько минут все разъяснилось, и путнику уступили почетное место на ковре. Те, кто недавно предлагали применить к незнакомцу самые суровые меры, старались сейчас услужить ему от всей души. Один принес кованый медный таз для умывания, другой зачерпнул из арыка ковш воды, третий подвигал блюдо с хрустящими лепешками и покрытыми нежным пушком абрикосами...

Оказывается, Глеб попал в Гиссар - бывшую резиденцию правителя края гиссарского бека. Перед тем как бежать со своим отребьем за границу, бек. сравнял с землей древний город. Но остатки банд продолжали набеги в долину. Надо ли удивляться, что население было всегда начеку.

Сквозь саранчу

Термез. Самый жаркий город Средней Азии. Термометр показывает пятьдесят градусов. Травин планировал остановку на сутки: надо подремонтировать велосипед и, откровенно говоря, тянет... попариться в настоящей бане. Таковую он заметил в городе.

На юге вечер наступает сразу, без обычных для центральных районов сумерек. Кажется, только светило солнце, а сейчас уже небо полно звезд и темнота такая, что, только встретившись нос к носу с человеком, угадываешь его силуэт.

Узкий извилистый переулочек напоминал коридор. Завернув за угол, Травин неожиданно столкнулся с какой-то тенью в халате и в высокой иранской шапке.

- Который час, скажите, пожалуйста? – вкрадчиво спросила тень, заступая дорогу.

Травин посмотрел на циферблат.

- Двадцать три часа.

- Вы приезжий?

- Да.

- А откуда?

- Издалека, - несколько раздраженно ответил Глеб, которому надоела эта анкета в темноте.

- Зачем сердиться, зачем обижаться? Для твоей же пользы спрашиваю... Курить хочешь?

- Спасибо, не курю.

- Ты сначала послушай, а потом отказывайся. Я не простой табак предлагаю, а заграничные папиросы. Понял? Контрабанда, высший класс!

Глеб железной хваткой берет спекулянта за плечо.

- А ну-ка, пошли.

Тень бешено вырывается, но Травин волочет жулика к светящимся окнам казармы пограничников.

- Слушай, ты, псих, - рычит уже на чисто русском языке спекулянт. - Отпусти!

Глеб слегка приподнял его и продолжал идти.

- Я-де пошутил. Никакой контрабандой не занимаюсь. Не веришь? Вот пачка, посмотри.

В комендатуре выяснилось, что мужчина действительно под видом "заграничных" торговал папиросами ташкентской фабрики. Его отвели в "холодную", которую в термезском климате правильнее было бы назвать "горячей".

...Пески. Глазу не за что зацепиться. Курс на запад приходится выдерживать по компасу.

Глеб, обливаясь потом, через силу крутит педали. Делать привал нельзя: совсем разомлеешь...

По щеке ударил жучок. Поймал его. Похоже, кузнечик. Но вот еще один, за ним десятки, сотни!.. Долгоногие, пучеглазые насекомые тянулись с левой, юго-восточной стороны. Они издавали скрипучие звуки...

"Да это же саранча!" - дошло наконец до Глеба.

Дойдет! "Жучки" все чаще ударялись о голову, о руки и ноги, застревали в волосах, в складках трусов и майки. Вначале велосипедист стряхивал их, но вскоре стало невозможно. Это туча! И она сгущалась. Резкие бесчисленные удары вынудили спешиться. Глеб, наклонив голову, оберегая глаза, продвигался с большим трудом. Саранча висела гирляндами на спицах, раме, багажнике и лезла, лезла, лезла... Колеса едва прокручивались между щитками. Кажется, остановись на минуту - и эта живая масса сразу же навалится, засыплет, задавит...

"Хорошо, что не кусается, - подумал Глеб. - А вдруг все-таки вздумает попробовать потное тело - никакого спасения".

Он невольно ускоряет движение. На голову, как град, сыплется саранча. Сколько ни бей, все равно без толку. Лицо и руки покрылись отвратительной маслянистой жижей. Позади за велосипедом извивалась вдавленная в песок темно-зеленая тропка...

Надо садиться на машину и попытаться вырваться из этой каши. Ноги соскальзывают с мокрой педальной резины. Вперед! Не обращая внимания на удары и почти вслепую. Велосипед втыкается в песчаный вал. Колеса буксуют...

Человек, как затравленный зверь, свалился в изнеможении, не замечая, что саранча осталась позади. Полежав, поднялся. Очистил одежду, велосипед и помчался по голой песчаной равнине, ставшей такой желанной.

Но что это? Пески внезапно потемнели. Подъехал - снова саранча, но мелкая и ползущая. "Надо перегнать течение, а потом объехать лавину". Не тут-то было; за каждым барханом новая армада.

Вот ведь невзгода! Глеб рвется вперед, напрягая усталые мышцы, обливаясь потом. На циклометре выпрыгивают цифры. Двенадцать километров проехал он по саранче, и только тогда течение черных прыгунов стало сужаться.

Что за точка на горизонте? Поднес бинокль к глазам.

"Юрта? Непохоже... Да это грузовик!.."

Путь преградил неглубокий арык, на противоположной стороне которого торчали жестяные щиты. На дне арыка белела порошковая масса. Проехал немного - опять арык...

Велосипедиста тоже заметили. Когда он перепрыгнул через последнюю канаву, к нему направился от грузовика человек высокого роста. Он был в шляпе, на груди бинокль.

Незнакомец, прежде всего, предложил Глебу несколько глотков прохладного мятного напитка из термоса, а затем спросил, кто такой. Не успел велосипедист и рта раскрыть, как высокий стремительно нагнулся к колесу, на котором зеленели остатки раздавленной саранчи.

- Где она?

Глеб начал подробный рассказ о своем движении в потоке насекомых. Но тому, видно, не до подробностей. Он прыгнул в кузов, нагруженный железными щитами и бочками. Затарахтел мотор, и автомашина пошла. Глеб следом.

Ехать пришлось недолго: лавина саранчи уже приблизилась к первому арыку. Стремясь перепрыгнуть, ударялась о щиты и падала на дно. Тут люди осыпали ее химикатами и закидывали землей. Вместе со всеми орудовал лопатой и Глеб.

Как на фронте, - заметил кто-то.

Это и есть фронт. Что будет, если такая орда прорвется на хлопковые поля, на виноградники? – ответил высокий, руководивший операцией.

Борьба продолжалась весь остаток дня и ночь. Стали прибывать на помощь отряды, разбросанные в других направлениях. Пылали факелы. Всюду суетились люди, прокладывая новые арыки. Фронт!

Длинные ряды заградительных канав как окопы. В них засыпаны, сожжены легионы страшных вредителей.

Заставы по борьбе с саранчой в те дни были организованы по всей Средней Азии. Уничтожали ее и на территории Афганистана. Там работали советские самолеты.

26 июня путешественник прибыл в Бухару. Купола мечетей, плоские крыши, лес минаретов. Один высокий минарет носит название Башня смерти. С него не столь уж в отдаленные времена сбрасывали осужденных. Существует легенда, что глину для этой башни привозили из Египта, а кирпичи замешивали на верблюжьем молоке.

По соседству городок-спутник Каган, или Новая Бухара. Он обязан своим возникновением мнимой святости бухарского эмира, не разрешившего "неверным" вести железную дорогу через свою столицу. Дело, вероятно, в другом. Железнодорожные подрядчики не хотели дорого платить за обработанные земли, которые располагались возле городской черты, и прокладывали полотно по пустошам. Так же поступили и с Ходжентом: дорогу проложили в двенадцати километрах от него...

Аму-Дарья. По ней проходит граница между Туркменией и Узбекистаном. В школе. Глеб почему-то всегда путал, какая Дарья называется Сыр, а какая Аму! То же самое получилось и в действительности. Он стоял на берегу Аму, глядел на ее полноводную ширь и стремительное течение, на поросшие камышом и кустарником берега и видел перед собой Сыр. Реки-сестры!

За Аму-Дарьей начались Каракумы. Путь проходил через пески вдоль железной дороги, через древние оазисы? Чарджоу, Байрам-Али, Мары, Теджен... За околицей каждого, за садами и арыками сразу же пустыня.

Громадные массивы бугристых песков сменялись барханами, сыпучими горами. Над ними даже при легком ветре начинали дымить струйки песка. Нередко встречались и такыры - ровные и твердые, как асфальт, глинистые площадки с потрескавшейся верхней коркой. Иногда они тянулись цепями друг за другом. После песков велосипедист чувствовал себя на такырах, как танцор на паркете. Но за такырами опять барханы.

Глеб остановился перед песчаной подковой, изрезанной волнистыми ступеньками. С пятиэтажный дом!

Думай не думай, а надо лезть. Поднимался зигзагами, таща на себе велосипед. Сползал и снова вверх. Раскаленный песок прожигал подошвы. Наверху столкнулся со страшилищем - ящером длиннее велосипеда. Задние лапы согнуты, передние поставлены навтыжку. Рот раскрыт...

Скорпионы, фаланги, змеи и прочая нечисть пустыни, которую он видел поначалу во всяком причудливо изогнутом кустике, уже примелькались, но такая встреча была новостью.

Глеб выхватил нож и, прикрывшись велосипедом, приготовился к защите. А ящер, показав длинный раздвоенный язык, зашипел и, отпрыгнув, словно провалился сквозь землю. Надо полагать, намерения у него были самые мирные. Глебу в первом же стойбище объяснили, что он встретился с безобидным жителем песков - вараном.

Вот и Ашхабад - столица Туркмении, один из молодых городов Средней Азии. Ашхабад встретил путешественника ливнем. Первый дождь за всю его поездку по югу! На улицах реки, вода достает до педалей. Любопытную фигуру велосипедиста, боровшегося с потоками, поймал объектив киноаппарата. Позже Травину говорили: "Мы вас видели на экране".

К концу июля перед путешественником раскинулись темно-синие просторы величайшего озера-моря Каспия!

...Нефтеналивное судно "Марат" вышло из Красноводска в Баку. Капитан, пожилой полный грузин, сидя на мостике, пил из самовара чай. В руках он держал паспорт Глеба. - Интересно, - молвил капитан. - Расскажите-ка экипажу про Камчатку, про путешествие. Времени есть двое суток, дальше палубы никуда не уедете.

Миновали Красноводскую косу, вскоре потонула в море и холмистая линия берега. Танкер лег на курс.

...Баку! Лес вышек. Справа по борту остались знаменитые ныне нефтяные камни - тогда голые, безжизненные. Судно, пройдя мимо островка, долго петляло по обвехованному фарватеру мелководной бухты. С каждым годом она отступает от берега. Глебу показали Девичью башню, с которой, судя по легенде, когда-то бросилась в море дочь шаха. Сейчас бы девушке это сделать не удалось: башня стоит от воды в нескольких сотнях метров...

Дымили трубы Черного города. Это уже нефтепромышленный район.

Велосипедист, проезжая через город, заглянул на базар. На горах арбузов восседали загоревшие азербайджанцы. Стоял неопикуемый гвалт. Кажется, все разом ругались. На самом деле мирно беседовали: южный темперамент! Побывал Глеб и в крепости - самой старой части города. Улицы здесь настолько узки, что балконы домов соприкасались. Под вечер на плоских крышах показались любители выпить чаю. Другие усаживались играть в

нарды, в кости. Стучали самозабвенно, от души. Только и слышались выкрики: "Пянджук, дубра!" - названия выпавших очков.

...За две недели Травин пересек Азербайджан, Грузию, Северную Осетию. После пустынь линии Кавказского хребта, уходящие в заоблачные высоты, окаймленные полосой вечных снегов, поражали суровой грандиозностью. Дороги вились среди поросших буковыми лесами горных отрогов, по зеленым долинам, по ущельям. Отовсюду несся аромат созревших фруктов-дичков: яблок, груш, алычи, кизила, дикого винограда, барбариса... Глеб объедался после каракумского "великого поста".

Из Тифлиса путь обычен - Военно-Грузинская дорога. Кое-где на ней маячили оставшиеся еще с прошлого века шесты с лошадиными черепами...

Вот и старейшина кавказских рек - Терек, берущий начало в ледниках Казбека.

"Чем не Авачинская сопка?!" - удивлялся Глеб сходству кавказского потухшего вулкана с его камчатским собратом.

К студеному морю

Спустившись с кавказских гор, Глеб от Орджоникидзе - столицы Осетии - направился к Грозному. Справа на краю долины виднелись две горные цепи: дальняя, с крутыми скалистыми вершинами, и ближняя, округлая, покрытая густым лесом. С левой стороны поднимался Терский хребет с ровной, словно срезанной, вершиной, с пологими пожелтевшими от жары склонами.

Город Грозный - центр нефтяной промышленности Северного Кавказа - выглядел порабочему деловито. На отрогах и в долинках вздымались многочисленные нефтяные вышки, а в самом городе дымились нефтеперерабатывающие заводы, заметные высокими куполами своих нефтеперегонных установок, блестящими цистернами, сплетением навесных трубопроводов. Даже мелкая и бурная речушка Сунжа и та покрыта темными масляными пятнами.

Глеб пересек город с запада на восток и, только уже повернув по мощенной крупным булыжником дороге к Терскому хребту, вспомнил о Лермонтове, Грибоедове, Бестужеве-Марлинском, Пущине, о Толстом - о тех, чья судьба, большей частью печальная, была связана с крепостью Грозной, основанной в начале прошлого века.

Дорога, перевалив хребет, пошла извилисто вниз, к Тереку. Здесь он уже не "воет, как зверь молодой", - широк и полноводен. По руслу виднелись песчаные косы и низкие островки, а по берегам, в пойме, кудрявилась лесная чаща. Ближе к воде в низинах камыш.

Глеб въехал в лес. Заросли терновника, алычи, бузины сменялись полянами, на которых разбросанно росли дикие груши и яблони, грелись одинокие могучие карагачи и дубы. Солнце, пробиваясь через буйную зелень, пересекало дорогу узкими лучистыми линейками. Оттого казалось, что сыплется косой световой дождь. Пахло зеленой свежестью, пели птицы.

Находясь уже на левой стороне реки, Глеб снова вспомнил о Льве Толстом, о его повести "Казачья". Даже подумалось, что сейчас вот выйдет из леса дед Ерошка, обвешанный фазанами. Но на тропинке показался обыкновенный пожилой мужчина с парусиновой сумкой через плечо, в старой казацкой фуражке с околышком. Глеб спрыгнул с велосипеда и поздоровался. Попутчик оказался почтальоном из ближней станицы Червленной. Очень разговорчивый, он вскоре все узнал о велосипедисте и даже о том, что тот мечтал увидеть деда Ерошку, станичного друга молодого Толстого.

- Про Брошку не слышал, - сказал казак. - А вот с Маришкой, которую описал Лев Николаевич, с ней могу познакомить.

- Марьяна?!

- Ну да. Ее теперь бабой Маришкой зовут.

За разговором незаметно дошли до Червленной - большой станицы с улицами, усаженными пирамидальными тополями.

- Эвон она, Маришка, - показал почтальон.

На крылечке обыкновенной казацкой хаты, огороженной тыном, с хозяйственными пристройками и с летней печью во дворе, которая топилась, сидела старушка. О ее глубокой старости сильнее всего свидетельствовали руки - иссиня-темные, высушенные работой, сквозь тонкую кожу проглядывала кисть. А голос оказался неожиданно молодым, звучным.

- Нет, я не здесь Льва Николаевича видела, - ответила она на осторожный вопрос почтальона. - До замужества я жила с родителями в Старогладковской, - показала она на восток. - А Лев Николаевич был у наших на постое... Каков собой?... Да видный, веселый. На посиделки к девкам ходил. И со мной шутил... Потом уехал. Собирался вернуться. Да... Старуха помолчала и, отсутствующе глядя темными глазами, добавила:

- Домашние его не пускали. Лишь перед самой смертью убежал из дома. Когда умер, так, говорят, у него в кармане нашли билет-то сюда, в Грозную... Не доехал, сердечный...

Так Глеб встретился с романтической юностью великого писателя, возможно, и легендой. Но ему тоже очень захотелось вместе с этой столетней казачкой поверить, что Толстой бежал от своих мук, противоречий, от чуждой ему благополучной усадебной жизни сюда, к простым людям, на Терек...

Травин проезжал станицу за станицей, более уже не останавливаясь. Станицы - бывшие острожки: три с половиной века назад поселились русские на левобережье Терека, образовав пограничную сторожевую линию южной Руси.

Вблизи Терека раскинулись виноградники, бахчи, сады и поля, прорезанные оросительными каналами. А на юг уходили волнами бугристые пески-буруны, поросшие пучками полыни, чебреца, ковыля, шарами перекасти-поле. Местами в степи появлялись отары овец, табуны коней, силуэты одиноких верблюдов.

...Под Пятигорском снова поднялись горы. Утром показался желто-белый конус Эльбруса. Тут Травина постигло глупое приключение, о которых говорят "и смех и грех". На узкой дороге он встретился с быком. Красный велосипед обозлил животное, и Глебу совершенно неожиданно пришлось стать тореадором. О себе в данном случае он думал меньше, чем о машине. В результате велосипед цел, а у хозяина в кровь разбита нога... Миновав район Минеральных вод, Глеб направился на Кубань.

Шел август. Заканчивалась уборка хлебов, подсолнечника. Дозревала кукуруза. Казачки с укрытыми белыми платками лицами провожали удивленными взглядами полуголого коричневого от загара велосипедиста с немыслимой папуасской прической.

Вблизи железнодорожной станции Тихорецкой Глеба вновь ожидала любопытная встреча. На берегу тихой реки Челбаса выстроились ровными длинными шеренгами улицы казацких куреней. Дома похожи, как солдаты, отделены друг от друга правильными интервалами, с одинаково квадратными усадьбами. В каждом квартале точно шесть усадеб. Улицы и переулки одной ширины...

Возле беленого кирпичного здания школы сустились ребятишки - сажали молодые тополя. Тут же был и учитель - невысокий, худощавый, уже пожилой человек.

Путешественника сразу окружили. При слове "Камчатка" быстро подошел и учитель.

- Здравствуйте! Я ведь тоже с Камчатки. Работал в Милькове и на западном побережье, в селе Кихчик. Почти полтора десятка лет. Лучшие молодые годы! Остались ученики... О Новограбленовых не слышали?

- Как же! Я хорошо знаю Прокопия Трифоновича Новограбленова. Учителем в городской школе и председателем краеведческого общества.

- Видите! - торжествующе поднял руку учитель. - Это я посоветовал ему поехать в Томск, в учительский институт. Родители боялись... Прокопий первым из коренных камчадалов

получил высшее образование. Сам-то я попал на Камчатку в 1911 году. Бежал из России по политическому делу. Помню, сошел с парохода. В одной руке чемодан с книгами, а в другой - футляр со скрипкой, и все богатство. До Милькова семнадцать дней на нартах добирался... Но не жалко. Мы, учителя, тогда были и главными советчиками, и агрономами, и даже врачами...

- Врачами? - переспросил Глеб.

- Да. Мне вот пришлось одному охотнику-ламуту ногу ампутировать. Случайно прострелил. Пуля раздробила кость. А на сто верст ни врача, ни фельдшера. Хорошо через наше село проходила новая телефонная линия. Связался с Петропавловском, с больницей. Мне сказали, чтобы срочно отнимал ногу, и разъяснили как. Обрезал кожу, сухожилие - нога отпала. Позвонил опять.

- "Неправильно, - сказал врач. - Надо по колено".

И снова забрались двое на ламута, держали его, покуда я обычным острым ножом заканчивал операцию. Культю перевязал чистым полотном, а сверху затянул лохтачьими ремнями. Это, наверное, была первая операция по телефону, но человек остался жив...

В Милькове метеостанцию открывал, пробовал огурцы и помидоры выращивать. Здесь вот тоже виноград испытываю. И еще историю станицы пишу, в 1910 году ее основали. Чернозем до двух метров. Нынче колхоз "Путь к социализму" организовали...

Чувствовалось, что человеку многое хочется рассказать, но подходили к околице.

- А знаете, приятно услышать, что мои ученики помогают строить новую Камчатку, - снова вернулся учитель к камчатской теме. - Желаю вам счастливого возвращения. - И уже вслед: Меня звать Рыжук Григорий Емельянович...

Немногим более месяца понадобилось Глебу, чтобы проехать с Кавказа до Москвы. Позади остались Крым, куда путешественник переправился из Ростова, Украина и области Центральной России. Он спешил на север. Видел мало. Все подчинено скорости. Нигде никаких задержек. И все же теперь поездка казалась чистейшим отдыхом: нет препятствий, сравнительно хорошие дороги, нормальная температура...

23 сентября у Рогожской заставы в Москве постовой милиционер остановил велосипедиста.

- Ваши документы, - произнес он традиционную фразу, поднеся руку к козырьку.

Раскрыв протянутую книжку в кожаном тисненном переплете, страж порядка впал в недоумение:

- Вы с Камчатки?.. И все на велосипеде?!

- Да. Почти год как оттуда.

- Куда же теперь?

- На Чукотку.

- На Чу-кот-ку?! Прошу извинить за задержку, - благожелательно пошутил милиционер и опять-таки традиционным жестом дал "зеленую улицу".

В Высшем совете физической культуры, куда зашел Глеб, чтобы зарегистрировать проделанный маршрут, его замысел пройти Северным путем вызвал улыбки.

- Я этого не представляю, - заключил товарищ, ставивший печать в паспорте. - Да и зачем такой сверхсложный переход? Какая польза от него? Да и сможете ли?

Ох уж эти рассудительные благожелатели!

- Вы говорите так, точно я приехал сюда не с Камчатки, а из Тулы.

- Но согласитесь, что велосипед совсем непригоден для полярного путешествия?

- Главное, по-моему, в том, чтобы человек был пригоден. Вот и проверим...

Состоялись и другие, так сказать, деловые разговоры.

- Автодор организует автомобильный пробег Москва - Владивосток. Пойдут три форда. Для связи намечено взять еще мотоцикл. Может быть, попробуете договориться?

- Нет, - решительно отклонил предложение Глеб. - Я попрошу у вас металлические обода для колес, а то у меня нестандартные. Если, конечно, можно.

Глебу были выданы и обода, и комплект запасной резины.

Через два дня после выезда из Москвы показался Псков!

И вот он едет по Петропавловской улице. И вот блеснула река Великая.

"Почти как на Камчатке", - невольно улыбнулся Глеб, вспомнив свои раздумья на палубе "Астрахани" в Тихом океане.

Он едет, и не улицы развертываются перед ним, а годы детства, отрочества, юности.

...Ботанический сад с остатками древней крепостной стены. Стена раздоров, - вспоминает Глеб. - Традиционное место, где сводили счеты реалисты, гимназисты и учащиеся духовной семинарии.

В старину у этих стен не раз останавливались иноземные захватчики. Город грудью защищал лежавшую за ним Русь. Но Псков был и хлебосолен по-русски. На знаменитые псковские ярмарки съезжались и татары, и латыши, литовцы и эстонцы, и даже китайцы... Псковский лен-долгунец, который и доньне называют северным шелком, пользовался большим спросом. Особенно много его шло в Англию. Псковский снеток в изобилии вывозился с Чудского и Псковского озер во все концы России...

Про все это Глебу когда-то рассказывал учитель Яков Никандрович Никандров. Где они, вечера у костра на берегу Великой, разговоры о путешествиях, о звездах, о будущем?

Любимый учитель! С годами память теряет постепенно одного человека за другим - знакомых, близких; они уходят в сумерки прошлого. И только он, любимый учитель, тот, кому ты подражал во всем - от манеры носить фуражку до взглядов на жизнь, забываем...

Луга, Гатчина, Ленинград... Автор предвидит недовольные возгласы некоторых читателей:

- Хорош гусь! Как быстро проскочил. Что?! Он уже вытолкнул своего велосипедиста за ленинградские заставы?!

Автор готов принести любые извинения за эту торопливость, которая - и это еще усугубляет его вину перед любителями обстоятельных описаний - допущена сознательно. Но погодите винить. Вспомните, уважаемый читатель, сколько раз вы слышали о Харькове, Курске, Орле, Туле... Да нет, пожалуй, такого пункта на магистрали Москва - Ростов-на-Дону, который бы не описан подробно. Конечно, в 1929 году трасса выглядела иначе, но и об этом говорилось сотни раз.

А столица наша Москва! А чудесный Ленинград! Тома рассказаны о них... И, конечно же, Глеб Травин за те короткие часы, что провел в Москве, успел побывать на Красной площади и, конечно же, любовался панорамой Кремля, испытывая, как всякий истинный сын России, радостный трепет сердца в груди...

Карелия. Последний этап к Полярному кругу. Узкая дорога огибает громадные гладко отесанные древними ледниками валуны "бараньи лбы", крадется вдоль голубых до сказочности озер, кружит по гатям, проложенным через зыбкие топи.

На выручку пришел мороз, он сковал и болота, и озера. Спеша, Травин где можно спрямляет путь. Вовсю использует ледяной "асфальт".

- Куда тебя несет? - кричали с берега в селе под Кемью.

...Молодой лед выгибался волнами под велосипедом. Глеб прислушивался к тревожному гулу сельского колокола за спиной.

Пронесло!..

Между озерами пробирался по гористым перемычкам-тайболам.

...Шумели над тропами высоченные сосны, хранители удивительных тайн русской вольности. Шумели, будто славили смелость и прозорливость людей, первыми двигавшихся к берегам Студеного моря...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ю-Шар - Вайгач

Селение в Большеземельской тундре, куда в мае 1930 года прибыл Глеб Травин, называлось Хабарово. Оно единственное на всем Югорском полуострове. Тут фактория Госторга, склад, несколько избушек и часовня. На зиму в Хабарово оставались только сторож да пекарь. Пекарня работала круглый год, снабжая сухарями и мороженым хлебом население Большеземельской тундры.

Сторожем был местный ненец Василий, а хлебопечением занимался архангельский житель

Антон Иванович Зайцев. Он-то и отвез Глеба на радиостанцию "Югорский Шар".

Зимовщики на его поход смотрели по-разному; молодежь с восхищением, а пожилые неодобрительно. Особенно досаждал ворчанием врач.

Понятно, несмотря на все заботы, Травин чувствовал себя неловко. Каждый день мораль и перевязка обмороженных пальцев - сразу два мучения. Кроме того, терзала мысль, что находится на положении иждивенца.

Через десяток дней он уже занялся велосипедом.

- Куда собираетесь с такими ногами? – отговаривал врач.

- Вы же сами говорили, что гангрены я избежал потому, что находился в постоянном движении. Вот и дальше пойду. Получится что-то похожее на лечебный курс, - отбивался Травин. - Думаю, на Вайгач, на радиостанцию.

- На Вайгач?.. Ну, знаете, - развел руками медик.

Глеб снова перебрался в пекарню. Антон Иванович обрадовался. Хоть поговорить будет с кем: сторож-то по-русски не знал. Глеб тоже доволен. Он помогал Зайцеву колоть дрова, таял снег, даже научился ставить опару. Вечерами они разрезали по два десятка булок на сухари и клали их на листах в печку.

Пекарня старая, построенная еще во времена, когда в Хабарово была торговая база купца Сибирякова. Тут же сохранился и норвежский склад, который по старой памяти называли Сибиряковским. Этот поселочек был перевальным пунктом многих экспедиций. Он повидал и Седова, и Нансена, и Норденшельда, и Толля, и других славных полярных исследователей.

Глеб узнал и историю церквушки, домиков. Оказывается, в Хабарово в старину обосновался старообрядческий скит. Чтобы изжить "ересь", сюда лет пятьдесят назад из Соловецкого монастыря послали, а вернее, сослали семь монахов-миссионеров. Но ненцам было недосуг заниматься собственным "спасением". Как только купеческий корабль уплыл в Архангельск, они отбыли в тундру.

Священные служители остались одни. Они особенно не скучали. В качестве "христовой крови" запасли не традиционного кагора, а целую кладовую спирта... И вот рядом со скитом одна за другой появились шесть могил. История умалчивает, то ли упились и сгорели от спирта схимники, то ли их свалила цинга. Могилы седьмого нет, хоронить его, очевидно, было уже некому... В словаре ненцев от этой миссии осталось выражение "нум да" - "подай, господи". "Подай" и "дай" - эти слова, вероятно, были основными в лексиконе святых отцов...

Отпраздновав на Ю-Шаре, как сокращенно называли свою станцию зимовщики, Первое мая, Травин вскоре отправился через покрытый льдом пролив на остров Вайгач.

Снова один на один с суровой землей, голой и какой-то безликой.

День быстро прибывал. Солнце яркое, и воздух удивительно чистый. Кажется, за версту разглядишь иголку, учтешь любой ориентир. На карте их помечено немало: приметные мысы, скалы, гурии и даже кресты. Те, кто ставили их над могилами товарищей, даже и в таком случае проявляли заботу о живых: если повернуться лицом к надписи на кресте, то перед тобой будет восток, позади - запад, а концы перекладины направят соответственно на север и юг.

Остров вытянулся почти по меридиану на сто километров. Для поездки Глеб выбрал его восточную, карскую сторону, менее изрезанную. Он считал, что на дорогу к радиостанции, расположенной на северной окраине острова, уйдет не более двух-трех дней...

Перебравшись через пролив, Глеб увидел бревенчатый домик. Его построила в 1902 году экспедиция русского гидрографа Александра Ивановича Варнека, друга Г. Я. Седова. Варнек-то и взял его впервые на Север. Домик на голом берегу бухты, носящей имя ученого. Бревна потемнели не столько от старости, сколько от сырости и ветров. Глеб переночевал и отправился дальше на север.

...Все тело наполнено бодрящим ощущением весны. Правда, не видно еще ни ручьев, ни проталинок. Но жесткий панцирь наста уже просел и на возвышенностях покрылся чешуйчатыми, сияющими под солнцем зеркалами. Тепло. В полдень можно переходить на облегченную одежду.

Глеб жал на педали, стараясь не терять из виду береговой полосы - главного ориентира. Вдруг в привычной музыке шуршания скатов он уловил под ногами какой-то иной, тревожный звук. Спешился, осмотрел передачу. Лопнул левый педальный шатун! Очевидно, сказалась перегрузка велосипеда. И в запасе такой детали нет... Только бы добраться до радиостанции, там легче будет что-либо придумать.

Дорога, на которую велосипедист намеревался потратить пару дней, растянулась на две недели. Вот и высунувшийся в море мыс Болванский нос - самая северная точка острова. Еще несколько десятков километров западнее - радиостанция "Вайгач".

Снова изумленные лица, снова расспросы. Как же, человек с материка, и со сломанным велосипедом! Правда, здесь около месяца назад поймали радиограмму с Югорского Шара о прибытии спортсмена, но приняли это за апрельскую шутку соседей. И вот он здесь!

Глава местной власти степенный ненец Гаврила Васильевич Тайборей - становище из восьми чумов находилось рядом с мачтами рации - начертал в регистраторе свою подпись, состоявшую из двух печатных букв "Г. Т.". Затем, подышав на печать, вырезанную из моржовой кости, приклепнул красный отгиск "Вайгачский островной Совет". Дату поставил сам путешественник "24 мая 1930 года".

- Никто не помнит, чтобы в это время приходил человек с Большой земли, - заметил председатель.

Фамилию Тайборей Глеб уже встречал на Печоре и в Большеземельской тундре. Она среди ненцев столь же распространена, как и Хатанзейские. Все Тайборей гордились своим родичем Гаврилой, которого в конце прошлого года островитяне единогласно выбрали советским председателем. 25 декабря, когда становище вместе с оленьим табуном прикочевало к радиостанции, в адрес Управления островами Северного Ледовитого океана, в Архангельск, была направлена радиограмма:

"3.12.1929. В Долгой губе состоялось перевыборное собрание Совета Вайгача.

Председателем на 1930 год выбран Тайборей Гаврила Васильевич".

Копия этой радиограммы была единственной бумагой в канцелярии председателя. И Тайборей, покрутив в руках паспорт-регистратор Травина, достал из меховой сумки и свой документ. Протянул его гостю.

- Говорящая бумага, - пояснил председатель. – Обо мне теперь в Архангельске знают.

Глеб вежливо посмотрел на затертый листок и стал прощаться.

Поселился он на радиостанции. В первый же вечер зимовщики принялись гадать, как исправить велосипед. Мастерская на станции немногим богаче, чем в саквояже путешественника. Но тут есть походный горн.

- Попробовать отковать новый средник шатуна, - предложил Глеб.

Ему помог моторист, оказавшийся, кстати, земляком - псковским. Деталь, изготовленная из куса подручного металла, хоть и не казалась изящной, но размерами соответствовала поломанной. Смекалка выручила и с резьбой: вместо метчика рискнули использовать саму ось, и получилось очень удачно. Новую педаль на самодеятельном техническом совете признали надежной.

Мобильность обретена! Глеб облазил весь северный берег Вайгача. Кругом скалы, торосы и битый лед. За Карскими воротами синели берега Новой Земли.

Как-то, разглядывая дали, Глеб заметил на льду пролива, возле полыньи, подвижный клубок. Посмотрел в бинокль - дрались белый медведь с моржом. Звери кружились на самом краю льдины. Морж сорвался в воду и увлек своей тяжестью врага. Через минуту медведь вынырнул, по-видимому, хотел выбраться на льдину. Но показалась голова моржа. Он поддел бивнем ошкуя, и звери опять нырнули.

Больше они не показывались в полынье. Исход битвы был неясен. Но морж в воде - дома, а медведь хоть и прекрасный пловец, а в гостях, и на этот раз, видно, в непрошенных. На льдине остался только след от драки - большое кровавое пятно.

Шел уже июнь. Второго мела пурга, а через день оттепель. Ветры начали ломать лед. Вода подмывала береговой снег, и он обрушивался глыбами в море, поднимая фонтаны брызг. Показались первые гуси - разведчики. А за ними стаи. Шум крыльев, гомон.

Однажды Глеб набрел на странную поляну. Между сглаженных холмов валялись черепа, копыта, щерились остовы поломанных юрт.

- Это большеземельские, - равнодушно объяснил Тайборей.

От него Глеб узнал страничку северной трагедии, случившейся почти сто лет назад.

Снежными зимами в Большеземельской тундре плохо с пастбищами, А на острове снег сдувается и ягель оленям доставать легко. Существовал неписанный закон - островным ненцам не кочевать на Большую землю, а большеземельским - на Вайгач. Но последние часто нарушали закон и обычно устраивали стойбище неподалеку от мыса Болванский нос, где стоял главный идол.

Островные решили проучить нарушителей и неожиданно напали на становище. Мужчин перебили, а женщин и детей взяли в плен. С того времени с Большой земли уже никто не кочевал на остров...

Травин вместе с мотористом пропадали на охоте. Зимовщики, соскучившиеся по свежему мясу, объедались гусятиной.

- Говорят, псковские охотники только в побасенках сильны, а тут вещественно, - шутили на радиостанции.

- Скобские, они такие, - ухмылялся Глеб. – Наше село недаром называется Косьево Сиденье.

- А при чем тут сиденье?

- Правильнее Косьево, по имени первого поселенца моего деда Кости, - пояснил Глеб. - Он со своими тремя братьями купил пустошь возле самого леса. А сиденье - потому что

еще до переселения строил в этом месте лабазы и не раз сживал в них, поджидая с ружьем медведя.

...Поездки в Косьево для Глеба были праздником. Он навещал деревенскую родню только в каникулы. Песни жаворонков в яркий солнечный день, щебет пеночек и стук дятла по дуплистым деревьям, жужжание пчел, бляение ягнят на пастбище и ржание лошадей - все радовало слух.

А зимой еще интереснее. Охота! Ружье Глебу стали доверять с восьми лет. И все дед Костя. Они устраивались на ночь в лошадином хлеву, окно которого выходило в сад, и караулили зайцев. Косые любили лакомиться корой молодых яблонь. Как-то дед убил, не выходя из хлева, и лису, которая забежала в сад, гоняясь за зайцами. В лунную ночь легко брать на мушку...

В середине июня Глеб стал собираться в обратный путь. Закончив сборы, он отправился попрощаться с оленеводами.

Все стойбище толпилось у костра. Возле огня сидел старик ненец с плоской и тонкой костью в руке. Он достал из костра раскаленный уголек. Положил его на середину кости и принялся бормотать.

- Что случилось? - обратился Глеб к мотористу.

- Гадает, где летом оленей пасти, - мрачно ответил парень. - Это оленья лопатка. Вот треснет от жары, и результат готов: куда трещина, в том направлении и табун гони...

- Опять шаманишь! - ворвался в круг председатель Гаврила Тайборей. - Хочешь, как в прошлом году, оленей на гололед загнать...

Гадальщик, со злостью бросив кость в огонь, пошел к чуму...

Снова в дороге. Снег таял. Многочисленные озерки и бегущие к ним ручьи мешали движению. Но радость оживающей природы так плотно окружила Глеба, что он думал только о радостном.

Мир казался столь просторным, что линии горизонта почти не чувствовалось. И остров стал веселее. На солнцепеках, где земля протаяла, виднелись малахитовые островки зелени. Теплом парили щебенистые россыпи.

Навстречу летели стаи гусей, куликов, гагар, кайр. Некоторые птицы уже поселились у прибрежных скал. Глеб питался яйцами кайр. Они вдвое больше куриных: съешь одно и позавтракал. Яйца лежали прямо на голых камнях. Гаги, те заботливее. Гагачий пух как сизый снег на скалах.

Показались бухта Варнека и домик. Напротив темнел скалистый берег Ю-Шара. Лед еще прочен. Глеб за день перешел пролив и свалился как снег на голову к Антону Ивановичу, в пекарню.

Прощай, Ю-Шар

Слава о том, что Травин зимой пересек на "железном олене" Большеземельскую тундру, уже гуляла по всем становищам. О его походе рассказывали с такими подробностями, словно кто-то сопровождал каждый шаг велосипедиста, начиная с устья Печоры. Это действовал тундровый "беспроволочный телеграф" передачи из уст в уста новостей. "...Сидит на спине "оленя" и за железные рога держится" - вроде присказки.

Сельцо стало шумным и многолюдным. Сюда для сдачи пушнины, добытой за зиму, один за другим приезжали с семьями оленеводы и охотники. Ставили чумы и начинали торг, В обмен на меха мешками закупали сухари, плиточный чай, табак, запасались новым оружием и патронами, посудой, мануфактурой.

В Хабарово прибыл представитель Госторга. Антон Иванович выдавал каждые сутки по возу белых пшеничных караваев. В подмастерья он взял молодую ненку, учил ее печь хлеб. Сам собирался к осени домой, в Архангельск.

Стоял полярный день. Солнце круглые сутки согревало прибрежную тундру. Желтым пламенем горел полярный мак, голубели поля незабудок, белели, розовели тысячи разных цветов.

Все побережье заполнено стаями пернатых. Носились над волнами красноносые, с виду неуклюжие тупики, стремительные белокрылые чайки, гагары... Птицы гнездились на отвесных скалах или просто на сухих холмах в тундре. Бескрайние дали, прозрачен воздух, как осколки неба - озера...

В середине июля, когда пролив стал очищаться ото льда, в его северной части показался дымок. Корабль! На радиостанции сказали, что это пароход "Сибиряков". На нем прибыла геологическая экспедиция.

С парохода к поселку подплыла шлюпка. Из нее высадилась совсем юная кареглазая девушка в шляпке и с желтым кожаным чемоданом.

- Я сюда фельдшером, - сказала она сбежавшимся на берег ненцам.

Девушку проводили в кочевой Совет, который располагался в часовне.

Ненцы, сидя на полу и спустив до пояса верхнюю одежду, вели неторопливый разговор. Главная тема - коллективизация.

- Работать вместе, помогать друг другу, школы строить, - говорил недавно побывавший в Архангельске председатель. - Советская власть даст боты с моторами, поставим большие дома.

- Баню построим, будем бороться с грязью, с болезнями, - прозвучал высокий голос.

Собравшиеся обернулись к стоявшей у двери фельдшернице, тоненькой, с русой длинной косой. Покачали головами: смелая девка!

- А железные олени будут? - крикнул кто-то из молодежи, поглядывая на Глеба.

- Конечно, - ответил велосипедист. - И мотоциклы, и аэросани, и автомобили...

- О-о, целое стадо! - рассмеялся любопытствующий, необычайно рослый ненец. - И ягеля такому оленю не надо.

- Тебя никакой олень не поднимет, хребет ему сломаешь, - заметил сосед.

Все рассмеялись.

Травин подсел к фельдшернице.

- Вас как звать?

- Клава... То есть Клавдия Васильевна, - поправилась девушка. И добавила: - Меня направил Комитет Севера.

Тут же на собрании решили выделить под медпункт один из домиков, тот самый, в котором когда-то жили монахи.

Глеб вызвался показать девушке поселок. Подошли к будущей больнице.

- Да это что же такое?! - всплеснула руками Клава. - Даже печки нет. Грязища!

- Ну, помыть; выскоблить - ваше дело, - говорил Глеб, пригибаясь, чтобы не стукнуться о притолоку. - А печку - я помогу.

Рядом с пекарней валялись старые битые кирпичи. Глеб перетаскал их к медпункту, намесил глины и принялся за работу. Через три дня мастер, фельдшерница и пекарь опробовали печь. Дым пошел вверх, в трубу, - это было, по словам Клавы, самым главным.

Глеб из старых ящиков сбил полочки для медикаментов, оборудовал стол и даже нарисовал вывеску: "Медпункт". Он же оказался и первым пациентом: рана на левой ноге все не заживала.

Антон Иванович посмеивался:

- Неужто от такой девки уйдешь в путешествие, как она без тебя тут?

Глебу, и верно, правилось в Хабарово. И не только потому, что появилась энергичная красивая девушка. Роднило его с селением и то, что с большим трудом добрался сюда, и его хорошо приняли, и что тут он впервые увидел полярное лето. Северный поселок стал уже очень по-домашнему близким...

Теплынь. Распушилась полярная ива. Земля пестрая от цветов и мхов - белых, зеленых, красных. Накипь лишайников даже на голых камнях. Торопливо поспевают ягоды. Пройдешь по тундре - следом тянется сиреневая полоса от раздавленной голубики. Налилась соком оранжево-красная морошка. Над карликовыми березками поднялись шляпки подберезовиков. Отойди чуть от поселка - и под ногами прошмыгнет томно-желтая пеструшка-лемминг, прогудит шмель, а то покажется даже бабочка. И всюду птицы. Только гуси притихли: линияли, попрятались с выводками среди озер.

Ближе всех к людям пуночки - полярные воробьи. Они копошатся возле домов, чумов. Отношение к ним, как в среднерусской деревне к ласточкам или скворцам, любовно уважительное. Эта птичка первой приносит в тундру весть о весне, о тепле, тем она и дорога северянам. За пуночками даже не гоняются собаки, хоть летом они безработные и на самообеспечении.

У Глеба все еще болели ноги, но оставаться в Хабарово до полного выздоровления он не мог. И так передышка затянулась. Он обновил одежду, сшил небольшую палатку из двойной бязи - все-таки укрытие. Она была скроена из восьми клиньев, каждый из швов заканчивался крепким шнурком. Глеб съездил на радиостанцию и передал пакет со своими записями и фотографиями.

- Отправьте, пожалуйста, с оказией в Псков, сестре, - попросил Глеб. - Выхожу дальше.

- И что понуждает? - покачал головой дежурный, записывая в вахтенном журнале:

"Путешественник на велосипеде Глеб Травин отбыл из Югорского Шара в дальнейший путь. Настроение бодрое".

- На днях сюда приходит ледокол "Ленин" с Карской экспедицией, - заметил он. - Там ученые. Посоветовались бы.

Глебу предложение показалось дельным. Он решил непременно побывать на ледоколе.

Карские экспедиции - групповые транспортные рейсы из Архангельска в устья Оби и Енисея - являлись важнейшим мероприятием в развитии арктического мореплавания. Первый советский караван организовали в 1920 году для переброски сибирского хлеба голодающему Европейскому Северу страны. Для этой экспедиции с трудом собрали около двух десятков судов. Моряки выполнили задание республики - доставили в Архангельск две тысячи тонн хлеба, много сала и масла. С тех пор карские экспедиции формировались ежегодно, обслуживая промышленными товарами север Западной Сибири до Енисея.

...Но как перебраться через пролив? - думал Глеб. Югорский Шар уже очистился ото льда. Ветер гонял взад-вперед лишь отдельные торосистые поля - тоже "последние тучи рассеянной бури". Нужен вельбот или хотя бы шлюпка. Ни того ни другого в Хабарово нет.

- В прошлом году с дровами завезли нам какую-то поломанную посудину, - вспомнил Антон Иванович, относившийся к Глебу по-прежнему очень участливо. - Ты взгляни-ка. Она в сарае.

Раскидали дрова. Посудина - остов побитой корабельной шлюпки.

- Починить можно, - решил Глеб. - Только бы материал.

Еще порылись. Нашли несколько старых плах и горбылей.

- Где ты морским делам обучался? - спросил пекарь, увидев шлюпку уже обшитой.

- Как где? В Пскове. Это же порт Белого моря. Да, да! С Беломорья еще в одиннадцатом веке через карельские волоки доставляли соль в наш город. А уж из Пскова она расходилась по всей России-матушке.

Через неделю шлюпка была готова. Глеб ее проконопатил и просмолил. Вытесал весла. Поставил мачту. А из чего парус?

- Попробуй из мешков, - снова посоветовал Антон Иванович.

В общем-то, шлюпка вышла что надо. Но когда спустили на воду, скособочилась: мешковина своей тяжестью клонила ее на борт. Выход и тут нашелся: положили на дно балласт из камней.

- Попросите моряков. Пусть они поделятся медикаментами, а то у меня совсем мало, - обратилась к Травину с последней просьбой фельдшерица. - Вот здесь список. И берегите свои ноги.

Провожало велосипедиста все население поселка. Лавируя между льдинами, Глеб отгребся от берега. У многих дрогнуло сердце, когда косой темный парус затрепетал над волнами. Казалось, сейчас же первый вал захлестнет ботик. Но сильная рука крепко держала шкоты. Кормчий менял галс, и крошечная посудинка, подпрыгивая, благополучно взбегала на гребень опасной волны...

- Локомбой! До свидания, друг! - махали руками с берега.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Карская 1930 года

Добрался человек с "железным оленем" до ледокола? Через сутки с Ю-Шара в Хабарово пришла успокоительная весть. Радист "Ленина" сообщал своему коллеге на берегу, что к ним на борт прибыл с велосипедом некто Травин.

Глеб в эту минуту стоял перед начальником экспедиции Николаем Ивановичем Евгеновым и рассказывал о себе.

Это

было довольно интересное и, если бы другая ситуация, даже забавное знакомство. Опытнейший

полярный деятель, автор первой лодки Карского моря, участник всемирно известного плавания через арктический бассейн на судах "Таймыр" и "Вайгач" в 1913 - 1915 годах с удивлением слушал рассказ молодого и, похоже, очень самонадеянного спортсмена.

- Итак, вы хотите проделать арктический переход, который, мягко выражаясь, можно назвать фантастическим как по организации, так и по транспортным средствам?

- Почему фантастическим? Насколько помню, велосипед имелся в последней экспедиции Скотта к Южному полюсу, еще в 1911 году.

- Вот именно в последней. Одна из причин, что она оказалась гибельной для Роберта Скотта, отважного и хорошо подготовленного полярника, заключается в том, что он выбрал не те средства передвижения: лошадей и моторные сани. Что касается велосипеда, раз уж вы напомнили о нем, то в экспедиции это была просто прогулочная машина для поездок по главной базе. И вообще, зачем вам ссылаться на такие примеры?

Евгенов несколько замялся.

- Вы хотите сказать, - догадался Глеб, - что я не исследователь, а всего лишь спортсмен. Так?

- Что-то в этом роде, - согласился Евгений.

Рассматривайте мой поход как спортивный, - согласился Травин. - А потом, если говорить по правде, то Амундсен, который всего лишь на четыре недели опередил Скотта в достижении Южного полюса, тоже ведь скорее решал спортивную задачу, чем научную.

Вспомните его слова из дневника по поводу путешествия на полюс: "Наука во время этой маленькой прогулки должна была сама позаботиться о себе".

- Ну а опыт?

- Пройденный путь - достаточное свидетельство моего умения ориентироваться.

- Вы, молодой человек, начитались фантастических романов. Поймите же, баз дальше нет, питания нет. Радиостанция последняя на Диксоне. Я обязан вас задержать. Теперь я отвечаю за вашу жизнь.

- Если вы меня задержите, то усугубите мое положение.

- Вам предлагают остаться, - сделав ударение на "предлагают", Евгений выжидательно замолчал.

- То есть бросить сделанное и отказаться от плана, - уточнил по-своему Глеб. Он подумал: "Хорошо, что не рассказал о своих ногах, тогда бы положение действительно усугубилось".

- Ведь девяносто девять шансов за то, что вы погибнете! - сверкнул стеклами очков начальник экспедиции. - Только один процент за вас.

- Ну вот, я один и еще один процент - вдвоем-то как-нибудь дотянем.

- Здесь не состязание в островах, молодой человек, - раздраженно бросил Евгений и с треском захлопнул паспорт Глеба, давая понять, что разговор закончен. - Подумайте, и вы согласитесь со мной. Да, - остановил он Глеба. - Не читали ли вы "Гостеприимную Арктику" Стефансона?

- Знаком.

- Так и думал, - усмехнулся Евгений. - Тогда возьмите в нашей библиотеке последнюю книжку Амундсена "Моя жизнь". Там он делает специальный разбор арктического "гостеприимства". Амундсен называет книгу Стефансона опасным искажением действительности. Путешествовать в Арктике, надеясь, по-вашему, на ружье и уду равносильно самоубийству.

- Извините, но я кое-что испробовал уже сам.

- Прошу побыть у нас некоторое время, - сухо закончил разговор Евгений.

В Карской экспедиции 1930 года участвовало более пятидесяти транспортных кораблей. Основная группа судов шла в Игарку - новый арктический порт - за лесом.

Движение в ледовых условиях обеспечивали ледоколы "Ленин", "Малыгин" и "Красин". Суда пробивались через все три пролива - Югорский Шар, Карские ворота и Маточкин Шар. Несколько транспортов направились вокруг Новой Земли, на северной оконечности которой - мысе Желания - в этом году устанавливали радиостанцию.

Во всей экспедиции только четыре корабля были советские, остальные - английские, норвежские, германские. На "Ленине" находился штаб экспедиции и несколько корреспондентов - советских и иностранных.

Полярный велосипедист заинтересовал всех. Глеб подружился с подвижным невысоким французом Эдмундом Транэном, который представлял какой-то парижский журнал. Разговаривали через пень-колоду: французский Глеб изучал в реальном училище. Парижанин даже сфотографировал путешественника, когда тот на велосипеде проезжался по палубе.

В знак расположения француз подарил Глебу визитную карточку. А путешественник взаимно свою.

В просторной кают-компании, отделанной красным деревом и кожей, всегда было шумно. Глеба заинтересовал разговор, который вел Транэн с одним из русских капитанов-наставников. Он уловил конец фразы:

- ...Первая экспедиция, которая прошла Северным морским путем, была шведской.

Стоявший тут же англичанин обернулся и подтвердил:

- Иес. Барон Норденшельд Никс Адольф Эрик.

Русский капитан погладил седые усы и, обращаясь к англичанину, сказал:

- Член-корреспондент Петербургской академии наук, почетный член русского географического общества, уроженец российской части Финляндии Эрик Норденшельд действительно провел зверобойное судно "Вега" по Северному морскому пути. Но еще надо поспорить, кто вложил больше в эту экспедицию, Норвегия или Россия. Да-с!

Российское географическое общество наметило такую экспедицию в 1870 году. Была даже организована специальная Полярная комиссия, в которую вошли видные географы.

Ознакомьтесь, если угодно, с обстоятельным докладом по этому поводу Петра Алексеевича Кропоткина... Да-да того самого, который предвидел существование земли, позже открытой и названной именем австрийского императора Франца-Иосифа, имевшего к Арктике, вообще-то говоря, десятое отношение. Кропоткину в составлении доклада весьма помогли профессор Александр Иванович Воейков и академик Федор Богданович Шмидт...

И вовсе не случайно, как кажется иным, в экспедиции Норденшельда от нашего Географического общества участвовал русский офицер гвардии поручик Оскар Нордквист. В этом плавании он представлял Россию. На Нордквиста возложили ответственные задачи - связь с населением Севера, этнографические наблюдения, археологические исследования. Он участвовал в раскопках стойбищ исчезнувшего с Чукотки загадочного народа онкилонов. По окончании экспедиции его, как и Норденшельда, русское правительство наградило орденом Владимира, а Географическое общество вручило за особые труды еще и Золотую медаль. Нордквист во время плавания на "Веге" попутно сумел произвести ряд интересных наблюдений и над алеутами Командорских островов, и в Японии...

Вокруг говорившего постепенно столпились все, кто находился в кают-компании.

- А вопросы организации, финансирования, - продолжал капитан. - Общеизвестно, сколь энергично ратовали за освоение Севморпути передовые общественные деятели России. Вспомните Михаила Константиновича Сидорова и Александра Михайловича Сибирякова.

Сибиряков не только филантропически одобрял идею экспедиции Норденшельда, но и оплатил треть ее стоимости. Мало того, он отправил с "Вегой" караван собственных кораблей. Два сопровождали "Вегу" до Енисея, а последний - пароход "Лена" - до Лены, где и работает по сей день.

Да, еще! В 1879 году, когда с Норденшельдом была утеряна связь - "Вега" остановилась на зимовку в Колючинской губе, опять же Сибиряков первым послал судно для ее розысков. А в следующем году сам отправился на шхуне через Карское море в устье Енисея...

- Нет, скажите, невежественные русские купцы в роли покровителей науки, - развел руками молодой иностранный корреспондент.

- Сидоров читал научные доклады в Англии, Германии и в странах Скандинавии, - холодно возразил рассказчик. - Он писал статьи о богатствах русского Севера, о доступности плаваний в устья Печоры, Оби и Енисея, утверждал премии за исследования, участвовал лично в походах. Его приняли в действительные члены почти два десятка научных обществ - русских и иностранных.

Что касается Александра Михайловича Сибирякова, то о его "невежестве", - с нажимом заметил капитан, - как вы изволили сказать, свидетельствует тот факт, что он окончил политехникум в Цюрихе и был блестящим экономистом. Прославленный зоолог Альфред Брэм, которому Сибиряков помог провести экспедицию в Западную Сибирь и на обский Север, вероятно, тоже сказал бы о нем нечто иное. Другого мнения и сам Норденшельд, которому Сибиряков дважды помогал организовывать полярные экспедиции:

Норденшельд в знак уважения дал имя Сибирякова острову в Енисейском заливе. Ну-с, и совсем не случайно, как вы понимаете, Советская власть на звала "Сибиряковым"

отличный ледокольный пароход, с которым мы имели честь совсем недавно в Баренцевом море обменяться приветствиями...

Глеб внимательно слушал и в свободную минуту, когда страсти несколько улеглись, подошел к старому моряку.

Хорошо вы рассказали о русских, о Сибирякове, о Сидорове. О Сибирякове особенно.

- Спасибо. Об Александре Михайловиче можно еще много говорить. Кстати, у него и младший брат, Иннокентий, - любопытная фигура. В 1894 году, то есть уже после смерти Александра, он задумал крупную экспедицию в Якутию. Она так и вошла в историю исследований под названием Сибиряковской. Характерно, что Восточно-Сибирский отдел Географического общества составил ее почти из одних политических ссыльных. Отряды занимались по только Якутией, а охватили весь северо-восток Сибири. Вышло несколько томов обстоятельных экономических, этнографических и других исследований о чукчах, якутах, эвенах, тунгусах, юкагирах и коряках.

Нет, Иннокентий Сибиряков тоже был незаурядным человеком, и, конечно, здесь не обошлось без влияния старшего брата. Еще один, если угодно, своеобразный факт. Иннокентий Михайлович учился в Петербургском университете. Любимым преподавателем у него был историк приват-доцент Василий Иванович Семевский. По своим убеждениям Семевский был близок к народолюбцам. За лекции по крестьянскому вопросу, которые были признаны министром просвещения крамольными, ему запретили преподавать в университете. Ну и что же, думаете, предпринял юный Сибиряков? Ему тогда шел двадцать пятый год: он предложил опальному приват-доценту заняться изучением положения рабочих на приисках Сибири. Финансовую сторону дела брал на себя. Семевский согласился и написал обстоятельный и реалистичный труд о тяжелой жизни сибиряков-приискателей...

Конечно, Иннокентий не имел такого размаха, как Александр Михайлович, да и характером много слабее. Не дожив и до сорока лет, он вдруг ударился в религию. Мне думается, что его терзали противоречия; от них и ушел в мистику, так и умер на молитве где-то в Греции...

На ледокол непрерывно стекались донесения из разных мест. Некоторые суда уже выходили из Карского моря на запад. Им прокладывал путь ледокол "Малыгин". Впервые в широких масштабах осуществлялась ледовая авиаразведка. Гидросамолеты базировались на острове Диксон. Большая карта в каюте Евгенова вся испещрена пунктирами полетов над Карским морем: от Югорского Шара до мыса Желания и от Диксона до Маточкина Шара.

Глеб обратил внимание на эту карту, когда зашел прощаться; он твердо решил продолжать путешествие.

- Итак, мы еще не знаем, как пройти в одну навигацию этот путь на ледоколе, а вы думаете в одиночку, - снова начал Евгений.

- Во время плавания на "Вайгаче" и "Таймыре" нашим морякам пришлось совершить пеший переход, - продолжал он. - Вынужденный! В 1913 году, четвертого сентября, мы открыли Северную Землю. Но уйти не смогли: корабли зажало во льдах. Кончилась одна зимовка, надвигалась вторая. Тогда-то и решили пятьдесят человек команды отправить на материк. Пешком! Моряки прошли по льдам Карского моря триста километров, а затем еще пятьсот километров по Таймырской тундре до Енисея.

- Вот видите, - обрадовался Глеб повороту разговора.

- Но в переходе нам помог боцман Бегичев – знаток полуострова.

- Я тоже рассчитываю встретить людей.

Николай Иванович помолчал и предпринял еще попытку.

- Пишите в таком случае расписку, - он подвинул Глебу перо и бумагу.

- О чем? - не понял Глеб.

- О том, что с вами говорили, советовали. Что трудности вам известны и что ответственность лежит на вас самих...

Глеб молча взял ручку. "Я, Глеб Травин..."

- Ладно, - остановил Евгенов. - В конце концов вы не мальчик, и, возможно, Арктика научит вас уму-разуму.

Можно, конечно, ругать этого человека за несговорчивость, называть безумством идею велосипедного путешествия по Арктике, но в душе нельзя было не восхищаться такой целеустремленностью и отвагой...

- Давайте детально ознакомимся с вашим планом, - Евгенов подошел к карте.

- Нет, ни в коем случае не огибайте Таймыр берегом. Зимой он совершенно пустынен. Не возражайте... Советую дойти с нашими пароходами до Дудинки на Енисее, а оттуда есть тропа на Хатангу... Далее, давайте поговорим о путях к устьям Оленека и Лены. Десять лет назад в этих местах я руководил гидрографическими работами... Напишу вам, если угодно, рекомендательные письма к некоторым знакомым.

- Так запомните, путь через Таймыр - с Дудинки на устье Хатанги, - дал последний совет Николай Иванович. - Желаю удачи!

Рано утром 28 августа Травин покидал ледокол. И команда, и корреспонденты высыпали на палубу.

...Только вчера тепло, электросвет, вкусные обеды, беседы в уютной кают-компании. А тут вой ветра, битый лед и близкая ночевка в снегу...

Позади прогудели три гудка. Прощальные.

Глеб согласился с предложением Евгенова доплыть до Диксона и направился к пароходу "Володарский", стоявшему севернее во льдах.

Вскоре скрылся двухтрубный силуэт "Ленина". На следующее утро северо-восточнее Глеб увидел мачты. Он поднял бинокль. Это был пароход. С наружного мостика за велосипедистом тоже следили, и, как только он оказался возле борта, сверху выбросили веревочный трап.

- Значит, в самом деле! - изумился старший помощник капитана, здороваясь с путешественником.

Через сутки ледяные поля, среди которых стоял "Володарский", начала ломать зыбь - отголосок далекого шторма. Судно, не дожидаясь ледокола, самостоятельно пошло по образовавшимся разводьям к открытой воде. Четырьмя днями позже на горизонте поднялись скалы острова Диксон.

В бинокль можно было разглядеть высокие мачты радиостанции, три небольших дома и вышку с колоколом. Остров вытянулся дугой вдоль таймырского берега, образуя глубоководную внутреннюю бухту.

Взгляните на карту, и вы поймете, почему приобрел - такое важное значение этот небольшой островок, прилепившийся к северо-западной оконечности Таймыра. Видите, через Енисейский залив он непосредственно связан с великой сибирской рекой - основной магистралью колоссального хлебного, лесного и рудоносного района нашей страны.

Диксоновский порт принимает и перерабатывает потоки грузов, идущих морем и рекой. Отсюда они расходятся по побережью и островам Центральной и Восточной Арктики.

Не менее важно и другое. Мореплавателям нашего Северного морского пути больше всего хлопот доставляют проливы Карские ворота и Вилькицкого. Они часто в разгар навигации оказываются забитыми льдами, и тогда движение приостанавливается. Как раз на полпути между этими проливами находится Диксон с его базой снабжения и ремонтными мастерскими. Корабли сюда заходят через узкий пролив Превен. Здесь они пополняются водой и топливом, спасаются от штормов.

Значение этого острова понимало даже царское правительство. В 1915 году тут была построена радиостанция - одна из самых сильных по тому времени. Небольшая воинская

команда, обслуживавшая станцию, много сделала для расширения наших знаний об этом районе. Здесь служили честные патриоты, понимавшие свой долг. В 1918 году контрреволюционное северное правительство предложило диксоновскому гарнизону присягнуть на верность "единой, неделимой", грозя в случае отказа жестокими карами. В ответ полетели слова: "Вас не признаем, присягаем Советской республике, подчиняемся Ленину".

В летопись Диксона вписан и такой факт. В годы Великой Отечественной войны фашистский линкор "Адмирал Шеер", пробравшийся в Карское море, появился неожиданно на траверзе острова. Без предупреждения гитлеровцы открыли огонь, намереваясь вывести из строя порт и радиостанцию.

Ответ диксоновцев был столь решителен, что пират счел за лучшее ретироваться...

В бухте острова стояли на якорях два гидросамолета. На фюзеляжах большими буквами: «Комсеверпуть» № 1 и 3.

В домике радиостанции Глеб познакомился с команди́рами гидропланов. Одеты в морскую форму и одинаковые огромные бурки и шлемы, они внешне оставались очень разными. Борис Григорьевич Чухновский - среднего роста, сухощавый, а его товарищ Анатолий Дмитриевич Алексеев - круглолицый тяжеловатый блондин.

- Вы и есть полярный велосипедист? - начал после приветствий Чухновский.

И сюда уже сообщили...

- Зачем, мы в воздухе услышали. Рации на самолетах посильнее диксоновской.

- У нас самолет, у вас вездеход, - мягко улыбнулся Алексеев. - Собратья.

- А что? "Авиаэтажерки", пожалуй, больше походили на велосипеды, - заметил смеясь Борис Григорьевич.

Чухновский и Алексеев, как и Бабушкин, Иванов, были пионерами русской полярной авиации. "Рыцари северного воздухоплавания" - так их называли тогда. Чухновский еще в 1924 году первым из советских летчиков начал полеты по разведке льдов. Его самолет - двухместный гидроплан со скоростью полета в полтора километра - был придан гидрографической экспедиции на Новой Земле. Наблюдателями летали Николай Иванович Евгенов и художник сподвижник Седова Н. В. Пинегин. Фотографировали, делали зарисовки.

В 1928 году Чухновский на самолете "Красный медведь" вместе с Алексеевым участвовали в спасении экспедиции Нобиле в Северном Ледовитом океане и разыскали на льду группу потерпевших крушение итальянцев. В следующем году Чухновский и Алексеев уже работали на Диксоне в составе Карской экспедиции. И вот снова здесь.

Летчики дали множество советов. На прощание сфотографировались.

- Так на каких координатах искать вас, если останетесь на зимовку? - улыбнулся Борис Григорьевич.

- Теперь до мыса Дежнева без остановки.

В Енисейском заливе дымил "Малыгин". Приведенные им транспорты грузились в Игарке. Молодой полярный город давал первый лес на экспорт.

Через Таймыр

Неприступная земля Таймыр - самая северная на Евразийском континенте. Сколько раз о нее разбивался замысел мореплавателей проложить путь вдоль берегов Сибири. Только в 1878-1879 годах экспедиции, возглавляемой Э. Норденшельдом, удалось пройти эту трассу, да и то за два года с зимовкой. А первый сквозной рейс в одну навигацию совершил в 1932 году легендарный "Сибиряков".

Таймыр с уходящей за восьмидесятую параллель Северной Землей будто глухой стеной отделял западную сторону арктического бассейна от восточной, разрезая его судоходную часть почти пополам.

В советское время этот колосс был зажат, как говорится, в клещи. В 20-30-х годах началось планомерное освоение арктических морей. С запада наступали карские экспедиции, а так называемые колымские и ленские рейсы - тоже регулярные и крупные транспортные экспедиции - пробивались со стороны Берингова пролива, осваивая Колымо-Индибирский край. Вдоль этих трасс на берегах и по островам создавались гидрометеорологические станции, базы, фактории, порты.

Морские ветки постепенно удлинялись, приближаясь с двух сторон к Таймыру. Наконец их сомкнул исторический рейс "Сибирякова". Северный морской путь отныне превращался в постоянно действующую водную магистраль. Уже в навигацию 1933 года мыс Челюскин обогнули одиннадцать кораблей. К этому времени в советской Арктике было открыто более двух десятков полярных станций. Начали осваиваться и сухопутные пространства полуострова, на два века забытого наукой после выдающегося штурма Великой северной экспедицией 1733-1743 годов. Настолько забытого, что в середине XIX века всерьез обсуждался вопрос о возможности отдать в аренду всю территорию, прилегающую к среднему и нижнему течению Енисея, как совершенно бесполезную и лишь обременяющую казну...

...Сентябрьский утренник наложил серебряную чеканку изморози на уходящее вдаль полотно тундры. На северо-востоке висели голубые снежники отрогов хребта Бырранга. Рядом звонко плескались о гальку волны Енисея, раскинувшегося в этих местах километров на шестьдесят в ширину. Все было залито лучами яркого солнца. Лишь иногда по земле пробегали косые тени, отбрасываемые улетающими на юг стаями гусей, уток, куликов и других крылатых кочевников.

И вот удача: неподалеку от места высадки, на крутом берегу, пара рубленых избушек - по северному уже селение, станок.

Русские на Енисее живут по три-четыре семьи. Дома и хозяйственные постройки сложены из плавника: ниже Дудинки строевого леса нет. А из кривой, потрескавшейся от мороза лиственницы дом не построишь.

Плавник - это главным образом бревна-кругляки. Где-то выше по реке разбило плот, а то и целую запань прорвало, и побежали бревна к Студеному морю. Или Енисей в половодье подмыл берег, и кусок земли обвалился с целой рощей. И все это плывет вниз, частью оседает в протоках, на мелях, но основная масса выносится течением в океан. Деревья трутся друг о друга, теряют кору на камнях и в песке, костенеют от морской соли и вновь штормами и приливами выбрасываются на берег. Так появляется плавник в устьях тундровых рек, где вообще никакого леса не растет. Из такого плавника и была сложена избушка, к которой подошел Глеб. Возле нее стояла запряженная тремя оленями нарта. Хозяин - кряжистый промышленник - развешивал на пряслах сети. Узкие глаза, полуприкрытые складками век, изучающе щупали путника и его машину. Тут же стоял и владелец упряжки - старичок нганасан, направившийся из своего стойбища, расположенного неподалеку от Игарки, к месту выпаса оленей, в Пясинский раздол. Он оказался председателем кочевого Совета.

По просьбе велосипедиста председатель поставил ему в паспорте печать и роспись - каракулю, напоминающую вилы.

После продолжительного чаепития договорились, что путешественнику лучше всего отправляться вместе с оленеводом до реки Пуры, правого притока Пясины, а затем - в Авамскую тундру.

- А там до Хатанги зимняя тропа, - объяснил хозяин станка. - Не заплутаешь.

- Только бежать придется, паря,- предупредил старик. - Снега еще мало, оленчикам худо.

...Позади остался Енисейский залив. Тундра с каждым днем менялась. Северные стороны падей покрылись снегом. Двигались не торопясь, не больше тридцати километров в день. На остановках пили чай. Чаевка в тундре - это этап пути. По количеству чаевок можно без верст сказать, сколько проехал.

К Пуре добрались на пятый день. Отсюда дороги спутников расходились. Председатель сворачивал на север, к стадам, а Глеб - на юго-восток, в Авамскую тундру.

Нганасан внимательно следил за движением циркуля - Глеб прокладывал на карте полуострова дальнейший маршрут.

- Тут гора со скалой, похожей на гусиный нос, - вмешался старик, превосходно разбиравшийся в карте. - А тут озеро. Круглое, как птичий глаз, священное озеро... Через две чаевки юрта - долган Никита охотится...

Все эти приметы Глеб помечал значками.

- У нас в Дудинке жил Никифор Бегичев. Он тоже с картой ездил. и в Аваме бывал, и на Хатанге. Смелый человек и добрый, его вся тундра знала.

- А где же он теперь? - поинтересовался Глеб.

- Умер. Два года назад. Зацинговал в низовьях Пясины. Там и могила, - старик задумался.

- Только мы не больно этому верим. Ушел Никифор, видно, на свой Сиз-остров, а может, и дальше. Он удачливый.

Глеб слышал кое-что о полярном следопыте Никифоре Бегичеве. В 20-х годах в газетах публиковалось сообщение о русско-норвежской экспедиции по розыску спутников Амундсена Кнудсена и Тессема, которую фактически возглавлял Бегичев.

Известный полярный исследователь Амундсен предполагал на судне "Мод" по примеру знаменитого "Фрама" пройти через полярный бассейн. Судно вышло в 1918 году из Норвегии, но уже в начале плавания вынуждено было дважды зимовать. Во время стоянки у мыса Челюскина Амундсен решил отправить отчеты о плавании на родину, в Норвегию. Матросы Тессем и Кнудсен взялись доставить почту до Диксона. Направились они по берегу Таймырского полуострова на запад и исчезли.

По поручению Советского правительства поисками норвежцев занялся Бегичев. Труп Тессема был обнаружен на берегу бухты Омудево, в четырех километрах от острова Диксон. Там и сейчас среди камней возвышается изъеденный ветрами деревянный крест с надписью на норвежском языке. Позже диксоновцы поставили каменный памятник...

Погибнуть у самой цели?! По окончании розысков правительство Норвегии наградило Н. Бегичева именными золотыми часами. И вот теперь Глеб случайно узнал, что отважного следопыта постигла судьба тех норвежцев.

Но многие на Таймыре не поверили, что Бегичев умер от цинги. Возникли легенды. По одной из них выходило, что его убил член охотничьей артели. Версия о насильственной смерти не только разносилась устно, но и печаталась. И продолжалось это до 1955 года, когда газета "Водный транспорт" поставила вопрос о том, что надо наконец решить вопрос о смерти Бегичева.

Так что же, цинга или злодейское убийство?

Генеральный прокурор СССР направил на Таймыр комиссию во главе с опытным юристом А. Бабенко. В нее входили и медицинские эксперты, следователи из Москвы и Красноярска. Участвовали в расследовании и сибирский поэт К. Лисовский, писавший о Бегичеве, и местный житель Ананьин, знавший следопыта лично.

Самолет высадил комиссию у мыса Входного, в устье Пясины. Еще десять километров по берегу, и увидели холм со старым деревянным крестом. У могилы собрались люди, которые должны установить истину. Предварительно были опрошены многие коренные таймырские жители, среди них жена Бегичева Анастасия Георгиевна и участник зимовки Василий Натальченко. Ходили слухи, что он и убил Бегичева, ударив по голове железным пестиком от ступы. Прочитали еще раз дневник следопыта и его товарищей...

Могила вскрыта. С помощью самых современных и объективных методов проведено обследование и составлен акт. Вывод: смерть наступила от авитаминоза, то есть от цинги. ...28 июня 1964 года в поселке Диксон было необычайно оживленно. Люди шли к возвышенности, на которой виднелся скульптурный монумент. Когда сдернули покрывало, перед взором собравшихся оказался Никифор Бегичев. На отважном следопыте унты, меховая куртка, малахай. Он встал лицом к Ледовитому океану, будто готовый опять шагнуть в полярную даль...

Переправившись через Пуру на ветке - небольшом челноке, который был припрятан на берегу оленеводами, Травин проехал вдоль берега реки на юг. Он намеревался по притокам Пясины быстро добраться и до Авама. Но погода внесла в план поправку: повалил мокрый снег, сменившийся проливным дождем. Тундра разбухла, раскисла, растеклась. Речки поднялись.

Глеб, меся сапогами бескрайнее болото, мокрый до нитки, мечтал о морозе, как о лучшем друге. Сбоку, по-собачьи верно, катился велосипед. С кочки на кочку с ним не попрыгаешь, надо тянуть напрямую. И ругнет его Глеб, и погладит холодный металл - ведь столько вместе пройдено...

А тучи слились с туманом, навалились сырой липкой ватой. Бесцветный тяжелый воздух просто физически хотелось раздвинуть руками, вылезти из-под него на свежий ветер, на простор. Идти трудно, но и остановишься - отдыха не жди. Сразу начинают донимать "союзники" - сырость с холодом. Мучил и голод. Ничего не подстрелишь: все живое скрылось.

Как бы не закружить. Речки, озера при такой обстановке уже не приметны. Их стало бесчисленное множество, все соединены протоками. И ждать - не переждешь: затопит или с голоду помрешь. А может быть, тут, за этой рекой, становище долгана Никиты...

Глеб, опершись на велосипед, внимательно разглядывал противоположный берег. Туман скрадывал расстояние. Будь плавник, сделал бы плот, но нигде ни палки. Единственный "валежник" - сброшенные олени рога. Попробовать переплыть? Но есть ли смысл? Возможно, лучше двигаться по берегу на юг...

"Слишком много рассуждений, - тряхнул головой Глеб. - Это признак усталости, неуверенности... А глубина, наверное, порядочная. Любопытно, что за черные точки на воде? Уж не утки ли?"

Глеб, опершись на велосипед, взгляделся.

"Постой, да ведь это же олени! - Он ясно различает ветвистые рога над водой. Основная масса плывет в стороне, а десяток животных - прямо на него. - Что делать? Можно, конечно, распаковать ружье, но малейший звук вспугнет оленей, да и стрелять в воде без толку - унесет".

Животные почти рядом, пахни ветерок - учуют человека. Один четвероногий пловец уже выскочил на берег и отряхивался в каком-то метре от Глеба, под ним. Помотав головой, олень оглянулся на реку. И в эту минуту человек с непостижимой для самого себя быстротой, словно пружина, метнулся вниз.

Животное взвилось. Глеб слетел с него и, увидев над собой вытянутую морду с ветвистыми рогами, машинально ухватился за них. Надо сказать, что дикий олень, о котором много написано как о робком и миролюбивом животном, когда надо, умеет защищаться и даже нападать. И не только рога в таких случаях служат ему оружием, но и острые, очень крепкие копыта передних ног. Ведь этими копытами олень зимой разбивает твердый, как лед, наст, добывая ягель.

И все же подбросить вверх человека, весящего восемьдесят килограммов, не в состоянии. Он волочил охотника по земле, по воде, пытался проткнуть его рогами, но Глеб каждый раз изворачивался, и наиболее опасные центральные отростки проходили мимо...

Олень слабел. Он хрипел, широко раскрывал рот, глаза налились кровью. И думал, видно, уже не о нападении, а о том, как бы унести ноги. У Глеба задача добраться до ножа. Как высвободить руку?

Резко повернувшись, он всей тяжестью налег на рога, стремясь завалить животное. Олень сделал попытку вырваться, но, увы, человек оказался более ловким. Он прижал к земле рогастую голову. Новое усилие - и олень упал. Понадобилась доля минуты, чтобы нож довершил дело.

Стадо, напуганное шумом борьбы, форсировало новую протоку.

Теперь у Травина есть пища. И погода стала проясняться. Тучи из серых сделались темными с синеватым оттенком и поднялись. Ветер сменился на северный. Резко похолодало, а в ночь пошел сухой колючий снег. Настоящий, зимний.

...Миновал Глеб и скалу Гусиный нос, и круглое озерцо, и еще одно очень длинное и узкое озеро. Добрался до становища Никиты. Хозяин оказался в отъезде. Встретила жена. Травин с любопытством оглядывал жилище. Такого он еще не видел. Дом сооружен на саях: два полоза, а на них каркас из тальника. Сверху он покрыт нюком - чехлом, сшитым из оленьих шкур, шерстью наружу. Внутри - ситцевый полог, в углу - небольшая железная печь. Тут же на полу, в колыбельке, сплетенной из прутьев, сидел ребенок. Женщина по облику и по бойкости походила на якутку, а возможно, и была ей. Говорила по-русски. Глеб узнал, что Никита тоже скоро откочует в Авам. Хозяйка предлагала подождать мужа и ехать вместе. Глеб подумал и решил все же не задерживаться.

"...Мы подумали, ты неживой"

В конце октября путешественник подошел к Пясине. Это самая большая река полуострова. На север от нее высится хребет Бырранга и полярные пустыни - голые глинистые пространства. На зиму даже дикие олени, а за ними и волки покидают тундру, расположенную за этой рекой. "Пясина самой природой огорожена от посягательств человека", - писал один исследователь в 20-х годах.

Только в 1936 году в Пясину с океана вошел караван речных судов с... паровозами и вагонами для строителей заполярного металлургического центра Норильска. Привел его прославленный енисейский капитан Мецайк. Следует добавить, что это тот самый Константин Александрович Мецайк, который привез в 1915 году из Красноярска на Диксон первую в этом краю радиостанцию.

Значит, Пясина. На блестящем, чуть запорошенном снегом льду играли алые блики полуденной зари. Велосипедист осторожно спустился на лед, потоптался на нем. Сел на машину и нажал на педали.

Позади середина. Выходить надо левее, где пологий берег. Он круто повернул руль и... грохнулся на затрепавший лед. Велосипед поскользнулся: подвели поношенные покрышки. А может быть, и еще что - выяснять причину падения, барахтаясь в проруби, пробитой собственным телом, - занятие, конечно, несвоевременное...

Травин, вцепившись пальцами в острую кромку, стремился выбраться на лед. Вниз тянула одежда, отяжелевшие торбаса... Ни минуты на колебания, на сомнения. Одно неловкое движение - конец, затянет под лед. Как можно шире разведя руки, Глеб грудью оперся о кромку и вытолкнул вперед плечо. Еще толчок - еще десяток сантиметров. В воде остались только ноги...

Распластавшись на льду, путешественник полз, перебрасываясь с боку на бок и волоча за собой велосипед.

Подняться рискнул лишь у самого берега. Как огнем жгло израненные в кровь лицо и дрожащие от напряжения руки. И только теперь почувствовал усталость, холод... и страх. Всего можно было ожидать. Но оказаться вот так среди оголенного и леденящего безмолвия в разбухшей от сырости одежде - это уж слишком.

В голове застучало: "Замерзнешь! Замерзнешь!" Голос чужой, далекий.

Травин подскочил и резко стянул торбас. Захлюпала вода и, сочась на снег, тут же превратилась в льдинки. Танцую босой на снегу, он выкрутил чижи - меховые носки, взялся за свитер... Танец неопишум, главное в нем - максимум движений.

Наконец все выжато и мокрым надето снова.

Ни минуты промедления. Бежать, бежать!..

Мчась от реки, Глеб наткнулся на кочки. Ткнул одну - оленья туша, запрятанная в снег. Тут же горой лежали шкуры, или, как их называют на Севере, постели.

Понятно: нганасаны заготовили про запас мясо диких оленей. Почему на берегу?.. Осенью олени начинают переход на юг, ближе к лесам, где легче кормиться. При этом они переплывают многие реки. Охотники изучили маршруты кочевков и поджидают животных в местах широких переправ, бьют их в воде с веток.

"Это жизнь!" - обрадовался Глеб находке. Он принялся торопливо строить логово. Шкуры не гнутся, словно щиты. Несколько штук вниз, а сверху домиком. Для прочности закрыл еще снегом.

Как высушить одежду? Спички целы, по кругом ни былинки.

Осенила мысль!..

Если бы кто мог видеть! Сорокаградусный мороз, и голый человек в торбасах прыгает вокруг палатки, прикручивая к велосипеду скинутую одежду.

Нет костра, так высушит мороз! Глеб, оставив на себе только ремень с компасом да торбаса, забрался в меховую нору. Шкуры обжигали тело заиндевелыми ворсинками. И вдруг вспомнилось...

Купец Константинов, псковский хозяин отца, очень любил зимнее купание. Каждую зиму он строил на льду реки Великой сруб. Внутри делали прорубь. Ставили железную печку и даже диван.

Примчится Константинов, сбросит с себя все - и бултых в воду. Выскочит обратно, а кучер уже держит согретую над печкой доху. Накинёт на купеческие телеса, посадит в кошеву - и домой. Благо от дома до купальни меньше версты.

Вот также как-то после пьянки подъехал купец. А дверь в купальню открыта. Кучер вбежал и обомлел. В черном окне проруби торчала из воды вихрастая голова. Держась за деревянный борт, мальчишка часто-часто перебирал ногами, стараясь держаться на плаву... Это был Глеб.

- Ах ты, пескарь, - ругался кучер, таща его из воды. Ну погоди! - Схватив на руки, вылетел на улицу, сунул в чем мать родила в медвежью полость...

И почему-то у Глеба в памяти на всю жизнь запечатлелось ощущение на теле покрытых инеем колющихся ворсинок. Вот и сейчас.

...Меховая палатка вроде спального мешка постепенно согрелась. Захотелось есть.

"Сколько прошло времени?" - гадал Глеб. Часы-то после купания остановились. Бинобль и барометр совсем остались в Пясине.

Осторожно раздвинул негнущиеся шкуры. Солнце плавало над самым горизонтом. Морозище! Протянул руку к одежде. Белье почти сухое, и свитер хорош: вымерзли. Худо только с верхней меховой одеждой: малица как колокол и торбаса на ногах так и не высохли. Значит, будут пропускать холод и преть.

Оделся, размялся. Конура больше уже не манила. Отрезал мороженой оленины. Настругал тонкими пластинками и досыта наелся.

Пасмурным утром группа охотников-нганасанов подъехала на оленьих нартах к фактории "Боганида", расположенной в восточной части Таймыра. Когда-то фактория принадлежала Дудинскому купцу К. П. Сотникову. Этот Сотников прославился тем, что первым в 1866 году начал добывать медь и уголь в районе нынешнего Норильска. По тому времени

купец совершил богохульное дело: разобрал в Дудинке кирпичную церковь и сложил из нее плавильную печь. Медь получилась превосходная. Но в Петербурге до самой Октябрьской революции ни Сотниковым, ни его медью так всерьез и не заинтересовались. Заведующий факторией Степан Александрович Баранкин, совсем еще молодой человек, опешил, когда охотники, обычно степенные, ворвались в дверь. Перебивая друг друга, они рассказали, что видели в тундре мужчину с каким-то непонятным предметом в руках.

Пеший в тундре - это уже чрезвычайное происшествие!

Расспросив охотников, где они видели "чудо", заведующий взял упряжку оленей и поехал по свежему следу...

Навстречу тяжело ковылял человек, толкая перед собой велосипед. Изодранная ненецкая малица, какие-то лоскуты на ногах, драный шарф закрывал лицо.

Баранкин остановил упряжку.

- Садитесь!

Понятно, что напугало нганасанов, - велосипед. Ведь в их лексиконе даже не было таких слов, как колесо.

Устроив Глеба, Баранкин повернул домой.

...Охотники и заведующий факторией сидели за столом и слушали гостя. Перед каждым дымилась кружка с чаем. Чай густой, а сахару клали немного. Не от боязни объесть - такое и в уме северянина не появится: есть так есть досыта, лишний сахар просто портит вкус напитка.

- А мы, однако, думали, что ты неживой, - обратился к велосипедисту пожилой нганасан с медными бляхами на груди.

Все за столом заулыбались.

Много позже Баранкин писал на Большую землю:

"...С волосами ниже плеч, бородатый, со шрамами ознобов на лице, с негнуцимися руками, едва переступая ногами, на которых сам отрезал ножом обмороженные пальцы, Травин предстал в моем воображении живым Амундсеном. Он пробыл у меня всего три дня. Эти три дня - большая книга, которую я никогда не читал. Сколько рассказов! У него есть портативный альбом, где росписями и печатями заверены населенные пункты, в которых он побывал. На теле путешественника надет пояс с медными буквами: "Глеб Леонтьевич Травин". Это для того, говорил он, чтобы опознали в случае смерти. Ни бахвальства, ни героики, ни помпезности, ни нытья и жалоб. И какая скромность! Кроме сотни пуль, десятка плиток шоколада и сухого печенья, Глеб Леонтьевич - ничего не взял! И все перекрыла идеальная честность. Как я предлагал ему на прекрасных скакунах-оленях домчать его хоть до самой Дудинки или до любого пункта по его маршруту! Как я упрашивал его взять пару смирных выносливых оленей. Все было тщетно! Даже не отдохнув как следует, не залечив ознобов, он пристегнул рюкзак и уехал, использовав очень короткий кусок торной дороги. Где он и жив ли?.."

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Берег лейтенантов

В ста пятидесяти километрах от впадения реки Хатанги в море Лаптевых, на ее правом берегу, расположилось село Хатанга.

...Середина морозного дня. Тихо. Солнце не показывается уже неделю. Над горизонтом только зарево. Заметенные снегом избы дружно топились.

"Раз, два, три, четыре..." - Глеб насчитал двенадцать седых дымок. Понятно, почему на севере размеры селения принято определять количеством "дымов" - нагляднее. Беспокойство Баранкина было напрасным. Глеб благополучно добрался до Хатанги. Шел и ехал по рекам. Путь объяснили охотники на фактории: "Речка Боганида вытекает из озера Лабаз, впадает она в Хету; Хета течет в Катуй, а Катуй - в Хатангу..." Таймырский полуостров, переход через который занял два месяца, остался позади.

Первыми увидели Травина собаки и дружным лаем оповестили село. Захлопали двери. Заместитель председателя райисполкома Федот Васильевич Необутов очень обрадовался приезду путешественника. Собственно, то, что Травин - путешественник, для него было маловажным: он сам всю жизнь кружил по побережью, пас оленей, рыбачил, ловил песцов. Правда, транспорт иной, но это уж дело хозяина, бежать ли за нартой или ехать на ней. С уважением отнесся Федот Васильевич к военному званию Травина, к тому, что он командир.

- Помоги, друг, организовать торжественное собрание. Завтра ведь тринадцатая годовщина Октябрьской революции, - говорил зампред, путая русские слова с эвенкийскими. - Есть у нас учитель, да больно молод. Председатель уехал в Якутск. Культбазу будем строить, Госторг уже открыли. Скупщиков как пургой смело. Куда только попрятались.

Село Хатанга в эту зиму стало административным центром одного из четырех районов Таймырского округа, образованного 10 декабря 1930 года. Округ назывался Национальным. Коренные жители - охотники и оленеводы, рыбаки - именовались пока еще по-старому: эвенки - тунгусами, саха - долганями, нганасаны - самоедами, как и ненцы, ханты - остяками и только якуты - якутами... До Октябрьской революции всему этому разноплеменному населению придавалось великодержавное обобщение "инородцы".

Пока шел разговор, в помещение райисполкома прибывал народ. Мужчины толпились вокруг гостя, а женщины жались у стен.

- Я местный учитель, - тряс Глебу руку, юный паренек. - Выступите. Вы же столько видели.

Глеба и не требовалось так уговаривать. Оратор, правда, он неважный, но готов сколько угодно рассказывать о том, как поднимается страна, что делает Советская власть, чтобы лучше жилось трудовым людям...

Учитель переводил.

В заключение Глеб поведал о своем путешествии, о виденном на пути, о приключениях. Когда дошел до купания в Пясине, среди собравшихся то раздавались возгласы сочувствия, то такой громкий смех, что подпрыгивало пламя свечей. А учитель, узнав, что часы путешественника после пясинской "купели" стали барахлить, предложил свои.

- Вам нужна точность, а эти я с первой оказией в Якутск направлю, там починят.

Травину предстоял большой путь на Лену. Местные жители ездили туда, как правило, через тундру, пересеченную горными кряжами и большими реками Анабаром и Оленеком. Но пускаться в такую дорогу без проводника опасно. Надежнее все-таки по берегу.

Северяне не знакомы с русским обычаем "посидеть" перед дорогой. И когда назавтра велосипедист, наладив машину, вывел ее на реку, вся Хатанга оказалась на ногах. Каждому хотелось пожать руку человеку с "железным оленем".

- Держи на память, - протянул Глебу фотографию Необутов.

Правда, у него получилось "на вамят", но дружественный жест и снимок, на котором изображена вся семья - сам, жена и двое ребят, уточняли смысл подарка.

...В обед еще светло, а потом смеркается и наступает ночь.

В один из таких полудней Глеб, пересекая Хатангский залив, увидел на севере массив. Это и был Сиз-остров, или Большой Бегичев, открытый Никифором Алексеевичем Бегичевым еще в 1908 году и позже ошибочно чуть не "закрытый" Нансеном.

По льду залива Травин вышел к высокому, далеко вдающемуся в море полуострову. Чтобы обойти его, надо сделать лишнюю сотню километров, а то и больше. Ну а если спрямить?

Темно. Вторая половина ноября - начало полярной ночи. Впрочем, это вовсе не означает "ни зги не видно". Луна в чистой атмосфере Арктики удивительно ярка, светит так, что хоть книгу читай. А то зажигаются гигантские цветные люстры сполохов.

О полярной ночи написано много страшного. С непривычки оно так. Но ночь - это самое рабочее время у коренных северян - охотников и оленеводов, и им не до страхов. Так что о "страшной полярной ночи" обычно пишут те, кто ее ни разу не видел, либо попадал под ее покров случайно. Ф. Нансен, например, утверждает, что, дрейфуя на "Фраме", он за время полярной ночи помолодел. "Я готов, - говорит этот отважный человек, - порекомендовать полярные страны как отличный санаторий для слабонервных..."

Велосипедист легко катился по сверкающему полотну твердого наста. Над тундрой из конца в конец небесного купола перекинулся бело-голубой шарф Млечного Пути. Мир в двух цветах - черном и белом. Тишина...

И вдруг с Травиным произошло непонятное. Все началось с того, что замерзла нога. Глеб сошел с велосипеда и начал прыгать. Чтобы усилить циркуляцию крови о ступнях, он энергично пошаркал ногами. Ремешок, стягивавший волосы, сдвинулся, и длинная прядь упала на глаза. Глеб поднес руку к голове и почувствовал, что волосы у него поднимаются торчком вслед за ладонью. "Что за чертовщина?!" - отбросил прядь, наклонился к велосипеду. Но едва пальцы приблизились к рулю, как получил чувствительный электрический разряд...

Лица коснулось легкое дыхание ветра. Щеки ощутили уколы сухих снежинок. Пространство начало быстро меркнуть, порывы ветра следовали один за другим - надвигалась пурга. Глеб уже не раз встречался с ней, укрываясь обычно в снежной пещере, соорудить которую в сугробе просто. Но где искать убежища на обледенелой возвышенности? Надо во что бы то ни стало успеть до непогоды пересечь мыс и укрыться под берегом. Подбадривая себя, он изо всех сил жал на педали, стремясь противостоять натиску ветра. Тщетно! Быстро нарастающий разгул бури вынудил слезть с машины. Наклонив голову, вцепившись обеими руками в руль, Глеб шагал в лоб ветру. Порывы слились в сплошной шквал. С каждой минутой становилось понятнее, что до моря не дойти. Снег, жесткий, как песок, хлестал лицо, слепил глаза, захватывал дыхание. Его бесконечная лавина с бешеной скоростью скользила под ногами. Она толкала, рвала из рук велосипед, пронизывала одежду, кружила путника, как клочок шерсти. Мечта - врыться в снег! Но под ногами ледяная корка.

Очередной свистящий удар пурги сбил с ног. Ветер подхватил человека и поволок вместе с машиной.

Травин, напрягая мускулы, стремился удержаться. Но разве уцепишься за лед? Нет, только бы не потерять самообладания. Должен же попасться хоть бугорок на этом проклятом мысу!

"А что если..." Выхватив из-за пояса нож, Глеб с размаху всадил его в наст. Широкий массивный клинок пробил гололед и застрял в нем. Скольжение прекратилось.

Травин готов был закричать ура и, возможно, закричал бы, позволь пурга открыть хоть на секунду рот: он зацепился, опора есть! Прочный наст из врага превратился в союзника.

Держась за нож и не выпуская из другой руки велосипед, Глеб затащил машину перед собой и укрыл голову за багажными сумками. Только бы не вырвался нож, только бы удержаться... Снежные вихри бурлили в колесах, струями текли вдоль тела. Но напор

заметно слабел. Глеб чуть приподнял голову - перед велосипедом уже намело холмик. Снег мчался поверх него, нужда в опоре миновала.

Высвободил нож. Вырубил несколько пластин слежавшегося тяжелого снега и, нарастив барьер, прижался к нему спиной. Приподнял машину - сумки снова оказались на поверхности снежного бугра. Еще приподнял...

Постепенно над путешественником вырос сугроб с пещерой, каркасом которой столь необычным образом стал велосипед. Расширив и уплотнив телом берлогу, Травин почувствовал себя в безопасности. Теперь можно и поразмышлять. Сопоставив "электрические эффекты" с тем, что за ними последовало, он пришел к выводу, что все объясняется концентрацией электричества в атмосфере.

Наверху неистовствовала буря, тут же было тихо и сравнительно тепло. Закусив мясом, захваченным из Хатанги, Глеб поплотнее завернулся в малицу и уснул.

Юго-восточнее острова Большой Бегичев в море выходит река Анабар. В проливе, который отделяет остров от материка, ее воды смешиваются с хатангскими. На берегу попадаются пасти - ловушки из бревен для промысла песка. Стоят они через каждые 200-300 метров, точно батареи, нацеленные на океан. Фронт их прерывается только скалами.

В самом устье Анабара Глеб наткнулся на полузаметенную урасу - шалаш, обложенный дерном. Внутри имелся очаг из диких камней. В углу куча каменного угля и растопка из плавника. На полу несколько грубо выделанных оленьих шкур. На закопченной перекладине висел мешочек с вяленой рыбой.

Глеб растопил печурку, нагрел воды. Наелся, напился.

Ночью его разбудил лай собак. Кто-то поднимал шкуру, закрывавшую вход в урасу.

- Здорово! Капсэ!

Приезжий оказался местным охотником, проверял пасти на берегу. Скинув через голову совик - оленью доху - и кучу другой дорожной одежды, он повторил:

- Капсэ!

Это якутское слово - просьба рассказывать новости.

Глеба заинтересовало, откуда уголь. - Да здесь, рядом, на берегу.

Назавтра он, и правда, увидел угольные пласты, выходявшие правильными надвигами прямо в море. Подходи корабль и грузи.

Тут они и расстались, охотник и велосипедист. Одному надо на станок, расположенный южнее, а Глебу - на реку Оленек. На тот самый Оленек, куда отправился нести службу атаман Семен Дежнев через десять лет после свершения им исторического плавания вокруг Чукотского носа.

Выбор дороги прежний - по мысам либо через бухты и заливы. Ледовые нагромождения столь велики, что их можно легко принять за возвышенный берег. Но все же лучше обходить по твердому припаю, чем "плыть" по рыхлым сугробам.

Места пошли сравнительно обжитые - Якутия. Обжитые ли? Средняя плотность населения Якутской АССР в то время - десять человек на каждые 100 квадратных километров, а в бассейне Оленека - 0,5 человека!

На высоком яру Оленека, у подножия утеса Тумуль-Кай, - могилы Прончищевых.

"Злополучный Прончищев и неустрашимая жена его" - так назвал историк эту семейную пару. Лейтенант Василий Прончищев был начальником отряда Великой Северной экспедиции. Он занимался описью берега от устья Лены до Енисея. С ним отправилась в путешествие в Сибирь и его молодая жена Мария. Она вместе с мужем и его товарищами плавала на маленьком шлюпе "Якутск" через полярные льды, делила все лишения. Оба Прончищевы тяжело заболели. И умерли они чуть ли не в один день осенью 1736 года.

Мало что знают историки о Марии, никто не видел ее портрета. Она, конечно, была прекрасна, как и ушедшие навсегда в полярную неведомость Жульетта Жан, подруга

Русанова, и медицинская сестра в экспедиции Брусилова Ерминия Жданко, как и та неизвестная, чью русую косу и златотканый сарафан нашли на берегу восточного Таймыра рядом с останками морехода, носившего имя Акакия Муромца... Первые русские женщины-полярницы! Где же, наконец, тот мрамор, который запечатлеет их бессмертную красоту?

Опять случилась неудача: треснул руль. Ни о какой сварке в этих местах не приходилось, конечно, и мечтать. Выручили мастера из сельца Усть-Оленек, куда Глеб прибыл в конце ноября. Смекалке северян можно только удивляться. Самый бросовый кусок металла в искусных руках превращается в очень нужную в быту вещь. Увидит ненец или якут на берегу ржавый барочный гвоздь - обязательно подберет его. Очистит, расклепает в пластинку, потом свернет желобком, вчеканит сверху медь и серебро от монет, вырежет из корневища плавника мундштук. Соберет все - и готова красивая трубка.

Один из таких умельцев и предложил Глебу смастерить руль из старого винтовочного ствола. За два дня он выгнул чуть ли не копию заводского. Пристроил к нему старые ручки - и велосипед снова на ходу.

За Оленеком арктический: берег уходит в океан. Начинается огромная дельта Лены. Бесчисленное множество протоков, островков, озер раскинулось на пространстве шириной в триста километров. По протоке, тянувшейся почти точно на восток, Глеб направился к селу Булун.

У подножия прибрежной горы, круто падающей в Лену, несколько десятков домов, сараев и церковь. Тут и косторезная мастерская. Печать, которую поставил Глебу председатель Булунского улуса, вырезана из мамонтовой кости. Кроме якутов в селе жили и потомки русских казаков-землепроходцев. Они мало чем отличались от оседлых коренных жителей. Прапрадедовское наследство у них заключалось в кремневых ружьях...

И снова в путь. Теперь на север по восточному ответвлению Лены - Быковской протоке, по которой ныне суда ходят к порту Тикси. Зимой на морском берегу жизнь чувствуется только в устьях рек. Здесь чаще поварни, урасы. Охотники свои угодыя обычно разграничивают от реки до реки.

Глеб пересекал петли песцов, лазы леммингов. Видел и следы диких оленей, не так давно завершивших переход с островов на материк. Это обычно бывает поздней осенью, когда замерзают проливы.

Попадались даже дороги. Якуты в отличие от ненцев, которые любят каждый раз прокладывать собственный след, придерживаются трасс: в тундре - олени тропы, а по берегу, где проверяют пасти, - накатанный след собачьих нарт. Но когда Глеб уходил на лед, тут уж ни следа, ни укрытия. У него с собой бязевая палатка восьмиклинка, сшитая еще в Хабарово. Поставит свою верную машину по направлению движения, колесами зароет в снег, а на седле укрепит насос. Получалась мачта, на которой растягивалась вкруговую палатка. Засунет в один торбас ноги, другой - под бок, под голову - куртку. И, не снимая меховой одежды, вытягивается вдоль велосипеда. Иногда даже свечу зажжет. Светло и тепло. Растяжимо понятие о комфорте...

Утром туалет. Ведь даже с пуховой перины встанешь, и то надо привести себя в порядок. Глеб ежедневно умывался снегом до пояса: чистота - враг холода. Потный всегда быстрее замерзнет. Ну и в заключение завтрак: сырая рыба, сырое мясо и обычно без соли.

В середине декабря путешественник добрался до села Усть-Янск на реке Яне. Крутой берег, кое-где низкорослый лес.

- ...Знаете, Глеб Леонтьевич, немного городов повидали столько прославленных путешественников, как наш Усть-Янск, - сообщил Глебу при знакомстве секретарь улусского исполкома. - После основателя села боярского сына Ивана Реброва, открывшего Яну для царского ясака, здесь с истинно научными гуманными целями: побывали лейтенанты Семен Лаптев, Фердинанд Врангель, мичман Федор Матюшкин. А экспедиция лейтенанта Петра Анжу так и называлась Усть-Янской. Анжу, описывая берег

между Оленеком и Индигиркой, проехал в этих краях десять тысяч километров на собаках.

- Так что, Глеб Леонтьевич, вы у нас не первый лейтенант, - улыбнулся секретарь. - Бывали тут и боцман Бегичев, и геолог Волосович, и ученый Миддендорф...

Нет, это, пожалуй, самый знаменитый берег Арктики, от Таймыра до нас. Я бы его назвал Берегом лейтенантов.

Поглядите, чьи подписи стоят под Генеральной картой Сибири, составленной: по описям Великой Северной экспедиции? наших лейтенантов: Харитона Лаптева, Дмитрия Овцына, Сафрона Хитрово, Ивана Елагина. Жаль, не успел подписать ее Василий Прончищев, тоже лейтенант... "Колумбы российские" - это ведь и о них. Лейтенантская Великая сибирская экспедиция - воистину великая и героическая!

Ни один народ, ни одно государство в те годы не пыталось, да, вероятно, и не могло предпринять такого. Русский размах!.. Экспедиция продолжалась десять лет - с 1733 по 1743 год! Участвовало более тысячи человек.

- Она еще называлась и Камчатской, - успел вставить Глеб.

- Да, Первой и Второй камчатской, - подтвердил рассказчик и продолжал: - Так я говорил о масштабах. Возьмем для примера только август - октябрь 1740 года. Представьте себе, Глеб Леонтьевич, карту России. Вы увидите, как на крайнем востоке, в Авачинской бухте, отдают якоря пакетботы "Святой Павел" и "Святой Петр", прибывшие из Охотска под командой Беринга и Чирикова. А на другом конце страны, в Петербургской адмирал-коллегии, лейтенант (опять лейтенант!) Скуратов докладывает об окончании съемки берега вокруг Ямала. В те же дни команда "Иркутска", на капитанском мостике которого стоит Дмитрий Лаптев, отважно бьется со льдами вблизи Колымы, стремясь к неведомым землям Чукотки. А возле восточного берега Таймыра сплюснутый торосами идет ко дну бот "Якутск", на котором три года назад умерли от цинги Прончищевы. Экипаж "Якутска" теперь по распоряжению командира Харитона Лаптева направляется по льдам к пустынному берегу полуострова... Я вам покажу маршруты экспедиции, - и секретарь разложил на столе вычерченную от руки карту северных и восточных берегов России с пунктирами походов...

Так совсем неожиданно Глеб прослушал курс истории северных открытий. Секретарь, обрадовавшись свежему собеседнику, готов был всю ночь рассказывать о делах давно минувших. На Север, по его словам, он приехал задолго до революции со статистической комиссией. Весь его облик - очень аккуратный европейский костюм, гладко выбритые щеки, трогательная чеховская бородка - так не подходили к суровому и диковатому пейзажу янского устья. И в то же время чувствовалось, что человек этот, похожий больше на ученого, чем на канцеляриста, доволен своей судьбой и своими занятиями.

- В большие города меня уже и не тянет, - заметил он. - А потом я очень верю: и на Севере скоро будут белокаменные.

"Неведомый зверь"

В Усть-Янске жили промышленники. Собственно, не они, а их семьи. Мужчины большую часть года проводили на Ляховских островах. Охотились там на песца, добывали мамонтову кость. Бивней на островах видимо-невидимо, хоть и вывозят их оттуда вот уже две сотни лет. Да и на материке, по берегам рек, в мерзлоте порой обнажаются целые кладбища мамонтов. Реки уносят эти останки в океан или хоронят на дне. Такие могильники дали повод сочинить легенду про подземного зверя: "Когда идет он, то земля и лед вспучиваются буграми. А как выглянет из-под земли, дыхнет воздуха - так смерть..." Про зверя-великана Глеб слышал и на Камчатке.

Охотники из села Камаки видели в Ключевском доле таинственные следы. Можно подумать, что зверь шел по еще не затвердевшей лаве, продавливая своей тяжестью ее

корку. Лава остыла, и отпечатки окаменели. Каждая ступня с большую сковороду, а длина шага более метра. Гигант!

То, что это следы и ничто иное, подтверждает их удивительное однообразие. Зверь прошел будто вчера, обходя препятствия: крутизны, скалы, расщелины и другие опасные места.

Глеб тогда обратился за разъяснением к П. Т. Новограбленову. Краевед сказал:

- Я уже писал о следах этого неведомого зверя. Допустите, что их оставил мамонт.

- То есть как? - поглядел одуревшими глазами Глеб.

- Да так. У народностей Сибири сохранились предания о мохнатых зверях с длинными трубчатыми носами. Слово "слон" знать им неоткуда. Якуты, скажем, называют мамонта "водяным быком", а их соседи - юагиры "подземным зверем". Что касается камчатского "неведомого зверя", то ительмены мне говорили, что это огромный медведь.

Профессор-зоолог Державин, который в 1909 году путешествовал по полуострову, усомнился в таком толковании: уж очень отпечатки велики. Но с каким еще великаном могли камчадалы сравнить медведя: медведь самый крупный зверь на полуострове. Нет, дело не в названии, а в том, что перед нами следы когда-то жившего существа. И возможно, действительно мамонта.

- Но мамонты не пережили последнего оледенения, - возразил Глеб. - Это общеизвестно.

- Не все ученые разделяют такое мнение, - сказал Новограбленов. - К тому же на Камчатке ледники некоторых районов вовсе не коснулись. Доказательством тому - роща грациозной пихты возле Кроноцкого вулкана. Других мест на земле, где бы это дерево росло, нет. Наша каменная береза тоже древнейший доледниковый лес. А орхидеи?! Вы их найдете возле горячих ключей... На Камчатке проходила бурная вулканическая деятельность. Вероятно, ледники не могли осилить подземное тепло. Роща ведь прилепилась к вулкану. Возле вулканов и "таинственные" следы. Вот и допустим, что по Ключевскому долу паслись последние на земле мамонты. Судя по глубине отпечатков (пятнадцать - двадцать сантиметров), которые не успели разрушить ни воды, ни ветры, животные ходили здесь еще в нашу эру...

Таинственные следы волнуют исследователей, краеведов до сего дня. Попытку обосновать гипотезу о камчатском мамонте предпринял недавно научный сотрудник Камчатского отделения Тихоокеанского института рыбного хозяйства и океанографии молодой биолог Анатолий Георгиевич Остроумов...

Жители камчатских сел, как и Усть-Янска тоже занимались добычей мамонтовой кости. Выделывали из нее и игрушки, и оружие. До сего дня на полуострове мастерят костяные полозья для нарт. Подбитые ими нарты хорошо скользят не только зимой, но и летом по мокрой траве или мху. Но промышленники якутского Севера заготавливали клык тысячами пудов! Вывозили его в центр России и за рубежи.

С таким вот "клыкоискателем" и выехал Глеб из Усть-Янска на север. Расстались они на берегу Селяхской губы. Промышленник направился на мыс Святой нос, от которого лежал обычный путь на остров Большой Ляховский, а Глеб поехал по оленьему "тракту" на восток.

Этот восток! Он начался от Мурманска. Где восток, когда даже не видно Полярной звезды? А магнитная стрелка на компасе вдруг ни с того ни с сего начинает крутиться как бешеная. И если велосипедист в пути от Оленека до Яны имел возможность пить горячую воду и наслаждаться теплом охотничьих зимовий то теперь двигался по безлюдью. В темный декабрь опаснее всего одиночество...

Лишь вблизи берега Хромской губы Глеб увидел конус чума, над которым полыхал отсвет горящего очага.

Хозяин-юагир после традиционного угощения и обмена новостями пожаловался гостю на болезнь отца. Так как недомогание оказалось довольно заурядным - старика мучили

глисты, Глеб, не задумываясь, поделился с больным ампулами лекарства, которым снабдила его фельдшерница еще в Хабаровске. "На всякий случай: питаетесь все время сыром".

К утру следующих суток лечение произвело такой поразительный эффект, что юкагир стал просить Травина предпринять поездку в тундру к его другу, страдавшему подобным же недугом. Дело в том, что хозяйева решающую роль придали не лекарству, а самому лекарю. Пришлось согласиться, Оленья упряжка помчалась на юго-восток.

...Просторный чум. Хозяйева и гости расположились возле стен, в центре - костер. Перед огнем, как изваяние, полуголый человек в шапке с перьями. Горбоносое, намалеванное лицо исказилось гримасой, дрогнули побрякушки на шее, звякнул бубен - и словно вихрь пронесся по чуму.

Трещат и сыплются искры, подпрыгивает пламя, освещая смуглые застывшие лица; шаман беснуется, ритмично звучит его бубен: то гудит, то глухо рокошет, гипнотизируя зрителей... Но вот шаман заговорил, тыча пальцем туда, где сидел велосипедист. Поймав несколько косых взглядов, Глеб понял, что гадалыщик болтает что-то неладное.

- О чем это? - обратился он к своему знакомому.

- Ты, дескать, нехороший человек, - перевел тот. - Однако врет он. Давай лекарство.

Взяв ампулы, юкагир встал и горячо заговорил. Он показывал на Травина, на себя, на лежавшего за пологом больного. В его речи часто повторялись слова "русский: друг", "человек с железным оленем".

...Шаман, отесненный: к самому выходу, бормотал про себя какие-то ругательства.

- Он, знаешь, что говорил? - начал юкагир, когда возвращались. - Будто ты был не один, а трое. Двое, мол, убили одного, а потом ты убил и своего напарника, чтобы завладеть "железным оленем".

- Ты что же не сказал сразу? - резко спросил Глеб.

- А зачем? Шаман-то не настоящий, из русских. Только мажется здорово. Мы ему не больно верим: пришлый он.

"И верно тут что-то не так", - подумал Глеб о странном колдуне.

Загорелось сияние. Оно было необычным, напоминая скорее зарю. На горизонте разлилось однообразное красно-оранжевое пятно. Оно расширялось, заполняя северо-западную сторону неба.

Каюр тревожно заерзал на нарте и вынул изо рта трубку.

- Плохо! - сказал он.

- Что плохо?

- Да вот такие кровяные сполохи. У наших там, - он показал трубкой на север, - что-то случилось: красные костры жгут.

Глеб недоуменно взглянул на серьезное и опечаленное лицо спутника.

- Юкагирский народ в старину был многочисленным, но очень уж мирным. Жил богато и без ссор, - продолжал каюр. - Но вот однажды с южных гор спустилось незнакомое племя и началась война. Юкагиры не ожидали ее и были вынуждены отступить. Большинство отправилось вместе с табунами по льдам через море на другую землю следом за птичьими стаями. Там и живут. Старики стариков говорят, что когда у родичей все ладно, то они жгут разноцветные костры, и мы тоже радуемся. А редко-редко загораются, как сейчас, красные. Это мой народ дает знать о беде... Но никто уж теперь не помнит дорогу на ту землю, и помочь никак нельзя.

"Э-эжз!" - свистнул в воздухе хорей, и олени, заложив рога на спину, раскрыв широко рты рванулись вперед к далеким пылающим кострам.

В пути

И снова один на один с тундрой. Хромская губа глубоко вдается в сушу. Восточный берег ее низменный с редкими сглаженными холмами. Не всегда отличишь, где море, где земля. Только по нагромождениям плавника можно разобраться, что находишься на берегу. Круглые сутки темень. Выручает верная спутница Полярная звезда. Глебу смешно вспомнить, как еще недавно для ее обнаружения он сначала отыскивал ковш Большой Медведицы, а затем уже по нему брал прямую на звезду.

Под ногами заструги. Бесперывные ветры прессуют снег, который ложится застывшими волнами; переменится ветер - поверх старых заструг набегут новые. И так за зиму много раз. Разрезай снег и читай, какие ветры и когда здесь дули. Если засечь по компасу или просто на велосипедный флажок угол, под которым пересекаешь заструги, то можно легко выдержать желаемое направление.

У Глеба главная забота не проскочить случайно устье Индигирки. И хотя низкий берег слился со льдом, глаз привычно отбивает линию суши: береговой снег более пухлый, а на льду он влажнее от выступающей соли... Снежный покров - это своего рода, климатическая карта. Коряк, например, по характеру заструг, по глубине покрова определит не только направление дувших ветров или вчерашнюю погоду, но и скажет, какой выдастся весна...

На этот раз Глеб устраивал ночевку по всем приметам на берегу, вблизи от залома из плавника. Разведя костер, он принялся ставить палатку. Опорной мачтой, как всегда, служит велосипед. Смастерив из тлеющих углей подобие азиатского мангала - и тепло, и дыма нет, - Глеб улегся на отдых. Не проспал и десяти минут, как почувствовал непривычный жар.

Ветер, подкравшийся из-за торосов, резко хлестнул по палатке. Край ее, видимо слабо закрепленный, свалился прямо на угли. Сухая бязь вспыхнула, огнем опалило и пышные волосы велосипедиста. Глеб вскочил и, еще не очнувшись как следует, начал вминать в снег горевшую палатку. Несколько кусков обгорелой ткани - вот и все, что осталось от прежнего убежища.

После пожара путешественнику перед каждой ночевкой приходилось сооружать "зимовье". Выкопает он яму, утрамбует площадку. Топориком нарубит кирпичи из наста и начинает выкладывать бруствер. Каждый ряд - напуск на треть кирпича к себе. Строит, пока не окажется внутри снеговой избушки. Велосипед по твердо заведенному правилу ставился так, чтобы утром сразу знать направление, по которому шел. Все строительство продолжалось обычно час-полтора. Работать уже тем хорошо, что не замерзнешь: желание спать спорит с холодом.

Утром Глеб вставал, пробивая головой сугроб, словно мифологическое существо, рождавшееся, правда, не из морской пены, а из полярного снега. Поев, отправлялся дальше. Обед, как и в начале похода, не было. Режим оставался законом, в который лишь пурга вносила изменения. Так получилось, когда путешественник находился уже неподалеку от Индигирки.

Проснулся он в своем "куропаточном" зимовье, как обычно, в шесть. Наверху гудело. Тундру, отмалчивавшуюся целых полмесяца, прорвало. Она высказывала на своем свистящем языке массу пренеприятнейших новостей. "Во-первых, - говорила она, - ты, товарищ Травин, потеряешь день-два, а может быть, и неделю; во-вторых, тебе следует экономить пищу, то есть отсиживаться впроголодь; в-третьих, можешь замерзнуть; в-четвертых..." И так без конца.

Прошли сутки и еще одни. Нельзя сказать, чтобы уж особенно холодно, но снег все же не одеяло. Съежившись в своем логове, Глеб переживал непогоду. Из-за тоски и скуки начал даже видеть сны. Возникали картины, весьма далекие от сурового арктического бытия... Но однажды какой-то полудремавший нерв дал необычный, тревожный сигнал - мозг и все тело наполнились от этого толчка ощущением опасности.

Еще не проснувшись, Глеб открыл глаза. Что это?! С низкого сводчатого "потолка" на него глядели черные зрачки... Он дико закричал и рванул нож. Видение исчезло. Но наверху осталась дыра, через которую лился лунный свет.

"Уж не приснилось ли?" - подумал Глеб.

Да нет: в море, к торосам, уходил след...

Так впервые встретился путешественник с белым медведем. Случилось это в канун нового 1931 года.

Очень плохо с ногами. Сильные морозы пробивали поношенную обувь. В кончики пальцев будто втыкали гвозди. Постоянная боль притупляла внимание, отвлекала. На плечи сваливалась дополнительная усталость. И тишина, темная стеклянная тишина: крикни - и разобьешь.

Иногда на ходу он словно терял сознание. В памяти возникали отрывочные картины детства.

- ...Что же ты, брат, на четвереньках? - говорил ему, четырехлетнему, отец, прибывший с действительной инвалидом.

Глеб, краснощекий крепыш, сидя на отцовских коленях с большой городской баранкой во рту, не отвечал ни слова. Это так хорошо - сидеть на коленях, и главное - высоко. Глебу всегда приходится задирать голову: ходить он еще не умеет, в избе и на улице передвигается только ползком.

- Что за болезнь прицепилась? - сетовала мать, собирая на стол. - Говорить рано начал, вроде бы здоров, а на ноги никак не поднимется.

Глеб внимательно прислушивался к разговору родителей и искоса поглядывал на отца. Он очень боялся, что этот бородатый дядя в серой суконной гимнастерке с - такими вкусными кренделями вдруг скажет: "А ну слазь!"

Но отец молчал, у него свои заботы.

- В город пойдем, в Псков. А, ползунок? - обратился вдруг к Глебу. - Только вот как? Оба безногие, - невесело улыбался он.

Назавтра произошло необыкновенное. Мать шла с водой от колодца.

- Mam, а мам, - окликнул ее сидевший на траве Глеб. - У меня есть ножки.

- Есть-то есть, да вот напасть, ходить ими не умеешь.

- У-умею. - Глеб встал и, потоптавшись, словно пробуя силы, сделал несколько шагов.

- Леонтий, скорее сюда! Глеб пошел! - крикнула мать.

А малыш ступит раз-другой и победоносно оглянется. - Ай да Илья Муромец! - смеялся отец, подбрасывая сына. - Сидел, значит, сиднем тридцать лет и три года, а пришла нужда - поднялся...

Резкая боль в ноге, как удар тока, возвратила путника к действительности. И снова холод, лед и одиночество.

Прошло уже полтора месяца полярной ночи. В середине дня начали зарождаться зори. Через неделю показался язычок солнца. Подразнил и скрылся, оставив огненный след.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На "Собачьей реке"

В середине января 1931 года в домик Русско-Устьинской гидрометеорологической станции появился охотник Егор Щелканов. Сказав одно слово "принимайте", он пропустил в дверь незнакомого мужчину. Лицо его, заросшее окладистой темно-каштановой бородой, было в

кровавых ссадинах, левая рука полусогнута и висела на ремне, повязанном через шею. Пока бородатый тяжело усаживался на скамью, Щелканов, шуплый, верткий, успел обернуться и уже тащил в комнату... велосипед.

- Тамотка, возле Яра, нашел его-от, - охотник кивнул на бородатого и стал подробно рассказывать о встрече.

Он направлялся в отдаленные уголья проверять пасти. Перед тем отмела пурга. Снег хорошо держал нарту. Собаки бежали легко и послушно. Близился Яр - высокий обрыв в устье Индигирки, на ее правой стороне.

Внезапно передовик изменил направление. Щелканов увидел впереди, под берегом, черный колыхавшийся предмет. Появление его было неожиданным - охотник знал здесь каждый холмик, каждый кустик...

В снегу, под крутой стеной обрыва, торчала малица.

Человек! Лицом вниз на глыбе рыхлого, разбитого снега.

Щелканов схватил незнакомца за плечи. Тот застонал.

"Жив!"

В нескольких шагах от раненого из-под снега торчала красная машина...

Охотнику пришлось возвратиться и везти вместо песцов побитого путешественника.

Что же произошло?

Травин, добравшись до устья Индигирки, пересек его и вышел на высокий восточный берег. Наст был плотный, и Глеб уселся на велосипед. Но проехал всего ничего. "- Велосипед под ним вдруг повело и накренило. Снег начал оседать. Оглянувшись, увидел позади себя на снегу широкую трещину. Спешился. Но лавина поплыла вниз... Глеб, вцепившись в снег, в страхе закрыл глаза. И оказался как на качелях, Грохот... Удар! Он подсознательно начал крутить локтями, плечами. Сугроб по горло, а перед глазами крутая, метров в семь, стена.

Слетел с обрыва!.. Ветер намел на обресе берега широкий овальный козырек, очертания которого сливались с застывшим морем. Этот карниз и оторвался от скалы. В момент падения на лед лавина оказалась своеобразным амортизатором: снег разбился, а человек сверху, и ничего - цел.

Да, цел! Теперь Глеб мог подтвердить это. Он сидел в теплой избе и пытался поднять левую руку. Вывихнута или ушиблена?.. Возле него хлопотали работники станции - паренек лет восемнадцати-девятнадцати и другой, постарше.

Через пару часов Глеб уже самостоятельно выбрался на улицу деревушки с многообещающим названием Русское Устье.

Русское! Но перед глазами опять чернеют утопшие в сугробах плоскокрытые срубы. На пригорке деревянная церковь.

Глеб направился по улочке.

Стукнула дверь с нарисованным у самой, притолоки крестом. Навстречу вышла девушка. Глеб уставился на ее костюм: обыкновенная российская кацавейка и длинная широкая юбка. Он настолько привык к одежаниям из меха и ровдуги, что даже растерялся.

- Заходи, странник, гостем будешь, - пригласила хозяйка певучим голосом.

Глеб шагнул по пробитой в снегу лесенке в сени, а затем через порог в избу.

В небольшой единственной комнате горел жирник. По бревенчатым стенам полки с посудой. В переднем углу темная и потрескавшаяся икона очень старого и примитивного письма. Еще стояла кровать, покрытая ситцевым лоскутным одеялом, стол и лавка.

На кровати лежал старик.

Батя, вон он странник-то с колесницей, - представила девушка Глеба.

Нам лонись один якут из Казачьего баил, что темир таба - железный олень - сюда идет, - произнес старик и сел, свесив ноги в теплых оленьих чулках.

Гостя пригласили к столу.

Вскоре в доме нельзя было протолкнуться. Набралось человек двадцать. Все в матерчатой одежде из ситца, сатина и даже из плиса. Ничего типично северного, кроме торбасов. Да и речь настоящая русская, только со старославянским выговором.

- Спрашиваешь, почто так баим, почто такую лопатинку носим? Так мы же Русское Устье, - объяснял дед. - И никому толком неведомо, когда мы пришли сюда. Старики говорили, быдто по Студеному морю на кочах приплыли. И песни знаем про Москву, да про Володимир. Не веришь? Калисса, а ну спой про Володимир. Девушка скинула на плечи пестрый кашемировый платок и, опустив глаза, затянула:

Ой да, солнышко-свет, ясный Володимир-град,
Терема твои из чиста серебра,
На них крыши златокованные.
Ох, да куды девал ты мово молодца,
Мово сокола перелетного?
Уж такая доля разнесчастная,
Сиротинкой я осталась одинокою,
Жалобилася да плакала,
Горючими слезами умываючись.
Ох, как худо мне одинокою,
Без желанного, без мил-дружка.

Ой да, солнышко-свет, ясный Володимир-град,

Уж отдай ты мне мово Иванушку.

Глеб вслушивался в печальный речитатив и представлял себе не бескрайнюю тундру, что раскинулась за стеной из струганого плавника, а псковские, не то вологодские окруженные дремучими лесами места. И мужики в подпоясанных ремешками широкими портах, и женщины в ярких сарафанах - все коренное, русское.

Так Глеб познакомился с хранителем преданий о старине Русского Устья дедом Георгием и его внучкой Калиссой.

В этом русском сельце, закинутом за Полярный круг, сохранилось почти все, как в родном краю. Жители его даже обличьем мало чем разнились от своих далеких земляков. Удивительно! Ведь казакам, которые оседали в северных краях, приходилось, как правило, брать в жены местных женщин. Так, например, появились на Камчатке камчадалы, живущие в прибрежных и центральных частях полуострова. Многие думают, что это особая народность, в действительности же они потомки от смешанных браков русских служивых людей с ительменами. Язык у камчадалов русский со своеобразным цокающим выговором, а внешне они напоминают коренных обитателей - коряков, ительменов. Так и в других районах Севера.

В Русском же Устье жили настоящие русские. Надо полагать, переселенцы, двигавшиеся сюда в старину, перебирались на новые земли капитально, захватив с собой и семьи. А женщины, что ни говори, лучше умеют хранить бытовой уклад, чем мужчины.

В нижнем течении Индигирки таких русских деревушек порядочно. Переселение по тому времени было значительным. Маловероятно, чтобы оно производилось на традиционных телегах, на судах же сюда можно попасть из России лишь Северным морским путем.

Советские гидрографы в 1940 году обнаружили на острове Фаддея и несколько позже на берегу залива Симса, то есть в местах, расположенных юго-восточнее мыса Челюскина, остатки русских старинных судов, потерпевших крушение. Там нашли много вещей, оловянную посуду, пищали, стрелы, компас, шерстяные и шелковые ткани. На берегу залива Симса сохранилась избушка, в которой жили владельцы этого добра. Судя по скелету, среди мореходов находилась и женщина... Короче, задолго до "Веги" путь вокруг

Таймыра использовался русскими! Этот северный проход, признанный Норденшельдом в канун XX века "непрактичным", считался вполне практичным еще на Руси до петровско-ломоносовских времен. Возможно, загадочная находка на острове Фаддея как раз и свидетельствует о переселении русских жителей с беломорских берегов на Лену и Индигирку...

В Русском Устье пятнадцать "дымов", окнами все на юг. Вокруг срубов сделаны в сугробе ходы-траншеи. Имелась здесь и школа, в которой занимались двенадцать мальчиков и девочек. Глеб даже преподавал им несколько уроков географии - учитель был в отъезде. И не исключено, что кто-то из этих малышей, наслушавшись тогда о стране вулканов - Камчатке, о тайнах озера Байкал, о полуспящих пустынях и тундрах, сейчас сам учит ребятишек увлекательной науке географии.

Письмо с пером

В ту пору на Индигирке не было ни одного медицинского пункта, а ближайшая больница находилась в Средне-Колымске, то есть в десяти - пятнадцати сутках езды на оленях. Глебу приходилось пользоваться мастерством местных костоправов. Но с рукой ничего опасного и не произошло. Заживала она довольно быстро. Хуже с ногами. Снова пришлось ампутировать обмороженные участки пальцев, пользуясь вместо скальпеля бритвой. Хорошо и то, что в селе нашлась аптечка.

Всегда веселый, общительный, путешественник привлекал к себе окружающих людей с самыми различными интересами и характерами. Особенно он подружился с метеорологами. Аэрогидрометеорологическая станция, как она полностью называлась, открылась в Русском Устье всего месяц назад в связи с подготовкой ко Второму Полярному году. По международному соглашению его намечалось провести в 1932-1933 годах. Было решено создать в Арктике дополнительно 17 метеостанций. Устройство девяти из них взял на себя Советский Союз.

Начальником станции прислали Максима Матвеева, а наблюдателем - Иннокентия Старикова. Оба только что закончили двухгодичные курсы в Якутске. До Русского Устья они добирались на нартах два месяца и шесть дней.

Как раз по приезде их в село началась коллективизация. Русско-устыинцы одними из первых на побережье объединились в артель "Комсомолец". Председателем выбрали незаурядного следопыта, бывалого и умного Егора Щелканова. Хозяйство немалое. Пасти, принадлежавшие артели, раскинулись по обе стороны побережья от Индигирки на шестьсот километров. На восток они тянулись чуть не до самой Колымы. При выезде на осмотр ловушек охотник собирался на месяц, а то и больше. В нарту клал мороженую сельдь в расчете по две штуки на каждую собаку в день и чуть больше себе. Месяц трудился в пургу, в мороз, в темень, а привозил иногда всего две-три шкурки.

Летом рыбалка и гусевание - отстрел гусей. Их загоняли тысячами в период линьки, загоняя бескрылых, как рыбу, в сети и охотясь... палками. Добывали и Мамонтову кость, но мало. Обработкой ее не занимались, употребляли лишь на грузила: клык тяжел...

Вскоре в село приехал еще заведующий Средне-Колымской метеостанцией Молокиенко. Его прислали на помощь молодым коллегам.

Для Иннокентия Старикова, которому было всего девятнадцать лет, путешественник казался человеком совершенно необыкновенным. Матвеев держался несколько ровнее - и постарше, и отслужил в армии.

Как-то вечером Глеб, Матвеев и Молокиенко сидели и разговаривали. В комнату влетел Иннокентий. Он положил на стол необычное письмо: в центре конверта краснела огромная сургучная печать с белым гусиным пером!

Иннокентий занимал еще должность секретаря Совета, это была его общественная нагрузка. Председатель отбыл на охоту. И вот, получив с нарочным пакет, секретарь прибежал посоветоваться с друзьями.

- Распечатывай, мы свидетели, - сказал Матвеев. - Возможно, для нас.

Стариков прочитал:

"Со стороны Казачьего к Русскому Устью движется вооруженная банда в составе до 40 человек. Предупреждаем о необходимости сохранения ценностей, особенно пушнины, оружия и патронов.

Аллаихский РИК"

- Да. Вопрос не совсем метеорологический, - заметил Матвеев.

Глебу сразу припомнился шаман. Казачье - это на Яне, немного ниже Усть-Янска.

"Русский шаман", видно, из той же компании", - подумал он и сказал:

- Надо актив созвать, и сейчас же. Дело серьезное.

Но кого записать в актив?

Через десяток минут в помещении сельсовета собрались Матвеев, Травин. Стариков, Молокиенко. Пригласили заведующего местной факторией Николая Ивановича Санникова и Егора Щелканова. Снова прочитали письмо и стали решать, что делать в случае нападения. Травину и Матвееву, служившим в армии, поручались военные вопросы. Щелканову и Савинкову - поговорить с жителями и спрятать пушнину.

Поселок притих и готовился встретить белобандитов. Возле церкви устроили пост. Дежурили по очереди.

Заведующий факторией Санников - он любил называть себя потомком известного купца-морехода Санникова - в последнюю минуту струсил. Пришел в штаб, то есть на метеостанцию, и слезно просил не привлекать его к активным действиям. "Нейтралитет" ему казался более надежным делом.

Две недели Русское Устье находилось на военном положении, пока не пришло новое письмо, и опять с пером. Райисполком сообщал, что тревогу можно отменить, так как банда разбита милицией. Как узнали позже, отряд состоял из офицеров-колчаковцев, бежавших на север Якутии и скрывавшихся до тридцатого года.

Но почему к письму прикладывалось птичье перо?

Глеб спросил об этом деда Георгия. Тот рассказал. Сообщение между Якутском и индигирскими селами только зимой на нартовом транспорте, и нечасто. Но если к конверту сургучом припечатано перо, то письмо везут спешно, при какой угодно погоде, в любое время года. Когда необходимо, наряжают даже пешехода-курьера. Письмо идет как эстафета. Перо значит "срочно, важно!"...

Глеб быстро поправлялся. Он опять взялся за подготовку к дальнейшему переходу.

Починил велосипед, обновил одежду. Вместо палатки на этот раз сшил чум - меховой дорожный мешок, испытанное снаряжение для далекого пути.

От сытой, спокойной жизни Глеб даже пополнел. Правда, с завозными продуктами трудновато. Что-тостряслось с транспортом. Поэтому питались продуктами местной заготовки, "подножным кормом": мясом диких оленей, рыбой, гусятиной.

Болезненно переносилось только отсутствие табака. Заядлые курильщики, прежде чем окончательно отказаться от курения, испробовали мох в смеси с табаком, потом искурили деревянные мундштуки, трубки, кисеты. И наконец... брючные карманы и предметы, к которым когда-либо прикасался табак. Именно все в такой последовательности и испробовал начальник станции Матвеев - отчаянный трубокур.

Трудно было отвыкать и от соли. Заменяли ее пресно-соленой водой, которую возили из устья реки. Чистую морскую воду нельзя употреблять для ухи - неприятная горечь. Рыба была всякая: нельма, чир, муксун, ряпушка, налим и щука. Ели ее в вареном, жареном виде и молотую, перемешанную с жиром.

- Э-э, рыбы у нас довольно. А хлеб мы никогда не стряпали. Да и печка-то хлебная всего одна была - в Аллаихе, у попа.

Дед Георгий, сказав это, налил в кружку кипятку и стал запивать пироги, состряпанные внучкой из рыбьего теста с икрой, сдобренные мучнистой травой макаршей.

Калисса налила чаю и Глебу. Принесла из кладовой кусок мороженого жиру, по виду и даже по вкусу очень напоминавшего коровье масло. Такой жир вытапливается из озерного чира.

- Калисса у меня из девьих детей. Дочь у меня была, вот и прижила с одним тут Калиссу-то. Хорошая девка выросла.

Глеб и сам любовался расторопной чистоплотной девушкой, слушая в пол-уха деда Георгия, рассказывавшего о жалованной индигирцам грамоте:

- ...Сначала-то она хранилась в Зашиверске, а потом в Верхоянске... А ты никуда не ездил. Тутока лучше,- повернул вдруг дед. - Женим тебя. На Калиссе бы, да не пойдет,- отшутился Глеб.- Учиться в Якутск собирается.

А если пойду, возьмешь? - спросила девушка.

Спросила как-то по-особенному.

После этого разговора Глеб стал заходить к деду Георгию реже.

Стариков и Глеб иногда устраивали "громкие читки" - так называли эти вечера: книг метеорологи привезли много. Слушатели, стар и млад, воспринимали книжные рассказы как красочную фантазию, подобно тому, как заезжие - легенды о старине Индигирки, прозванной казаками "собачьей рекой".

Потрескивали коптилки на рыбьем жиру, за стенами гудела непогодь, а тут "садов весеннее кипенье...".

Глеб пробыл в Русском Устье почти два месяца. Рука зажила, и ногам стало много лучше. Пора собираться в путь. Да и нельзя больше ждать; приближалась весна. На крышах с южной стороны уже таяло. Рядом с селом паслись табунами куропатки, чуяли тепло.

Глеб задумал ехать на Чукотку не сушей, а по льдам Восточно-Сибирского моря. Так можно избежать распутицы, которая сильнее ощущается у берегов, да и путь спрямить. И была у него еще мысль - попасть на Медвежьи острова...

Егор Щелканов понимал опасность такого путешествия. Он для страховки, не исключалась вероятность зимовки во льдах, собрал Травину небольшую нарту с упряжкой в десять собак. Глеб надеялся их кормить, как и себя, охотой. Вещи уложили в чум, эта меховая сума могла при случае служить и спальным мешком. На нарту погрузили запас пищи на несколько дней и мороженую рыбу для собак. Метеорологи подарили Глебу термометр.

Расставание было трогательным. На прощание сфотографировались.

Северный Парнас

- Батта! Вперед!

Собаки рванули нарту.

По совету Щелканова Глеб выехал к морю по Колымской протоке, втекающей в залив, куда впадает и река Алазея. Снова впереди искромсанная ледяными горами линия горизонта. Торосы!

"Какой-то из них будет моей гостиницей?" - подумал Глеб, притормозив нарту.

Собаки повизгивали. Останавливаться, по собачьей философии, - значит кормиться.

У самого берега полоса ровного сероватого льда. Лед на мелководье промерзает до дна, и поэтому торосов нет, он неподвижен. Глеб направился по припаю на восток. Основной ориентир - гора Северный Парнас. А на ней поварня. Карту побережья он начертил со слов охотников. Пометил протоки, речки, плавник, избушки, линию пастей.

С юго-запада тянулась цепь гор, местами подходивших вплотную к морю и обрывавшихся в него крутыми скалами. Такие "недоступы" Травину приходилось огибать по льду. Когда встречалась равнина, ехал по берегу, по отличному апрельскому насту.

Вылетали потревоженные стаи куропаток и, садясь в отдалении, исчезали - сливались с цветом снега. Но пару птиц Глеб все-таки ухитрился подстрелить.

Пытались охотиться за куропатками и собаки. Глеб, боясь, что свора сбежит, привязал веревку к нарте, прихватив другой конец за свой пояс. Вечерело. В зените начало зарождаться северное сияние. Растекаясь веером, оно образовало купол разноцветных сочетаний. Велосипедист жал на педали. Рядом бежала упряжка. Вдруг собаки встрепнулись и понесли. Глеба вырвало веревкой из седла. Кувыркаясь по жесткому снегу самым несуразным образом, он тщетно пытался остановить псов. Кричал, грозил...

"Если отвязаться, упряжка сбежит в Устье", - промелькнуло в голове. Повернулся лицом навстречу движению и покатился уже на груди, приподняв голову. Счастье, что наст ровен, как асфальт... Веревка вроде вожжей. Глеб принялся перебираться по ней руками. Наконец ухватился за задок нарты и, подтянувшись, плюхнулся на чум. С силой вогнал в снег остол.

Нарту резко затормозило. Передовик, скосив глаза, увидел, что хозяин на месте. Свора остановилась.

Вскоре на крутом мысу показалась срубленная из плавника избушка-поварня. "Вот отчего их понесло, - подумал Глеб. - Здесь, видно, кормили".

К углу поварни прибит шест на случай заносов. От этого места Щелканов и советовал уходить в море. Мыс носил красивое название - Северный Парнас. Однако ничего поэтического путешественник в своем положении не находил: повреждена нарта, сам побит.

Он окинул взглядом мыс, а потом расстилающуюся к северу пустыню. Хотя "пустыня" - не то, правильнее - горная страна: хребты заснеженного восторошенного льда поднимались к небу. Безмолвные, они напоминали фантастические развалины арктической Атлантиды. Сверху, из бездонных глубин вселенной, спадали на них самоцветные покрывала северного сияния. Колыхались бесчисленные бледно-зеленые, розовые и серебристые занавеси, то тончайшие, как батист, то подобные тяжелому бархату. Все переливалось, горело, перемещалось в пространстве, подчиняясь особому космическому ритму.

Выразителен язык неповторимой северной красоты, доступной еще немногим и почти не воспетой ни поэтами, ни художниками. Силу вселяет она, удивительную гордость и преклонение перед человеческой настойчивостью, умом и прозорливостью. Той прозорливостью, которая дала Фритьофу Нансену основание назвать Арктику страной будущего.

...Вроде бы и боль полегчала и спорилась починка нарты. "Нет, Северный Парнас в конце концов совсем неплохое название, - Глеб уткнулся в карту. - Но кто именовал здешние реки: Блудная, Волчья, Вшивая? Парнас - и рядом, извините. Вшивая..."

Шел апрель, но весны в Восточно-Сибирском море не чувствовалось. Путешественник уже более недели покинул материк и ехал среди торосов. Воздвигнутые полярными ветрами и морозами, облицованные солнечной глазурью ледяные скалы выстроились на северо-восток грядами.

Двигаться же необходимо строго на восток, иначе потеряешь основной ориентир - Медвежьи острова.

В поисках перевалов Глебу приходилось иногда уклоняться на многие километры и опять возвращаться уже по другой стороне "хребта", чтобы не сбиться. Утешало лишь то, что местами встречались и поля ровного льда в несколько километров шириной, удобные для проезда. А когда торосы - привязывай к нарте велосипед, берись за "баран" - Дужку на передке - и помогай собакам лезть среди надолб.

Сейчас он как раз лез! Пятый час мыкался среди ледового столпотворения. Нарта с грузом в центнер, которую упряжка на ровном месте тянула легко, утяжелялась в десятки раз, застревала, перевертывалась... Глеб, сжав зубы, потный, усталый, то схватывался с ней в обнимку, то ворочал за полоз. Наконец, привязался веревкой и потянул заодно с собаками.

Он лавировал между торосами, выбирая ровные заснеженные площадки. Вот еще одна. Прыжок - снег раздался, и Глеб нырнул между четырехметровыми ледяными стенками.

Огляделся: под ногами вода, а до верхнего края не дотянешься. Засел в щели, как клин.

"Если начнется сжатие, сплющит в лепешку!" Посмотрел на веревку.

"Может быть, собаки вытянут. А если, наоборот, сдадут? Окунешься в воду, и через десять минут превратишься в сосульку... Подтащить нарту, чтобы не оставалось слабину?.. Уж тогда-то непременно потянут наверх, " будут уходить от трещины".

Глеб подергал. Нарта не поддавалась. Попробовал сильнее.

Наверху заскулили. Веревка пошла вниз, и опять стоп. Чуть повис, дрожа от напряжения. Двинул правую руку вверх. Переместил ногу, оперся на выступ и подтянулся. Так несколько раз, пока не ухватился за край трещины. Высунул голову.

Нарта, развернувшись, застряла рамой велосипеда между двумя глыбами. Как якорь!

Солнце застыло над горизонтом. Глеб принялся устраивать ночной привал. Выбрал заветренное место и улегся на нарте. Вокруг живыми грелками расположились псы.

Прямо на голову приспособилась Кутуй - ласковая пегая сучка, которой почему-то дали мужское имя. Собака замечательная. Глеб ее качества обнаружил случайно. Вот так же перед ночевкой свора, поев, улеглась на отдых, а Кутуй побежала к видневшемуся неподалеку холмику и стала там рыть лапами и мордой. Глеб заинтересовался, подошел. Под холмиком оказалась лунка, в которой плескалась вода. Лежка нерпы! Морской зверь разработал своеобразную "технику безопасности". Протаивал во льду несколько нор и держал их в полном порядке: это и укрытие, и лаз на поверхность, чтобы погреться и поспать на солнышке.

С тех нор Глеб, когда надо искать нерпу, отстегивал алык, на котором тянула Кутуй, и пускал ее на поиск дичи...

Долгожданные Медвежьи острова показали только через две недели после выезда из Русского Устья. Вначале над белыми торосами путешественник увидел четыре стоящие поодаль друг от друга скалы. Выбрав самую высокую, он и направился к ней.

Четырехстолбовой! Остров мал, его размеры охватывались взглядом. "Столбы" - обветренные гранитные глыбы - расположены в восточной части.

Лагерь Глеб устроил возле "столба", нижняя часть которого будто выедена. Он обошел великана и заметил на возвышенной свободной от снега площадке странные предметы: корабельный топор, четыре фарфоровые чашечки и запечатанную смолой бутылку - традиционный конверт морских следопытов. Внутри белела бумажка с ясной надписью крупными латинскими буквами: "Amundsen".

Около острова в 1924-1925 годах провело десять месяцев экспедиционное судно Руала Амундсена "Мод" под командой известного норвежского ученого и мореплавателя профессора Харальда Свердрупа. Вещи, по-видимому, принадлежали этой экспедиции. Любопытно, в то самое время, то есть весной 1931 года, когда советский спортсмен Травин рассматривал находку на Четырехстолбовом, Х. Свердруп готовил в Соединенных Штатах Америки подводную лодку "Наутилус" к первому в истории подводному арктическому плаванию. Экспедиция, увы, оказалась неудачной. "И разве не может случиться, что следующая подводная лодка, которая сделает попытку нырнуть под полярные льды, будет принадлежать СССР!" - писал несколько позже этот выдающийся полярный исследователь. Он оказался прозорлив. В конце 1958 года в Баренцевом море, почти в тех же водах, где плавал "Наутилус", успешно работал первый в мире советский научно-исследовательский подводный корабль "Северянка"...

Глеб не тронул находки. И, следуя обычаю, оставил возле кекура собственный стеклянный флакон с запиской о проделанном им велопробеге. Назавтра, скатившись на морской лед, Травин собрался продолжить путь и увидел... человека! Мир поистине тесен. Тот представился охотоведом с Колымской фактории, проводил вокруг Четырехстолбового промысловую разведку.

- Эх вас занесло! - удивился он. - На Четырехстолбовой с Камчатки... А сейчас куда?

- На Камчатку.

- ???

- Сколько же вы километров проехали?

- Судя по циклометру, за семьдесят пятую тысячу перевалило.

- Я на днях собираюсь на Колыму, - заметил охотник. - Хотите, поедете, пока она не вскрылась.

- Нет, это громадный крюк, - возразил Глеб. - Я пойду вот сюда, - показал он на карте остров Айон, расположенный возле западной границы Чукотки. Если можно, отвезите на материк письмо.

- Глеб быстренько набросал записку, согнул ее треугольником и надписал, адрес: "Русское Устье. Гидрометеостанция". А ниже: "Медвежьих острова".

Письмо добралось до Русского Устья за два месяца. На Индигирке это была последняя весточка о Травине.

Лицом к Чукотке

Началась весенняя карусель: вчера оттепель, сегодня проснулся - метель и на термометре минус двадцать. Это называется май. На следующий день снова тепло, над головой пронеслась на север стая уток.

Собакам из-за сырости негде прилечь - лед как каша, а к вечеру мороз - и режут лапы о рашпиль оцетинившегося иглами снега.

Исчезли нерпы и тюлени. А для того чтобы прокормиться, требовалось ежедневно пять-шесть килограммов рыбы или мяса. На льду не подстрелишь оленя, не найдешь ни песка, ни куропатки. Порции сокращались и сокращались. Отощавшая свора едва тянула нарту.

Нигде ни трещины, ни полыньи - сплошная, покрытая многолетними ледяными нагромождениями равнина. Так называемый Айонский массив. От него в значительной степени зависит погода в восточном секторе Арктики. В наши дни там за состоянием климата следят расставленные на льду автоматические радиометеорологические станции. Они работают по заранее заданной программе, регулярно передают сигналы о силе и направлении ветра, температуре воздуха и воды. А в 1931 году, в начале мая, на Айонском массиве вся механика, и тонкая, и грубая, была представлена в виде... велосипеда, а метеослужба - обыкновенным термометром, который подарил Глебу в Русском Устье Стариков...

Мучила жажда. Снег сползал, солонел. Да и трудно снегом напиться. Жажда среди льдов! Ничего горячего. Но все равно лишь две остановки в день, два раза еда. Это не только экономия пищи, но и времени. И никакой запущенности - каждый вечер умывание. Смоешь дневной пот - меньше мерзнешь ночью, значит, и спишь крепче.

Нет, цивилизованный человек не растерял сноровки и выносливости своего первобытного предка. Питаясь сырой рыбой, сырым мясом, Травин даже поздоровел. Худощавый, жилистый, он легко передвигался в торосах. Характер стал ровнее, спокойнее. Полярное многотерпение! Без него на Севере опасно. Ведь никогда не услышишь от ненца или коряка жалобы на большой мороз или на усталость в пути. Он делает все, что полагается. А жизнь пастуха оленьего стада - это еще и сегодня подвиг! Север воспитывает.

Но путешественник и в суровости не научился чувствовать прекрасное... Солнце и ветер создавали скульптурные произведения из льда. Глеб в них угадывал и находил знакомое

и строил воображением что угодно. Щедрая красота, которой он сейчас поневоле распоряжался единовластно, была большим душевным подспорьем на трудном пути. Отвращение вызывал туман: крался, как вор, отнимал волнующую бескрайность, сбивал с пути. Путаясь в мокрой паутине, Глеб проходил в день не более десяти - пятнадцати километров.

Новость - появились наледи. "Возможно, берег, - подумалось. - Это же приливная вода выступила". Остановился. Собаки сразу легли и принялись выкусывать из окровавленных лап ледяшки. По времени вечерело. Начал устраивать привал. Дал собакам нерпьего жира - каждой по куску с осьмушку, а себе столько же мяса.

- Как думаешь, Бурый, выберемся? - мягко спросил Травин вожака.

Пес неторопливо встал, потянулся и, твердо ставя мускулистые, покрытые старыми шрамами лапы, направился к хозяину.

За дорогу от Русского Устья человек хорошо изучил характер этого мрачноватого индигирского зверя. Бурый уже в летах. Не одну тысячу километров отмахал он по льдам и тундрам. И не первый год ходит в вожакх. Ему, наверное, немало пришлось испытать на собственной шкуре. Потому он так серьезен и недоверчив, потому так решительно расправляется с каждым сородичем, если заметит, что тот финтит и ленится в упряжке. С коротким хриплым рыком бросается на провинившегося, сшибает его грудью и треплет, выбирая самые чувствительные места. Вместе с вожакх за лентя берутся все остальные - только шерсть летит.

И пусть не вздумает каюр разнимать дерущихся. Травин уже испытал на себе, к чему это приводит. Больше недели не могла зарубцеваться его правая ладонь, прокушенная острыми клыками. Сейчас, если Бурый начинает расправу с нарушителем даже во время движения нарты, Глеб ждет, стараясь не обращать внимания на беспорядок. Через несколько минут, когда вожак сочтет урок достаточным, он сам поможет человеку расставить упряжку по местам. Собаки хорошо разбираются в справедливости.

Что ни пес, то свой нрав, способности. Белоногий Миллер хорошо ищет направление, Сорока молчалива, как олень, Кутуй незлобивая. Особенно выделяется своим коварством белая Веста - так и норовит украсть пищу у зазевавшегося растяпы. Но вожак всегда настоже. Он и спит вполглаза. При нем не забалуешь.

Подул ветерок...

Собаки встрепенулись, заскулили и, как одна, обратились мордами на ветер.

Глеб поднял голову. Туман быстро рассеивался. И - радость! Прямо на юге возвышался мыс, круглый и широкий, похожий на каравай. По его бокам разбегались седые усы облачков.

По склону "каравая" медленно движется песец.

"Мираж!" - подумал Глеб.

Но громынула нарта - и упряжка понеслась к земле: четвероногие обладают меньшей долей скептицизма.

Собаки остановились у самого подножия скалы, на которой устроился зверь.

"Да это же белая медведица, - разглядел Глеб узкую морду и длинную шею зверя. - А рядом два белых коlobка - медвежата".

Собаки рвались, надсаживаясь от лая, но подняться на крутой склон не могли: мешала нарта. И вдруг медведица сама скатилась к ним кубарем. Глеб выхватил из чехла винчестер и в упор выстрелил. Раздался рев, и он увидел перед собой окровавленную пасть. И в то же мгновение между человеком и зверем оказались собаки.

Глеб дернул затвор. Не перезаряжается.

"А черт! Поперечный разрыв гильзы..." Винчестер-то старый, расстрелянный.

Псы рвут. А медведица стоит и отмахивается передними лапами. Задела Весту и Кутюя - легли, заскулили. Но остальные накинулись еще злее. Великанша, вероятно, почувствовала от раны упадок сил и бросилась на скалу к медвежатам. Она схватила одного и перекинула на верхнюю террасу, затем другого.

"Вот так бы и меня могла переправить... на тот свет", - подумал Глеб. Он зло стукнул прикладом винчестера о лед, И надо же, гильза вылетела. Быстро перезарядив ружье, выстрелил.

Медведица замерла и грохнулась камнем вниз, на лед.

Глеб отстегнул Камичмана, старого, вислоухого пса, и послал его к туше. Тот попрыгал возле нее, осмелился и дернул за лапу. Не шевелится. Тогда подошел и Глеб. А Камичман уже к медвежатам. Одного сразу придавил. Глеб тоже забрался на террасу и принялся ловить второго. Со шкурой пришлось повозиться: медведица матерая - от задних ног до морды шесть шагов...

Накормил досыта собак, наелся сам и нагрузил свежим мясом нарту. Медвежонка спрятал от своры в чум, а сам улегся на шкуре.

Назавтра собаки, пьяные от сытости, просыпались, как избалованные дети: долго потягивались, зевали. - Ватта! - слышался приказ.

Упряжка рванула по берегу вдоль "каравая".

Ночей уже не было. Солнце хоть и пряталось за горизонт, но заря не гасла. На светлом беззвездном небе менялись только оттенки - от розового до синего и голубого. Снег к полудню становился рыхлым и влажным. На кромке берега, на солнцепеках, вылезли и чернели камни.

Половодье света! Наст пылал, будто раскаленный добела металл. Глеб страшился ослепнуть и начесывал на глаза прядь волос. Так легче.

Берег голый и ровный. Рек мало. Чуть морозец, велосипед катился, как по шоссе. На лед уже спускаться ни к чему. Собаки поправились, повеселели. Они явно ревновали хозяина к медвежонку. Вначале Глеб вез его с собой как страховой запас свежего мяса, но привык к нему. Звереныш чуть побольше рукавицы. Спал он в чуме, а на день перебирался за пазуху к человеку.

Показались первые гуси. На проталинках суетились куропатки. Подлетали разведчики уток, гагар... И пошли, пошли тучами. Когда Глеб подъехал к острову Айон, запирающему вход в Чаунскую губу, то береговые скалы были пестры от птичьих базаров.

Восточнее вскинулся двугорбый Шелагский мыс.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Встречи

Шелагский мыс на крайнем западе Чукотки. Возле круто спускающегося в море хребта Глеб заметил несколько приземистых жилищ, покрытых шкурами. Навстречу ему вышли люди, одетые почти как ненцы: расшитые торбаса, штаны из кожи, сверху кухлянка - свободная меховая шуба, надеваемая через голову. На поясе амулеты.

Какомей! Таньга, таньга. Белолицый! - оживленно переговаривались они.

Подошел еще один, русский.

Травин Глеб Леонтьевич, путешественник? - раздумчиво протянул он. - Извините, не слышал. Я учитель, Форштейн Александр Семенович. Молодые люди пожали друг другу руки.

- Что ж, пойдете в ярангу к моим хозяевам. Прошу, - учитель откинул меховую полость, заменявшую дверь.

Глеб огляделся. Жилище сделано из моржовых шкур. Над очагом висит чайник. Темно, дымно и прохладно. В глубине еще одна меховая "дверь". За ней оказалось небольшое помещение, закрытое со всех сторон оленьими шкурами. Лоснящаяся моржовая кожа наподобие линолеума покрывала пол. По углам горели жирники. Тепло, чисто и светло.

- Это, так сказать, гостиная, а ночью - спальня, тут я с ребятами занимаюсь, - объяснил учитель. - Если учесть, что строительные материалы северная природа отпускает скудно, то яранга по своей конструкции до вольно практичное жилище.

Занавеска то и дело отбрасывалась, пропуская внутрь чукчей - жителей стойбища. Когда в полог уже нельзя было протиснуться, наиболее предприимчивые гости, оставаясь снаружи, в холодной части яранги, просовывали под меховую висячую "стену" только головы, стремясь не пропустить рассказ необычного гостя.

Беседа затянулась. Хозяин подправлял скрученные из мха фитили жирников, а соседи все не расходились...

- Спать придется по пословице: "В тесноте, да не в обиде", - сказал учитель. - Но ребят тут учить неудобно. Обещали в нынешнюю навигацию привезти сруб для школы.

- Не беспокойтесь, я лягу в холодной яранге, не замерзну, - отговаривался Глеб.

- Смотрите, как удобнее. Могу предложить спальный мешок-кукуль, - сказал учитель и вдруг спросил: - Вы, Глеб Леонтьевич, не очень устали?

Глеб устал. Глаза слипались, но в голосе чернявого застенчивого педагога было что-то такое, не позволявшее ответить утвердительно.

- Да, как сказать... Не очень.

- Правда? Видите ли, мне хочется спросить. Как это вы все один, без спутников?

- Почему же один. Вот познакомился с вами, например. Так и в других местах. Потом, какие спутники?! Вы слышали об Анисиме Панкратове, тоже велосипедисте?.. Из Харбина с ним в кругосветное путешествие отправились два товарища. Эти двое доехали до Читы, а дальше не захотели. Не были подготовлены, убоялись природы. А есть и другие препятствия, похуже. Того же Панкратова в Турции избили полицейские, где-то в другом месте открыли по нему пальбу, даже в так называемой просвещенной Швейцарии, когда он объявил, что перейдет с велосипедом через Сен-Готардский перевал в Альпах, объявили сумасшедшим... Мне тоже приходилось попадать в переделки, когда кто-то бы мог отсоветовать дальше идти, другой струсил, третий попросил особых условий... Нет, в разведку большими отрядами не годится.

- Ну и никогда не страшно вам?

- Если говорить правду, то на юге страшней, - вспомнил Глеб пустыни, змей, ядовитых фаланг. - Я одно понял: страх там, где отсутствуют знания, хороший расчет. Страх - это нечто от истерики. Если бы я за свой северный путь ударялся в переживания по поводу всякой пурги или трещины, меня бы не хватило дойти сюда.

- Значит, можно привыкнуть к Северу? - спросил Форштейн. - А мне порой кажется, что все это сон. Проснусь - и нет ни воя ветра, ни льдов, ни запаха рыбьего жира...

- И вы в Ленинграде в аккуратной постели. А мама над вами склонилась.

- Зачем так? Я поехал добровольно, в числе первых.

Видя, что Травин молчит, учитель продолжал:

- И вообще не тянулся к большим городам, хоть и закончил Ленинградский университет. Учителем в поселке Им. А потом сюда. Добивался, чтобы послали. Чукотский язык выучил... Сейчас не могу. Тоскливо как-то.

- Послушайте, дружище, - сказал Травин, чувствуя жалость к растерявшемуся парню. - Вы же не один. Вокруг люди. И какие! Правдивые, благожелательные, всегда готовые

поделиться последним. Нам тоже следует кое-чему у них поучиться. - Все понимаю, но тоска, одиночество. Посоветуйте...

- И что парень разнылся? - обозлился Травин и тут же осекся. Подумал: и самому не раз приходилось не сладко. И что же помогало?

- Советы давать не берусь, - сказал он, будто продолжая думать вслух. - Но главное, мне кажется, - ясное понимание цели. Остальное приложится. А одиночество - ерунда. Сколько вам лет?

- Двадцать шесть.

- Поезжайте в отпуск и везите сюда невесту. - Травин рассмеялся, вспомнив, как его сватали в Талды-Кургане.

В стойбище на мысе Шелагском, которое называлось Унытеньмын, Глеб узнал, что южнее по берегу Чаунской губы, у мыса Певек, открылась фактория. Он подумал, что сможет там пополнить запас патронов.

Стремясь сократить путь, велосипедист забрался в низину. Снег как манная каша. Брел по поясу. Себя не жалко - поделом, ему говорили, что надо брать выше; больно за собак, которые тонули в снежной хляби.

К вечеру показались холмы. Обойдя крайний к бухте, Глеб увидел деревянный дом.

- Есть живые?

- Есть, есть!

Открылась дверь, и на пороге выросла фигура полного мужчины, оказавшегося заведующим факторией.

- Я когда-то жил в Петропавловске-Камчатском, - обрадовался он, узнав, что Глеб с Камчатки. - Случайно не слыхали, там не вспоминают Семенова, скрипача?

После ужина и разговоров о некоторых общих знакомых заведующий приступил к служебным обязанностям.

- Послушайте, сдайте-ка мне медвежью шкуру, - говорил он, вороша чудесную белую шерсть с перламутровым блеском. - За нее экипируетесь. А то одеты вы, прямо скажу, неважно, - Семенов критически посмотрел на травинские штаны из оленьей замши и вытертую малицу.

Велосипедист, нервы которого закалили не только ежедневные обтирания снегом, но и подобные скептические разглядывания, отказался от костюма. Внимательно оглядев полки, где лежали "штуки" мануфактуры, сахар, чай, кули с мукой, табак, оружие и другие товары, он попросил тысячу патронов к винчестеру и допотопную подзорную трубу, копию той, которой владел известный Паганель. Колена ее выдвигались более чем на метр, диаметр объектива составлял три дюйма. Как она попала на факторию, заведующий не помнил. "Скорее всего, принесли чукчи", - заметил он. Вероятно, это была находка, возможно, след какой-нибудь полярной трагедии. И еще одну вещь узрел Глеб на фактории - крупномасштабную карту Чукотского полуострова. На ней были проставлены не только селения, но даже отдельные яранги.

- Возьмите, если нужна, - понял Семенов желание путешественника.

Глеб поблагодарил и тут же снял карту со стены.

- А на острове Врангеля живут? - спросил он, всматриваясь в кружок на юго-восточной стороне острова.

- Да, там зимовка. Сейчас начальствует Минеев. Он в двадцать девятом сменил первого начальника Ушакова, - заведующий тоже посмотрел на кружок. - Чукчи рассказывали, что туда уже два года ни одно судно не может пробиться. Тяжелые льды.

Глеб зачарованно глядел на клочок земли, названный именем его псковского земляка адмирала Врангеля. Прикинул расстояние от южной оконечности до материка. Что-то около полтораста километров.

- Загляделись?

- Да вот думаю, если попробовать добраться.

- Вы всерьез?

Путешественник пожал плечами.

Стали ужинать. Глеб усадил на колени медвежонок, который ходил все время за ним, как собака. Оказавшись на руках, медвежонок расшалился и опрокинул чашку с кашей. В наказание его выкинули в кладовую.

Ночью Глеб слышал, как скулил звереныш, но не вышел, выдерживая характер: тот стал совсем избалованным.

...Утром заглянули в кладовую и увидели, что малыш спит, свернувшись в клубочек, на материнской шкуре.

- Миша, Миша, - позвал Глеб.

Медвежонок не поднимался.

- Эх ты, бузотер, - простил ему шалости Глеб и нагнулся погладить. А тот тверд, как камень, - мертв!

И как-то очень тяжело было отрывать медвежонок от шкуры матери. Перед глазами мелькнуло, как она перекидывала детенышей с террасы на террасу, спасая их и забыв о своей ране.

"Наверное, мать почуял. Сдох с горя", - подумал Глеб и, рассердившись на себя, начал торопливо собираться.

- Значит, на остров Врангеля? - спросил Семенов, чтобы спросить что-то.

Да, попытаюсь, - в таком же духе ответил велосипедист.

Давайте тогда с мыса Биллингса, оттуда, говорят, иногда остров виден.

Батта! Вперед!

Глеб привык к этому якутскому выражению, подстегивая им не только собак, но и себя.

К острову Врангеля

По берегу Чукотки от становища к становищу идет нартовая колея. На эту тропу и выбрался Глеб.

Берег скован льдом. Обрывы, кекуры... Иногда тропинка сбегала на припай, спрямляя путь от мыса до мыса. Пустынно.

Неподалеку от мыса Биллингса Глеб увидел под берегом нагромождение каких-то предметов. Спустившись, обнаружил целый склад, выкинутый, очевидно, морем. Вперемешку с камнями, льдинами валялись обледенелые бочки с бензином, тюки сукна, вязаное белье, табак в свинцовой упаковке, сгущенное молоко в узких банках, масло. Попался даже шерстяной свитер. Глеб его высушил и натянул на себя. Взял и запас продуктов.

Пора направляться к острову Врангеля.

Уложив велосипед на нарту, Глеб шел рядом с упряжкой и высматривал среди многолетних льдин - самый удобный проход на север, в море. Иногда подносил к глазам подозрительную трубу, надеясь увидеть остров.

В одну из таких "оптических разведок" путешественник заметил движущуюся навстречу собачью упряжку. Вскоре смог различить и пассажиров.

- Каменев, - сообщил мужчина, высокий, с хмурым лицом. - Моя жена, - показал он на закутанную в меха молодую блондинку.

- Евдокия Арефьевна, - улыбнулась женщина.

Представился и Травин.

- Давайте чаевать, товарищи, - предложила Евдокия Арефьевна. Откинув капюшон, она спрыгнула с нарты и принялась развязывать баул. - Набери снегу, - сунула мужу чайник. - Мы на Чукотке с прошлого года, Иван Семенович заведует факторией на мысе Северном, - продолжала она, разжигая примус. - А вы издалека? Судя по собакам, да, - ответил за Глеба Каменев. - Это ведь не чукотские?

- Нет. Я сейчас с Индигирки. Так что им досталось.

Вам тоже, - рассмеялась Каменева, глядя на обветренное и почерневшее лицо Травина, на гриву волос. - Пожалуйте к столу, - и она гостеприимным жестом указала на кружки с дымящимся чаем и галеты.

Глеб раскрыл банку со сгущенным молоком и вынул масло.

- Одеты вы слишком легко. Как можно без головного убора?

- А как ненцы, да и чукчи без шапок зимой ездят?..

- Вы куда сейчас направляетесь? - спросил Глеб у Каменева.

- В Певек. К Семенову. Фактория у нас сгорела. Едем займы просить.

- Слушайте-ка. Зачем так далеко? Я укажу вам адрес, - спохватился Глеб и рассказал о "кладе", обнаруженном возле мыса Биллингса.

- Мы знаем, - сказал Каменев. - Это с американской шхуны "Елизиф". Шхуна потерпела крушение: раздавило льдами.

- Мне оттуда аптечку привезли, - вмешалась Каменева. - К нам, на мыс Северный, заходил корабль, так доктор с него по-русски надписал к каждому лекарству от какой болезни. Теперь сама лечу.

- Даже сумасшедших, - заметил муж.

Глеб недоуменно посмотрел на обоях.

- Это он о нашем соседе чукче Акко, - сказала женщина. - Жену зарубил топором. Утром заходит к нам. "Дай, - говорит, - порошков от головы. Болит. А сам плюется и плюется".

Потом его сын Яторгин заявился. И обращается как-то торжественно:

- Мне новый чайник, веревку, трубку, пачку табаку и плитку чая.

- Зачем так много? - спросила я (муж-то был в отъезде).

- У нас сегодня отец умирать будет.

- Я побежала в ярангу к Акко. Женщины сидят и шьют новую кухлянку, штаны, торбаса. В полог меня не пустили. Там лежал связанный Акко.

Вечером сыновья задушили его. Направили к "верхним людям". Переодели отца во все новое и увезли в сопки. Собачек выпрягли, а труп оставили на нарте. Положили перед ним чайник, сахар, табак, трубку и кружку... Вот так у нас.

Почаевали и поговорили о разном. Стали прощаться.

Удобного прохода через стамухи Травин так и не нашел. Решил больше не медлить - идти на север.

Пролив Лонга, отделяющий остров Врангеля от материка, по свидетельству полярных мореплавателей, - одно из самых трудных мест Ледовитого океана. Здесь капризнейший ледовый режим и чуть ли не самые высокие торосы. Но оставшиеся позади десятки тысяч километров, преодоленные препятствия давали основание для оптимизма. Наконец, попытка не пытка, хотя, по правде говоря, попытки у Глеба не раз походили именно на пытки...

Видимости никакой, туманы сменяются снегопадами, а хаос мелких торосов - ледяными хребтами. Обходить их не всегда удается, тогда приходится прибегать к альпинизму. Велосипед из средства передвижения превращается в груз...

Но где же Врангель? Миновала целая неделя, а остров так и не показался. На десятый день Глеб увидел полоску воды. Направился вдоль кромки. Странное дело; он стремится на

север - получается же, что с каждым километром спускается к югу. Загадка разрешилась, когда кромка повернулась еще и на запад: он попал на архипелаг смерзшихся льдин и кружит. Вскоре это подтвердили его же старые следы - кольцо сомкнулось. Оставалось ждать, куда прибьет ветер.

Ждать, когда в лицо хлещет жесткая крупа с дождем, неумолчно звучит в ушах гул торосения, когда вместо солнечного неба нависла тяжелая, сырая муть...

Ждать, когда может разразиться бешеный шторм, расколется подтаявшая льдина и унести тебя черт знает куда, будешь болтаться мерзлым поплавком... Сколько этих "против" при одном "за".

К ночи ветер переменился. На этот раз норд-ост. Кругом скрипело, трещало. Тяжелый лед, казалось, гнулся, как стекло, лопался, становился дыбом. Рваные куски его вылетали вместе с фонтанами воды.

Собачий холод с промозглой сыростью. На лице, на бровях нарастала корка.

Выпить бы горячей воды. Но как согреть? Чукчи, те умеют разжигать костер из чего угодно, даже из костей... Может быть, пожертвовать сливочным маслом? Глеб достал из нартового чума ленту сухой парусины, которую хранил в качестве бинта, пропитал ее маслом и поджег, упрятав факел от сырости на дно котелка. Огонек крошечный, можно накрыть ладонью, но душу веселит и достаточен, чтобы согреть немного воды.

Глеб, зажав кружку, бережными глотками выпил талую воду. От удовольствия даже замурыкал песню восковцев. Собаки, тонко улавливавшие настроение хозяина, завили хвостами. А море гудело. Ветер и снег казались нескончаемыми...

И все же оно проглянуло. Да здравствует солнце! Опять заискрились, заиграли радугами торосы, зажурчали весенние ручьи, образуя озерки.

Нет, не в Африке, а именно здесь должен был в древности возникнуть культ солнца!

И ещё радость: восточная часть льдины упиралась в высокий берег.

Вскоре Травин стоял перед сушей. Это не мыс Блоссом - южная оконечность Врангеля, а материк. Но теперь уж лишь бы земля. Но надо случиться такому: между льдиной и береговым припаем разводье. Ширина не больше десяти метров, однако и их достаточно, чтобы никогда не достигнуть суши.

Что делать? Глеб походил в поисках переправы. Ничего не нашел и ничего не придумал. К середине дня с берега подуло. Больше ждать нельзя. Ветер усилится, и тогда льдину, наверное, оттянет.

Стал решительно раздеваться. Укрепил на голове паспорт-регистратор и часы. Велосипед и одежду, плотно завернутую в чум, привязал к нарте.

Собаки тревожно скулили, глядя на хозяина. А когда он начал их по одной сталкивать в воду, подняли дикий визг... Вот и сам нырнул.

Свора, сразу замолчав, буксируя нарту, поплыла за человеком.

Один взмах, другой, третий... Рука коснулась припая. Лед толстый. До верхнего обреза еще дотянешься, но как зацепиться? Вода, кажется, замораживает сердце... Надо не только выбраться, но и вытащить парту. Нарту? А если ее и превратить в опору? Успеть выскочить на лед, пока она будет погружаться...

Травин, упершись ногой в полоз, резко подбросил тело и упал грудью на кромку. И сразу же, забыв про себя, начал вылавливать собак.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Беннет Воол

Прощальный взгляд на север, где остался остров Врангеля. И снова на восток! На велосипеде ли, бегом

ли за нартой - на восток! Берег - в низинах снег, а на косогорах земля с голубыми пятнами незабудок. Все чаще встречаются люди - береговые чукчи. Береговыми они зовутся в отличие от тундровых - оленных. "Раа пынг'ль?" - "Что нового?!" - их первая фраза и одновременно гостеприимное приглашение в ярангу отдохнуть.

Но однажды у крутого мыса Глеб увидел европейца, одетого в кожаную куртку. Бросилось в глаза, что у него нет кистей обеих рук. Человек был явно озадачен приездом велосипедиста, Глеб же смотрел на его култышки. Как жить на Севере такому?

Безрукий на ломаном русском языке предложил зайти в помещение. Это уже не чукотская яранга без окон, с дырой вместо дымохода и шкурой взамен двери. Тут имелась дверь и железная печка и даже дощатая перегородка, делившая помещение на две комнаты.

- Моя фамилия Воол, Беннет Воол, - сказал хозяин. - Я здесь живу с семьей.

Воол был сдержан и насторожен. На вопросы отвечал не очень охотно, отрывисто.

- Да, да, я иностранец, норвежец. Американский норвежец. Давно ли здесь? Давно, с 1902 года. Слышали о таком Северо-Восточном обществе? Вот оно и направило сорок проспекторов-золотоискателей с Юкона на Чукотку. Нашли, правда, только серебро и графит. Кое-кто и осел тут. Одни охотились, другие торговали. Я тоже остался, поселился у мыса Сердце-Камень. Вот здесь. Женился на чукчанке... Как живем? Ничего живем. Хотите, граммофон заведу? Как его... Шаляпин.

Дети Воола - девушка-подросток и двое парнишек - крутились возле велосипеда. Глеб познакомился с ними. Девочку звали Софья, а братьев - Буллит и Бен.

Ребятишки крепкие, рослые, в особенности младший - Бен.

Подошел и Воол. Уселся на отшлифованный китовый позвонок, заменявший стул, и принялся разглядывать машину.

- Таковую же видел в Клондайке, - заметил он. - Лет тридцать пять назад.

- Да? - односложно заметил Глеб.

- Да. Какой-то чудак привез из Штатов. Тогда и Джек Лондон там был.

Глеб поднялся и с изумлением воззрился на старого норвежца, который выговаривал слова, чуть разжимая губы под рыжими длинными усами.

- Вы видели Джека Лондона?

- Я знаком с ним, - возразил старик. - Вскоре Джек вернулся в Штаты, а я уехал на Чукотку. Тридцать лет на Чукотке. Видите, обжился. Ярангу эту сам строил. Посмотрите.

Старик провел гостя во вторую комнату. В ней было много уютнее. В потолке окна. Два спальных полога с очень чистыми, хорошо выделанными шкурами. На полу пятнистые нерпичьи коврики. Столик, полки с посудой.

Из местного тут только жирники по углам, поддерживавшие ровную температуру.

Глеб снял куртку и остался в свитере. Этот свитер заинтересовал хозяина.

- Американский? - спросил он.

Глеб рассказал, что нашел его на берегу.

- А, это с "Елизиф", - подтвердил Воол, и лицо его опять помрачнело. Помолчав, он заметил: - Свенсон, бросив "Елизиф", конечно, не разорился, нет.

- Как вы сказали, Свенсон? - спросил Глеб и вспомнил рассказ капитана на шхуне "Чукотка" о ловком американском дельце.

- Свенсон, - подтвердил старик и снова: - Его скоро не разоришь. Утонула "Елизиф", пришли "Кориза", "Оливия", "Мазатлэнд", "Нанук"...

"Нанук" в прошлую навигацию, нет в позапрошлую, зимовала у мыса Северного - затерло льдами, - продолжал Воол. - Ее трюмы были набиты мехами. Свенсон не хотел ждать конца зимовки: как же, в Штатах проходили меховые аукционы. Цены стояли хорошие. И

он нанял вывозить пушнину летчика Бэна Эйелсона. Не слышали?.. В двадцать восьмом году он первым перелетел с Аляски на Шпицберген...

- Нет, не знаю, - снова сказал Глеб.

- Да, Эйелсон, американский норвежец, - сказал Воол. - В это время сюда еще прилетели советские летчики. Э-э, командор Слепнев. Они вывозили пассажиров с парохода "Ставрополь", который тоже был зажат неподалеку от "Нанук".

- Значит, русские спасали людей, а американцы - шкуры, - заметил Глеб.

- Да, так, - старик хмыкнул в усы и резко добавил: - Карл Бэн Эйелсон погиб. Его самолет попал в пургу и разбился неподалеку отсюда, в лагуне Амгуемы. Слепнев нашел его и отвез на Аляску, в Фэрбенкс. Я сам видел, как летела его машина в сторону пролива Беринга. На ней развевался траурный флаг! Это правильная честь: Эйелсон был замечательным летчиком... Рассказывали, что отец Эйелсона встретил командора Слепнева прямо на аэродроме...

Глеб с горечью слушал о новой полярной трагедии. И ради чего погиб отважный исследователь, чтобы миллионер Свенсон положил в карман еще сотню тысяч долларов?! Воол будто подслушал мысли Травина.

- Нет, Олаф не любит убытки, он всегда умел зарабатывать доллары. Любой ценой.

Чувствовалось, у старика наболело.

- Олаф Свенсон тоже скандинав, швед. Мы вместе начинали. Он поехал на разведку золота в Анадырь, а я - на северный берег. В 1905 году меня Северо-Восточное общество оставило зимовать как доверенного, устроило на Сердце-Камень факторию. С тех пор тут безвыездно. А Свенсон, о-о! Богатый судовладелец в Сеатле.

Воол помолчал.

- Заходил в мою ярангу прошлым летом. Вместе с дочерью Мэри. Красивая, - рассказчик посмотрел на окна в потолок и добавил: - Мне очень не везло. Была своя небольшая шхуна - разбилась. А тут еще вот - он поднял култышки.

- Что случилось? - поинтересовался Глеб.

- Гренландского кита к берегу поднесло. Мертвого. Я хотел поближе подтянуть по разводьям. Решил взорвать перемычки во льду. Сходил домой, взял динамит. Еще с Юкона привык с ним обращаться. А тут что-то не рассчитал, и патрон взорвался в руках...

- Спасибо шурина. Он меня на своих собаках за два дня до мыса Дежнева довез. Там фельдшер был. Раны почистили, зашили. Так и стал безруким в шестьдесят-то лет. Сейчас старший сын помогает. Он рядом живет своей ярангой.

Судя по угощению, которое выставила хозяйка, пожилая, но очень миловидная чукчанка, одетая в цветную камлейку, сын кормил старика отменно. На столе были и масло, и какао, и сгущенное молоко.

- Это все с "Елизиф" привезли, - опять разгадал старик мысли гостя.

После ужина Воол закурил душистый табак, который хранился в железной коробке с надписью по-английски "Принц Альберт". В те годы именем этого столь "популярного" принца рекламировали и костюмы, и рубашки, и даже галстуки...

Гостеприимство норвежца хотя и казалось несколько наигранным, но Глеб его рассказы слушал с удовольствием. Старик, нацепив на култышку кожаную рукавичку с крючком, довольно ловко разложил карту. В молодости он бывал всюду - от Калифорнии до Якутии... Плавал на китобойных судах, ездил на собаках, ходил пешком. Воол знал Амундсена, Свердруп и других известных путешественников. Они даже оставили у него в особой книге свои записи - впечатления от встречи.

- О, Амундсен чудак, - ухмыльнулся в усы Воол. - Забрал у нашего чукчи Какотта дочку и увез в Норвегию учиться. Это было, - протянул старик, - да, в 1922 году. Он там спал, в левом положении, на матрасе. А я Софью сам научил и читать, и писать. По-английски.

Глеб хорошо отдохнул у норвежца. Ночь провел на "амундсеновском" матрасе.

- Думаю еще съездить на родину, - сказал Воол, когда прощались. - Подал просьбу о заграничном паспорте.

Слишком много воды. Ее шумные потоки разрубают снежные карнизы на обрывистых утесах-кекурах, пробиваются под сугробами, образуя мосты и арки. Все развезло: ручьи превратились в речки, низины - в болота и озера. Дорогу приходилось выбирать по косогорам или уходить на припай, хотя и он ненадежен - ожившее море отламывает и уносит целые поля. Но теперь словно сам ветер помогал велосипедисту. Всего лишь десятки километров отделяли его от крайней северо-восточной точки страны - мыса Дежнева.

Травина ожидала еще одна любопытная встреча. В устье небольшой речки, где в берег врезалась губа, удлиненная косой, он в свою паганелевскую трубу увидел шхуну. Среди ледовых нагромождений торчали скошенные назад мачты. Судно лежало на боку. Но над ним вился дымок.

Глеб, кружа между стамух, направился к шхуне. Через час с небольшим уже карабкался по обмерзшей палубе к входному люку. Навстречу выскочил человек с намыленной бородой. В руках винчестер.

- Мы подумали, медведь. Заходите, заходите, - крикнул вниз: - Аристов, принимай гостя!

В кубрике горел примус, возле которого стоял мужчина, плотный, среднего роста, и пек на нерпичьем жиру блины.

- Здравствуйте! Какими ветрами?..

Травин старался придерживаться народной мудрости, гласящей: "В многоглаголении несть истины" - и был предельно краток. И все же рассказ занял несколько часов.

- Слушайте, это же рекорд. Мировой! – восторженно оценили моряки путешествие.

Впрочем, они оказались вовсе и не моряками. Аристов - заведующий финансовым отделом Чукотского рика, а его товарищ - Рябов - учитель. Им поручили подготовить к перегону в Уэлен шхуну, отобранную у контрабандистов.

- Они сюда еще ходят. Жалко с даровой пушниной расстаться, - сказал Аристов. - У Свенсона нынешняя навигация тоже будет последней.

- А Алптет, - заметил учитель. - Его яранга у Северного мыса. Это уже свой притеснитель, чукча. У него и в Чауне что-то вроде фактории.

- Оборот в двенадцать тысяч рублей золотом, - подтвердил Аристов. - Тонко маскируется. Надо же додуматься: умер сын, так он крест на могиле поставил с надписью: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" "Марксист", а у самого в долговой кабале полберега!

- Из иностранцев еще Воол, - сказал Рябов.

- Я у него два дня назад был, - обмолвился Глеб. - Он рассказал свою историю - за золотом на Чукотку приехал.

- За золотом?! - Аристов расхохотался. - Я ведь тоже чуть золотоискателем не стал. Укатил было в Австралию.

- Куда?

- Да, да, как слышали, - подтвердил он. – Очистили мы в двадцать третьем году Дальний Восток от интервентов. Свет, думаю, теперь бы неплохо посмотреть. Для начала выбрал Австралию. И знаете, уже визу во Владивостоке добыл, ждал попутного парохода. Да встретился случайно с товарищем по партизанскому отряду.

"Ты что, - говорит, - Советскую власть завоевывал, чтобы потом у австралийских буржуев батрачить? И пошел меня честить: "А может, тебе золото понадобилось?" - "А на черта мне золото, просто мир поглядеть охота". - "Коль охота глядеть, то поехали на Камчатку". С первым пароходом мы в Петропавловск. В ревкоме нам говорят: "Требуется уполномоченный, чтобы жулика насквозь видел и с народом умел поговорить. Как

смотришь, товарищ Аристов?.. Будешь проводить в районах денежную реформу, менять валюту на советские деньги".

На Камчатке тогда ходили и доллары, и английские фунты, и японские иены, и даже царские рубли. Вручили мне двадцать два мешка с серебряными монетами - полтинниками, рублями, гривенниками. Каждый мешок больше пуда. Дали инструкцию, как менять, и отправился с нартовым обозом. Так я вместо Австралии в Африку попал. Есть такой мыс на восточном Камчатском побережье, - усмехнулся рассказчик. - С тех пор и прослыл докой по финансовой части. Сейчас вот, - посерьезнел Аристов, - большое дело начинаем с кооперацией. Организуем первую зверопромысловую базу в бухте Пlover. Шхуну так и назовем "Кооперация". Верно, Рябов? Учитель согласно мотнул головой.

Уэлен

"Уэлен" значит "Черные камни". В 1959 году в одном дальневосточном издании появилась географическая статья, в которой: утверждалось, что селение так назвал шкипер Фридольф Гек - русский мореплаватель, живший в конце XIX века. Назвал в честь своей младшей дочери Елены. Русское имя у чукчей звучало будто бы как "Уэлен". Автор статьи ссылаясь на рассказ ныне здравствующей дочери шкипера Елены Фридольфовны Васюкевич. Объяснение, конечно, неверное. Еще на картах времен экспедиции Биллингса (1791 г.) это место обозначено "Уэлен", то есть по-чукотски "Черные камни". Каменная россыпь в начале пятикилометровой косы, где расположен поселок.

В июле 1931 года на косе было разбросано всего несколько десятков яранг, а в центре возвышались четыре одноэтажных бревенчатых дома. На одном развевался красный флаг. К нему и направился Травин.

За столом широкоплечий парень разговаривал с темноволосой полной девушкой. Она вскинула на вошедшего карие глаза. А парня как пружиной вынесло из-за стола. - Вот это встреча! Не узнаешь? А бат в Милькове кто давал? Подкорытов.

Мужчины схватились за плечи.

- Я тут председателем рика. Закончил во Владивостоке совпартшколу, - сказал Подкорытов.

- Тогда принимай отчет.

И опять на стол лег неизбежный паспорт-регистратор.

- Нас десять человек русских. Живем коммуной. Это одна из наших, учительница Ася Абрамова, - кивнул Подкорытов на кареглазую. - Вместе едим, вместе покупаем одежду, ну и дружно работаем.

- Работа работой, - вмешалась Абрамова. - А завтра в Наукане "праздник кита". Нас приглашали... Пойдемте, - обратилась она к Травину.

Селение Наукан в те годы - самое крупное на Чукотском полуострове. Шестьдесят яранг, вдвое больше, чем в Уэлене! Жили в Наукане не чукчи, а эскимосы. По бытующим здесь преданиям, они переселились на мыс Дежнева с Аляски и отвоевали право жить на этом круто спускающемся в море мысе на восточной точке Азии.

Науканцы славились как отважные зверобой. Они промышляли не только моржей, тюленей, но даже китов. Животных перехватывали в Беринговом проливе, где проходит морской "тракт", по которому киты кочуют из Тихоокеанского бассейна в Арктический. Здесь их и гарпунили.

От Уэлена до Наукана три часа ходьбы. Когда уэленцы добрались, то застали все население - взрослых и детей, стариков и женщин - на берегу. Ждали охотников.

...С моря показалось множество байдар, буксировавших морского великана. На первой - лучший стрелок. На носу этой лодки в качестве благодарственной дани морю прикреплен кусок бледно-розового сала. По бокам животного надутые нерпичьи шкуры, поплавки.

Берег встретил флотилию звоном бубнов, громкими песнями и приветственными криками. Кита разделявали прямо в воде. Потом начался пир. В воздухе плыли запахи вареного. Танцевали, пели, играли в мяч, сшитый из тюленьей кожи. Кто-то притащил оленью шкуру. К ней устремились несколько человек, схватились за края и растянули. Подхватили девушку, кинули ее на середину и стали подбрасывать. Та летала как мяч. И каждый раз вновь оказывалась на ногах. В этом и заключалась игра - не падать на шкуру, а подпрыгивать стоя.

Рядом состязались в борьбе. Силачи выходили и, раздевшись до пояса, с обнаженными головами кружились на снегу.

- Эх, вспомнить молодость что ли! - не выдержал Глеб и вышел на победителя.

...В 1915 году на стенах псковского цирка появилась афиша:

"Едет КЕНТАЛЬ!
Кто продержится полчаса - премия
СТО РУБЛЕЙ!"

Травины пошли в цирк семьей. Кенталь начал с цепи. Рвал ее, как льняной шнурок, и разбрасывал звенья в публику. Два таких сувенира поймал и Глеб.

Потом силач улегся на арене. На грудь ему положили щит. Цирк ахнул, когда на этот щит стал въезжать ломовой извозчик. На телеге лежали три бочки, полные кваса. Глеб сам помогал грузить их со склада... Кенталь выдержал.

Наконец, наступило самое интересное - борьба за приз.

Борец остался в одном трико. Тело красное. Ростом невелик, но что в плечах, что в высоту.

- Так кто же? - член жюри показал для запала сторублевку - приз.

- А что, попробуем! - сказал кто-то позади Глеба.

В проходе показался рыжебородый мужчина. Сошел на арену.

- Пабут! - объявили во всеуслышание фамилию добровольца. Началась борьба. Прошло восемнадцать минут. Ничья. Затем вторая схватка. Пабут все время в партере. Кенталь попытался сделать прием "мельницу". Это оказалось неосторожно: соперник изловчился и махом уложил борца на лопатки.

Публика орала от патриотического восхищения. А Пабут оделся, деловито взял сторублевку и пошел на свое место. Тут же все узнали, что он работал слесарем на металлическом заводе.

После этого зрелища и Глебу захотелось испробовать свою силу. Он вступил в спортивный клуб "Вийс". Создали его местные борцы Иванов и Горичев. Они и тренировали Глеба...

...Травин и рослый эскимос топтались уже минут десять. От голых спин шел пар, волосы намокли от пота и свисали сосульками. Наконец, оба свалились в снег. Знатоки разошлись в мнении о победителе - решили, что ничья.

Праздник продолжался до позднего вечера, вернее, до ночи, пока все не утомились. Переходили с берега в яранги, а потом снова на воздух. - Какой живучестью, каким характером надо было обладать народам, оказавшимся по каким-то историческим причинам на побережье Ледовитого океана, чтобы выжить, - говорила Ася Абрамова. - И не только выжить, но и закалить здоровье, создать свою небольшую, но своеобразную культуру. У нас в исполкоме сейчас собирают экспонаты для первой чукотской выставки. Один чукча принес фрегат, вырезанный из моржового клыка. Паруса, канаты, все мельчайшие детали - только из кости. Удивительная одаренность!

- И при всем том темнота, суеверие, грязь, - заметил Подкорытов

. - Первый год особенно трудно было учительствовать, - продолжала Абрамова. - Я работала в кочевой школе. Что бы ни случилось: заболел кто, олень ли подох - виноваты школа и, конечно, учительница. И по всем домашним делам пришлось самой брать уроки.

- Ее даже сватали, - рассмеялся Подкорытов. - Она, говорили хозяйева, совсем как наша: черная и все умеет. Возможно, и вышла бы замуж, да Аристов подвернулся...

- Хватит тебе! - запротестовала девушка.

На ночь остались в Наукане. По предложению учителя все разместились в школе.

Утром Глеб заметил на полу приткнутую к стене большую медную доску. На ней надпись. Пригляделся к затейливой письменной вязи и прочитал вслух:

"ПАМЯТИ ДЕЖНЕВА

Крест сей воздвигнут во присутствии Приамурского Генерал
Губернатора Генерала Унтербергер командою военного
транспорта "Шилка" под руководством командира капитана
2 ранга Пелль и офицеров судна
1 сентября 1910 года

Мореплаватели приглашаются поддерживать этот памятник"

Подобная же надпись выбита ниже на английском языке.

- Так что же, товарищи мореплаватели, не поддерживаете памятник? - спросил Глеб. - Доска в школе, а памятника вообще не видно.

- Старики завалили, еще давно, - ответил учитель. - Китов, говорят, пугает. А доску я забрал, чтобы совсем не потерялась.

- Пойдемте посмотрим, - предложил Глеб.

Учитель повел уэленцев к прибрежной возвышенности. Тут на склоне, возле выхода коренных гранитов, полулежал на боку массивный деревянный крест длиной метров двенадцать...

Пожилые науканцы еще хорошо помнили, как в конце августа 1910 года к мысу Дежнева подошло большое судно. Охотник эскимос Напасак сразу же направился туда на своей байдаре. Вернувшись, сказал, что таньги просят помочь перевезти на берег деревянные столбы.

Мигом к пароходу отправилось несколько больших байдар. Моряки стали спускать с палубы в воду длинные, хорошо выструганные брусья. Эскимосы буксировали их к мысу.

Брусья были частями креста, который команда транспорта "Шилка" решила поставить казаку Семену Дежневу. Транспорт совершал патрульный поход вдоль всего северо-восточного побережья России до Чукотки. Мысль о памятнике возникла в пути.

- Два с половиной столетия прошло, как Дежнев обогнул Чукотский нос, - говорили моряки. - А его имя на карте - мыс Дежнева - появилось всего лишь двенадцать лет назад...

- Даже могила неизвестна, хоть умер в Москве...

Корабль задержался в Императорской гавани (ныне Советская). Погрузили на борт два десятка стволов листовницы и сразу же взялись за их обработку. Во время стоянки в Петропавловске-Камчатском крест был окончательно достроен. Его оставалось только собрать. Но это оказалось сложным: монумент из сырой древесины получился очень тяжел. Чтобы перенести один лишь столб, потребовалось сорок человек!..

Науканцы, увидев, что русские собираются восстановить крест, сбежались на берег. Среди них и Напасак и старик-силач Коол, с сыном которого вчера боролся Травин. Старый Коол сказал, что он сам тащил сюда, к памятнику, связку железного троса.

- Из русских никто не мог поднять, - похвалился он. - Семь пудов, говорили.

- Тут еще каменные ступени были, - вспомнили другие.

- Таньги "ура" кричали, всем науканцам давали подарки, - сказал Напасак. - Велели крест беречь...

- Его уже однажды поднимали, - включился в беседу русский старожил. - В 1913 году. Заходили корабли "Вайгач" и "Таймыр" - плыли из Владивостока на север.

"Вайгач"? - И Глеб вспомнил начальника Карской экспедиции Евгенова. - Он ведь как раз тогда на "Вайгаче" служил. "Опять наши пути сошлись, Николай Иванович..."

Эскимосы и уэленские гости деятельно работали. Когда все было готово, одни по команде Глеба ухватились за железные оттяжки, другие подперли ствол, и крест под известное "я раз - взяли!" начал выравниваться, пока не встал в гнезде вертикально, темный, местами растрескавшийся, но все еще крепкий.

Оттерли до блеска и прибили у самого основания медную доску с надписью, на макушке перед подъемом укрепили свинцовый шар.

Надо сообщить о памятнике в Петропавловск Новограбленову, - заметил Подкорытов на обратном пути.

- И вы знаете Прокопия Трифоновича? - удивился Глеб.

- Как же. Мы члены окружного краеведческого общества. Чукотка-то входит в Камчатский округ. Недавно по его просьбе отправили в Петропавловский музей гербарий, чучела птиц, костяные изделия, - принялась перечислять Ася.

Глеб поселился у Подкорытова. Председатель Северного туземного районного исполнительного комитета народов чукчей - так торжественно назывался этот советский орган - занимал в исполкоме крохотную комнатку. В ней стояли стол, сколоченный из ящичков, и еще один ящик, заменявший стул. На стене портрет Ленина и прибита красная звезда...

Травин зашел на радиостанцию и попросил передать радиogramму в Петропавловск. Начальник вместо ответа показал на мачту. Там на клотике болтался обрывок антенны.

- Я немного разбираюсь в радиопроводке, - заметил Травин, оценивая взглядом высоту раскачивавшейся на ветру деревянной мачты. - Если не возражаете, попробую починить.

- Учтите, другие уже пробовали, - заметил связист, подавая монтерский широкий пояс.

Трудности начались, когда Глеб поднялся на середину мачты. С северной стороны она оказалась обледенелой, а с южной - мокрой и скользкой. Наконец, коснулся клотика. Радист увековечил это, так сказать, достижение на фото пленку.

В Петропавловск полетела радиogramма: "Путешествие вокруг СССР закончено. Глеб Травин".

Последний рейс "Чукотки"

В середине августа к Уэленской косе подплыло с запада несколько байдар. На берег вышло два десятка русских. Впереди шел высокий светловолосый мужчина в морской фуражке. Воротник кожаного полупальто поднят, руки засунуты глубоко в карманы.

Глеб, который вместе с другими жителями поселка выбежал навстречу, удивленно остановился. В высоком человеке он узнал капитана шхуны "Чукотка", на которой когда-то плыл из Усть-Камчатска в Петропавловск.

Две недели назад на рейде Уэлена останавливался пароход "Лейтенант Шмидт", следовавший с пароходом "Колыма" в Якутию. Глеб побывал на нем и слышал разговор, что и "Чукотка" сейчас идет в Чаунскую губу, а затем направится еще на остров Врангеля. И вот столь неожиданно капитан шхуны здесь.

- Раздавило льдами вблизи Ванкарема – брошенная кем-то фраза все разъяснила: прибыла команда погибшей "Чукотки".

"Петропавловск-Камчатский.

Правлению Акционерного Камчатского Общества (АКО).

Из Уэлена по радио.

...Борьба со стихией оказалась невозможной. Шесть суток сверхчеловеческих усилий спасти судно и груз вконец измотали силы экипажа. Единственное средство спасения судна - вывести его из льдов буксиром на чистую воду. Но "Колыма" при попытке подойти к "Чукотке" сама получила большие повреждения. Дальнейшее продвижение в

крепких льдах для "Колымы" было крайне опасно. Не имея возможности надеяться на буксир, рискуя останков насоса, откачивающего воду, после чего судно неминуемо пошло бы ко дну, решили перейти, спасая пассажиров и личный состав, на "Колыму". Договариваемся с якутским правительством снабдить северное побережье товарами Якутторга, находящимися на "Колыме".

Начальник экспедиции Дьяков, капитан "Чукотки" Фонарев".

Моряков расселили в школе и в помещении райисполкома. В комнате Подкорытова прибавилось еще два жильца - судовой врач с "Чукотки" Николай Макаров и капитан Георгий Иванович Фонарев. В первый же вечер они рассказали подробности о кораблекрушении.

Шхуна вышла в рейс в начале июля из Владивостока. На ней были грузы для факторий полуострова. Конечный пункт - Певек, где работал знакомый Глебу скрипач Семенов. К селению Ванкарем - девять яранг и фактория - доплыли благополучно. Выгрузили что полагалось и пошли через льды дальше на северо-запад. Начались жестокие ветры, следом передвижки льдов, их торошение. Разводья сомкнулись, и шхуна оказалась, как орех в клещах. Сжало так, что дополнительная дубовая обшивка стала расходиться. В корпусе появились трещины. Образовалась течь.

О несчастье сразу же сообщили по радио на "Колыму" и "Лейтенант Шмидт". Суда находились неподалеку, в десяти - двенадцати километрах. Но тщетно они пытались пробиться к "Чукотке". А с нее шли все новые и новые невеселые сообщения: "Лед свернул руль" ... "Потеряли винт" ... "Погнуло гребной вал" ... и, наконец, "Шхуна накренилась" ...

Команда "Чукотки" самоотверженно билась за спасение судна, но оставаться на нем было уже опасно. На корме раздались выстрелы.

- ...Я приказал застрелить коров, - заканчивал рассказ Фонарев, - которых везли с собой на мясо. И через несколько минут стали высаживаться на лед. "Колыма" была на виду, но не могла к нам приблизиться и встала в двух с половиной - трех милях. На нее мы и направились. Было по-настоящему трудно. Лед в трещинах, сверху раскис. Мы пробирались восемь часов. Во время перехода один матрос умер от разрыва сердца. У кромки уже ждала шлюпка, которую послал с "Колымы" капитан Дмитрий Никанорович Сергиевский. Команду подобрали и переправили на борт. Судно повернуло к берегу. Высадили всех у Ванкарема. На мысу мы похоронили нашего товарища, сложили над ним гурий. Достали у чукчей байдары и отправились, спрямляя путь, на остров Колючин, а от него снова к берегу. Тут прихватил ветер, и байдары стало заливать. Команда шапками вычерпывала воду. До земли все же добрались. Хоть и не было сухой нитки на теле, но живые. Двинулись на мыс Сердце-Камень. Нас хорошо встретил безрукий Воол. Он помог достать байдары, на которых мы переправились в Уэлен. Этот переход прошел, к счастью, уже без приключений...

- "Чукотка" погружалась медленно, тонула на глазах, - задумчиво добавил капитан. - Я ее сфотографировал на прощание. Обидно: в прошлом году до Чаунской свободно дошли, а нынче вот... И на Врангель не завезли угля, а его всего десяток тони осталось.

Молодежь поселка решила в честь успешного завершения похода Глеба Травина установить памятный знак. Место выбрали на высокой сопке вблизи Уэлена. Там возвышается большой пирамидальный камень, с которого видно Чукотское море и пролив Беринга. Затащили чугунную станину, закрепили ее. В основание наглухо вмонтировали снарядную гильзу с флагом из оцинкованного железа. На снаряде выбили зубилом:

"СССР
ТУРИСТ-ПУТЕШЕСТВЕННИК НА ВЕЛОСИПЕДЕ
ГЛЕБ ТРАВИН
12. VII. 1931"

- Внутри снаряда положили записку о пробеге и старую велосипедную педаль.

...Глеб думал, что делать, как вернуться в Петропавловск? За командой "Чукотки", конечно, зайдет какое-нибудь судно. Но когда это будет и куда оно пойдет?.. Он решил продолжить путешествие - проехать еще по восточному побережью Чукотского полуострова, то есть обогнуть мыс Дежнева и спуститься к югу.

Сборы были недолгими. Глеб сдал в райисполком собак. Приделал к велосипеду пластинку из моржовой кости. В центре ее был выгравирован глобус, а по краям - нерпы, моржи и семейство белых медведей. Пластинку вырезал тот самый замечательный мастер, который принес в райисполком костяной фрегат. Сделали подарок и чукотские девушки: они вышили цветным бисером нарукавник.

Путешественника провожал весь Уэлен. Травин попрощался с капитаном Фонаревым. Георгий Иванович подарил ему снимок зажатой во льдах "Чукотки", а доктор Макаров - собственное фото. На обороте надпись: "С надеждой, что время, проведенное под крышей гостеприимного уэленского рика, вспомнится".

Дожди, туманы - сентябрь. Тундра топкая. Ручьи, речушки вздулись. Птицы отлетали к югу. Глебу на этот раз с ними по пути...

Через неделю на низменном южном берегу большой бухты показался поселок. Длинная улица новых деревянных домов. На первом даже табличка: "Перспект". Из одного дома с множеством труб высыпала толпа ребятишек, одетых в европейское платье. Только обувь местная - торбаса.

Бухта Лаврентия, а поселок назывался длинно: Чукотская культбаза Комитета Севера при ВЦИКе. Это была первая такая база на полуострове. Она начала работать три года назад и завоевала уважение у чукчей. Здесь имелись школа-интернат, больница, мастерские, баня... Вначале родители отказывались отдавать детей в интернат: не хотелось лишиться маленьких помощников, да и боялись за них. А теперь настоящий ребячий город в Лаврентии. Собирали сюда ребятишек с восточного побережья. И больших, и маленьких начинали учить с азав. Учить не только грамоте, а и новой большой жизни.

Еще трое суток пути. За желтым мысом открылась ровная береговая полоса, усыпанная от края и до края тысячами моржей. Глеб впервые увидел такое скопление этих морских зверей. На пляже словно два ряда каменных россыпей: у воды - моржи, а выше - галечник. Животные возились на берегу, мычали, сопели, грелись, положив на камни клыкастые головы. Плескались; море от их игры кипело.

Неподалеку большое эскимосское селение Чаплино. Эскимосы на Чукотке только и живут в Наукане и Чаплине. В поселке шла разделка моржей. Всюду валялись по берегу вверх желтыми пятнистыми животами громадные туши. На вешалах растянуты шкуры, болтаются связки надутых кишок, похожие на огромные колбасы. Кишки эти высушат, а потом разрежут и будут из них шить непромокаемые дождевики. Кое-где на крышах яранг торчали наподобие кувшинов моржовые желудки - пойдут на барабаны, на поплавки. Возле стен сушилось нарезанное лапшой мясо. Тут же пластины мяса и сала. Их закатывали и закапывали на хранение в землю. Получался своеобразный - моржовый рулет - капальхен. Мясо моржа - это хлеб береговых чукчей и эскимосов.

По случаю удачной охоты на многих ярангах выставлены черепа моржей. Глеба заинтересовал череп моржа с четырьмя клыками вместо обычных двух. Череп лежал на яранге, сколоченной из досок, с парусиновой крышей, перехваченной поверху кожаными ремнями. У входа в ярангу сосал короткую трубку старик эскимос. В отличие от соседей на нем не шкуры, а костюм из синей дабы. На голове натянута шерстяная вязаная шапочка. Это был лучший охотник Чаплина. Добытый им морж с четырьмя клыками считался своеобразным талисманом. Старик - и главный распорядитель охоты: назначал день, когда можно начинать бить моржей и в каком количестве. Чаплинское лежбище являлось подобием заказника.

- Ты тут на берегу не стреляй, - заметил старик Глебу. - Моржи могут испугаться. Уплывут - голод будет.

От эскимоса путешественник узнал, что по соседству, в бухте Провидения, стоит пароход, который собирается на Камчатку. Назавтра Глеб был уже там.

Бухта похожа на ущелье. Высокие обрывистые берега в пятнах снега. Ледяные козырьки, в которых волны выбили пещеры. У входа приткнулся маленький поселок. На рейде виднелся шведский пароход "Арика". Капитан подтвердил, что в ближайшие дни - возьмет только угля - "Арика" отправляется в Петропавловск-Камчатский.

24 октября 1931 года перед взором Травина открылась Авачинская бухта в окружении своих каменных стражей, накрытых папахами ледников. В этот же день путешественник поставил в паспорте-регистраторе последнюю печать - копию первой: "Камчатский окружной исполнительный комитет". Но первую от последней отделяли 85 тысяч километров и три года...

Полярная одиссея велосипедиста Травина закончилась.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Да было ли такое?

Самолет летел над Центральной Камчаткой. Под крылом проплывали горные цепи. Величественные, острые, как иглы, пики сменялись оранжевыми конусами умерших вулканов. В долинах - ядовито-зеленые пятна тундры, на взгорьях - дремучий лес. Ни дорог, ни тропинок...

- В

этом краю только и остается что летать, - заметил я вслух.

-

Думаете?.. У нас, на Партизанской, проживает чудак этаким Травин. Он пытался тут на велосипеде

путешествовать, - усмехнулся мой сосед, старый петропавловский житель.

Краем уха пойманная фраза запомнилась. Захотелось увидеть этого человека, поговорить с ним. Как и многие из пишущих, я очень ценю встречи с так называемыми чудаками, с теми, кого молва нередко характеризует как людей странных, непрактичных лишь потому, что берутся они, казалось бы, за невозможное. В таких, к примеру, чудаках долго ходил Поликарп Михайлович Агеенко, тоже петропавловский житель, пенсионер, "свихнувшийся" на камчатском фруктовом саде. Он все свои сбережения вложил в выпуск бесчисленного множества саженцев, которые испытывал годами.

- "Крайний Север - и фруктовый сад?.. Чудачество", - говорил кое-кто. А вот минувшей осенью Поликарп Михайлович угостил меня с одного деревца настоящим яблоком, а с другого - горстью вишен. Вызрели-таки фрукты на камчатской земле!..

Да кого обыватели всех времен и народов не называли чудаками-фантазерами? И все лишь оттого, что мерили человека на свой аршин...

Я долго кружил, поднимаясь по крутым переулкам на последнюю улицу, венчавшую Петровскую сопку, где жили Травины.

Ленивому, даже просто толстому гипертонику от многолетнего сидения за канцелярским столом тут не ужиться. Надо определенно иметь крепкие ноги, - думал я, вытирая обильно струящийся пот. - Верно, энергичный старик..."

Портрет вырисовывается задолго до встречи. Что-то создаешь сам, другое, уже известное, усиливаешь. Свыкнешься - и трудно разочаровываться... Разочароваться, впрочем, не пришлось.

- Да, я Травин.

Чисто выбритое с крупными чертами загорелое лицо. Среднего роста, но, судя по широкой груди, очень сильный человек выжидательно смотрел на меня. То, что это

именно тот Травин, о котором шла речь в самолете, было уже ясно: в глубине комнаты, на стене я успел заметить большой фотографический портрет - голову с гривой густых волос, перехваченных не то лентой, не то блестящим обручем. Фотография вмонтирована в кусок карты Северного Ледовитого океана. К рамке прибитая костяная пластинка с надписью "Турист - путешественник" и т. д. с изображением моржей, белых медведей...

После приветствия и предварительного объяснения мы сели за стол. Документы, старые пленки фотоаппарата "кодак", почетные грамоты - все это Глеб Леонтьевич приносил из разных мест. Рылся в шкафах, в сундуке. Видимо, о "реликвиях" личной славы в доме вспоминали нечасто.

- На чердаке остатки, точнее, останки велосипеда, - с улыбкой заметил он. - Можете посмотреть.

Больше всего меня заинтересовал паспорт-регистратор - пухлая книжка в черном кожаном переплете. В паспорте гербовыми печатями государственных учреждений, главным образом исполкомов Советов, подтверждалось прибытие велосипедиста в каждый населенный пункт на огромнейшей трассе от Камчатки до... Камчатки по югу, по западу и, наконец, по береговой полосе Северного Ледовитого океана.

"Г. Л. Травин с 10.X.1928 по 24.X.1931 года совершил переход на велосипеде вокруг СССР в 85000 километров, включая Великий Северный путь до мыса, Дежнева, где и установлен знак в ознаменование данного перехода.

Областной комитет по делам физкультуры и спорта".

Так сообщала итоговая запись в паспорте.

...Велосипед и Заполярье! Изящный лаковый параллелограмм дурых трубочек, тонкие никелированные струны спиц - и ни одного километра дорог! Что это за человек Глеб Травин, выбравший столь странный способ передвижения по Крайнему Северу, Да было ли все же такое?

Мне еще раз пришлось задуматься над этим вопросом весной 1957 года, оказавшись на дизель-электроходе "Енисей". Мощный ледокольный корабль спешил в пролив Литке, где застрял в торосистом льду небольшой старенький ледокол "Добрыня Никитич".

Воспользовавшись любезностью капитана дизель-электрохода Анатолия Матвеевича Кашицкого, я отправился из Петропавловска в эту спасательную экспедицию.

Слева по борту мелькнули огни на мысе Африка, справа, где-то вдаль, осталась каменная громада Командорских островов. "Енисей" вошел в Берингово море. Штормовой ветер гнал навстречу тяжелые льды, шугу. Постепенно снежно-ледяная каша густела и, наконец, вовсе сомкнулась. Вблизи острова Карагинского перед кораблем вырос барьер тяжелого восторошенного льда. Но недаром судно минувшей осенью завершило куда более сложное плавание - пересекло за одну навигацию дважды - туда и обратно - Северный морской путь! Экипаж смело пошел на штурм барьера. Прочный стальной корпус дрожал. Для того чтобы пробиться вперед на метр-другой, приходилось отступать и снова, и снова таранить с разбегу ледяную преграду. Свирепствовал норд-ост, над судном все чаще пронеслись плотные снежные заряды, шквальный ветер поднимал в воздух водяную пыль, брызги. Эта влажная масса облепляла корабль и тотчас схватывалась морозом. В лучах прожектора сверкали побелевшие палуба, мачты, надстройки, покрытые лохматым инеем отяжелевшие тросы.

Корабль принял сказочный вид, но внутри все по-обыденному. Вахтенные в штурманской рубке, в машинном отделении и на других постах делали свое дело. На электроходе собраны воедино многие достижения науки в борьбе с извечным врагом мореходов - полярным льдом; массивный, особо прочно сконструированный корпус, мощные двигатели, комплекс совершеннейших навигационных приборов - все это было сейчас пущено в действие...

Лучи прожекторов настойчиво прокладывали через торосистые поля световую линейку, по которой врубался форштевень. Бегавший по темному экрану радиолокатора тонкий луч

вырисовывал искрящимся потоком точек дальнейший путь, своевременно предупреждая об опасностях.

Прорывом руководил сам капитан. Отдавая спокойным голосом указания рулевому, он одновременно поворотами ручки машинного телеграфа посылал электро-сигналы на двигатель. И по этой автоматической команде тысячи лошадиных сил, скрытые где-то в недрах стальной коробки, крошили двухметровый лед.

Я глядел через окно закрытого от ветров и морозов корабельного мостика на бесконечное, уходящее во мглу нагромождение торосов и вдруг представил среди них крошечную одинокую фигурку человека с велосипедом...

Позже в кают-компании удалось завязать разговор о Травине. Опытные полярные моряки, не "раз пересекавшие Северный Ледовитый океан, восприняли рассказ как "охотничью историю" - и решительно заявили, что проделать такой маршрут вообще одному человеку не под силу; что же касается велосипеда - знака на мысе Дежнева, то это легенда.

Надо полагать, мои доводы, основанные только на устном и довольно общем рассказе самого путешественника, звучали недостаточно убедительно. В 1937 году сестры Глеба Леонтьевича сожгли все его записи, которые он отправлял им с дороги: на всякий случай подальше от греха. Памяти же не всегда можно довериться, тем более что речь шла об истории тридцатилетней давности.

Вот тогда-то мне стало ясно, что не поверят и другие. В самом деле, поверить нелегко. О трудностях походов в Арктике дает представление любая из книг полярных исследователей. Нередко это были дневниковые записи, найденные на могилах смельчаков.

Можно сослаться на пример экспедиции датского путешественника Кнута Расмуссена. Он пересек на собачьей упряжке Северо-западный проход по берегу Северной Америки. На маршрут протяженностью 18 тысяч километров, названный Великим санным путем, специально снаряженная экспедиция, в которой участвовало несколько человек, потратила четыре года (1921 - 1924). Правда, это научное путешествие. Но все же коллектив и плюс четыре года!.. А Травин был один. Кто видел его во время путешествия по тяжелому северному пути? Помнят ли о нем? С такими вопросами я обратился к ряду уважаемых полярных деятелей.

Первое письмо пришло от летчика Чухновского. Борис Григорьевич сообщил следующее:

...Травин был на Диксоне, очевидно, в 1930 году, но не позднее 1931 года. Это я могу подтвердить, так как в эти годы базировался на острове Диксон".

Затем был получен ответ от командующего полярной авиацией Героя Советского Союза Марка Ивановича Шевелева.

"...Помню, что в 1930 году кое-кто из полярных исследователей рассказывал мне о т. Травине, который пытался проехать на велосипеде вдоль побережья Северного Ледовитого океана. Товарищи, рассказывавшие мне о нем, видели его в устье Енисея. Где-то в архивах Комсеверпути должен был сохраниться фотоснимок Травина тех времен. Сам я, к сожалению, с т. Травиным не встречался и более подробных сведений сообщить не могу".

Из Ленинграда прислал письмо доктор географических наук профессор Николай Иванович Евгенов.

...Исполняю вашу просьбу о подтверждении моей встречи с т. Глебом Травиным. Мы с ним встретились в Югорском Шаре - бухте Варнека. Он приехал по мне с велосипедом на ледокол, где я находился как руководитель морской Карской экспедиции...

Я обеспечил Травину переезд на одном из судов экспедиции через Карское море до Диксона. Дал Травину, сколько помню, рекомендательные письма, бегло ознакомил его с условиями и обстановкой, которую он встретит на пути на восток от Енисея, пояснив при этом, что намечавшееся им продвижение по морскому побережью Таймырского

полуострова невозможно. Указал также, что ему следует продвигаться от низовьев р. Енисея (Дудинка) на нижнее течение р. Хатанги, сообщил коротко о дальнейших путях к устьям рек Оленека, Лены, Яны и затем в Индигирско-Колымское Приполярье...

Прошу передать ему мой поклон".

Одновременно у меня завязалась телеграфная переписка с Уэленом. В надежде на любознательность молодежи телеграмму направил Чукотскому райкому ВЛКСМ. Вот ответ:

"Местных жителей есть фотография Глеба Травина которую он подарил память тчк Старожилы подтверждают пребывание Травина сентябре 1931 года селе Наукан тчк Секретарь райкома Кузнецов".

Пришло сообщение от работников полярной станции:

"Очевидцы местные старожилы наличие знака подтверждают тчк Медведев".

Вопрос о сохранности памятного знака позволил уточнить старший инженер Камчатского управления рыбной промышленности О. И. Орехов:

- В 1952 году мне случилось поехать в командировку в Уэлен. Там я и услышал о любопытном памятнике велосипедисту и захотел взглянуть на него, - рассказывал тов. Орехов. - Памятник находится на возвышенной части мыса Дежнева, в полутора-двух километрах от поселка, собран из металла и довольно хорошо сохранился. Только железный флажок погнут. На знаке нацарапано много автографов. Видимо, его посещали и раньше.

Бывшая уэленская учительница, ныне пенсионерка Анастасия Семеновна Абрамова вспомнила о пребывании Травина в Уэлене, о том, как уэленская молодежь установила в честь его достижения памятный знак. Видел этот памятник и полярный капитан Яков Михайлович Карташев, с которым я познакомился на ледоколе "Адмирал Макаров".

Удалось разыскать и Евдокию Арефьевну Каменеву, встретившую путешественника вблизи мыса Биллингса. Михаил Гаврилович Аристов, с которым Травин столкнулся в Чукотском море, тоже поведал много интересного.

Любопытный разговор произошел с инспектором Камчатского облфинотдела Серафимом Николаевичем Вахомским - другом и сослуживцем Травина по полку имени С. Воскова. Он подробно рассказал о поездке восковцев на Камчатку. Двое из них - геолог Михаил Быстров и строитель Василий Барболин - тоже долго работали на Севере и оба погибли в Великую Отечественную войну.

Так шаг за шагом я заручился свидетельствами живых людей об отдельных северных этапах незаурядного похода. Южная же часть трассы, от Владивостока до Баку, столь подробно отражена в паспорте-регистраторе, что, на мой взгляд, не требовала каких-либо дополнительных сведений, подтверждений.

Человек оставляет след

В 1959 году был опубликован сокращенный вариант повести о Травине. Отважное путешествие вокруг страны заинтересовало многих. Писали и мне, и Глебу Леонтьевичу. На конвертах стояли штемпеля: Москва, Ленинград, Псков, Одесса, Якутск, Тула, Прага, Варшава, Пекин...

Писали разное. Чемпион России 1910 года по велогонкам Петр Иванович Степанов-Калашников сообщал, что "намерен включить этот пробег в свою новую научную работу об истории отечественного велоспорта и что ранее, к сожалению, ничего не знал об этом беспримерно трудном велопробеге".

"Меня глубоко взволновал подвиг Травина", - писал из Тульского педагогического института Б. Егоров.

"Это был действительно героический переход по неизведанным дорогам в летний зной и в зимнюю стужу, - давал оценку одессит В. М. Можаровский. - Очевидно, одной закалки

для осуществления такого перехода недостаточно. К этому следует добавить сильную волю и высокое моральное состояние".

Письмо молодого камчатского жителя Ивана Волокжанина наивно и волнующе: "Неужели среди советских людей в наше время не найдутся такие, которые повторили бы велопутешествие Травина? А если смельчаки найдутся, то я с большой охотой приму участие в таком походе".

И это оказалось не просто звонкой фразой. В 1960 году, зимой, в Петропавловске встречали лыжников-комсомольцев Соболевского района, которые прошли с западного побережья Камчатки на восточное по горной трассе, преодолев более пятисот километров. Среди них был и Иван Волокжанин.

И еще одно подобное письмо. Уже из Белоруссии, из Минска. Спортсмен Борис Утэн просит выслать книгу о Травине. Он пишет: "Меня интересует целый ряд вопросов, так как я готовлюсь к подобному же большому велопробегу".

Всероссийская федерация велосипедного спорта на специальном заседании высоко оценила достижение путешественника, записав: "Подвиг Глеба Травина, преодолевшего на велосипеде 85000 километров в основном в условиях Заполярья, следует считать выдающимся. Об удивительной выносливости и воле к победе советского человека должна знать молодежь нашей страны".

Травиным заинтересовались и за рубежом. Вот, например, письмо с пометкой "международное".

"Герою-велосипедисту Травину.

Петропавловск-Камчатский. СССР".

Оно из Чехословакии, из города Брно. Работники завода имени Октябрьской революции желают Глебу Леонтьевичу "много успехов в строительстве коммунизма".

Эта дружба еще более окрепла после недавней поездки Травина в Чехословакию. Находясь в Праге, он зашел в канцелярию президента Чехословацкой республики и оставил там повесть "Человек с железным оленем", выразив душевную благодарность за оказанное ему гостеприимство.

Через два дня, находясь в Карловых Варах, Глеб Леонтьевич получил объемистый пакет. В нем находились две богато иллюстрированные книги и письмо. Вот его перевод:

"Канцелярия президента Республики.

Прага. 26 июля 1961 года.

Товарищу Глебу Леонтьевичу Травину.

Уважаемый товарищ! Президент Чехословацкой Социалистической Республики товарищ Антонин Новотный принял книгу А. Харитановского "Человек с железным оленем", которую Вы ему подарили. С интересом он просмотрел свидетельство о Вашем отважном путешествии и сердечно Вас благодарит за внимание.

Мы желаем Вам приятного пребывания в нашей стране и после возвращения на родину много успехов в Вашей предстоящей работе.

На память о Вашем пребывании у нас присоединяем две публикации о Чехословакии.

С товарищеским приветом. За начальника канцелярии президента республики. - Префферава".

Появились новые вести и от людей, лично знавших Травина.

Передо мной фотография. На ней пятеро: М. Матвеев, П. Молокиенко, по краям - Г. Травин и И. Стариков, в середине - пожилой со складками на лице Н. Санников.

Снимок любезно прислал житель Якутска Иннокентий Феонович. Стариков. Пришло от него и письмо - тетрадь, исписанная убористым почерком. Автор письма подробно рассказал о пребывании Глеба Травина в Русском Устье, на Индигирке.

"Его облик: обмороженные пальцы ног, примитивный способ лечения и физические страдания, его упорство и желание поскорее двинуться дальше в путь - запечатлелся у меня на всю жизнь",

- пишет Стариков.

Иннокентий Феонович подробно рассказывает о жителях и истории Русского Устья. Село интересное в высшей степени. Оно породило разные догадки исследователей, якутских и русских, начиная с политического ссыльного В. М. Зензинова, жившего там в 1912 году.

Когда я читал словарь местных слов, составленный Зензиновым, слов, по его мнению, забытых и свидетельствующих о древности маленького селения, то будто слушал говор своей родины - старинного алтайского села Мартынова. Историю его возникновения тоже никто толком не знает. Жители села Мартынова считались староверами-кержаками, молились "двухперстием". У моей родни еще хранились книги дониконовского письма. И вот эти русско-устыинские слова "баять" (говорить), "донись" (в прошлом году), "лыва" (лужа), "галиться" (издеваться), "пестерь" (большая корзина), "лопоть" (одежда) и т. д. обычны в Мартынове до сегодняшнего дня...

И. Ф. Стариков вспомнил многое, уже изгладившееся из памяти путешественника, поведал о судьбах людей, с которыми Травин встречался в Русском Устье. Начальник метеостанции Матвеев погиб в 1933 году во время плавания на Ляховские острова. Сам Стариков так и остался на Севере, связал с его освоением всю жизнь.

Сообщение Старикова очень важно: в нем говорится, что Травин прислал с Медвежьих островов письмо в Русское Устье. Это первое и единственное подтверждение смелого одиночного перехода Травина через льды на Четырехстолбовой...

Ольга Петровна Воробьева сообщила из Ленинграда, что она в 1929 году учительствовала в селе Красные Струги, Ленинградской области, и видела, как проезжал Травин, даже сфотографировала его.

Взволнованное письмо пришло от пенсионера Степана Александровича Баранкина из Коми АССР. Он случайно наткнулся на статью в газете "Известия" (10/V 1962 г.). Там говорилось о повести "Человек с железным оленем", С. Баранкин написал, как он встретил Травина в Таймырской тундре. Это письмо я почти целиком поместил в повести, передвинув лишь датами.

Интереснейшая встреча произошла у Глеба Леонтьевича Травина в камчатском селе Коряки, в птицесовхозе.

- Вот вы какой, Глеб Леонтьевич! - подошел к Травину молодой рабочий. - Меня звать Парилов Иннокентий Николаевич.

- Парилов?!

- Вспомните, как на Байкале с вами встретились возчики с омулем... Дело было зимой, а вы в трусах да на велосипеде. Так вот, один из рыбаков был мой дед - Парилов Филипп Иванович. Он до последних своих дней рассказывал о редкостной встрече. И нам, внукам, наказывал: если когда придется повидать этого чудо-человека, то низко поклонитесь ему от меня...

Удалось узнать и о других людях, упомянутых в повести. На Камчатке не забыли замечательного краеведа - "камчатского Арсеньева", как его называют, - Прокопия Трифионовича Новограбленова, оказавшего доброе влияние на молодого Травина. Жизнь Новограбленова трагически оборвалась в 1934 году. Но его мечта об использовании энергии вулканов осуществляется. На юго-западе Камчатки, в долине реки Паужетки, поднялся корпус первой в СССР геотермической электростанции, турбины которой будут вращать пар, извлеченный из недр земли. Неподалеку от Петропавловска началось строительство гигантского парниково-тепличного комбината. Он будет обогреваться горячими вулканическими водами. Проектируется теплопровод, по которому подземная вода пойдет для теплофикации областного центра. Наконец, на полуострове создан крупный Институт вулканологии Академии наук СССР. Это научное учреждение

призвано изучать и осваивать даровую вулканическую энергию, предвидеть ее капризы, а возможно, даже и укрощать ее...

Здравствует Елизавета Порфирьевна Орлова, которая в 1926 году проводила первую перепись камчатских эвенгов и помогла им организовать школу. С Елизаветой Порфирьевной мне посчастливилось встретиться летом 1959 года в селе Эссо, где она около четырех десятков лет тому назад и начинала свой путь ученого-этнографа.

Справил свое восьмидесятилетие учитель Григорий Емельянович Рыжук. Не так давно я побывал у него в гостях. Нашел его на Кубани без точного адреса. Добрая молва об этом человеке довела меня до станицы Алексеевской, до беленой хаты, окруженной зеленым садом.

Сад - гордость учителя-мичуринца, в нем только одних яблок тридцать два сорта. Но мне там же показали аллею могучих тополей, сказав: "Это аллея учителя Рыжука", и полосу из абрикосовых деревьев - опять Рыжук с ребятами сажал. Далеко за пределами Кубани известен и метод зимнего хранения свежего винограда, разработанный Рыжуком. Не забывает Григорий Емельянович Север, Камчатку. Не так давно видел я письмо, в котором он пишет: "Можно ли наладить связь с каким-нибудь камчатским совхозом и оказать услугу в раннем выращивании огурцов и помидоров..."

Здесь же, в станице Алексеевской, я встретился с В. Дашковцевой, которая хорошо помнит, как проезжал велосипедист Травин...

О золотоискателе Беннете Вооле многое рассказал мне кандидат биологических наук петропавловский житель Петр Григорьевич Никулин. В 30-х годах он работал научным сотрудником Чукотской комплексной экспедиции Наркомзема РСФСР. Проводником тогда у него был младший сын Воола - Бен.

Весной 1934 года во время эпопеи по спасению челюскинцев на мысе Сердце-Камень была устроена главная питательная база. Воол, чем мог, помогал отважным людям. Его яранга превратилась в столовую и гостиницу. Как известно, челюскинцев из ледового лагеря перебрасывали самолетами в Ванкарем. А отсюда они двигались уже по берегу в Уэлен. Мыс Сердце-Камень приблизительно на середине этого пути. Здесь челюскинцев принимали, кормили и снаряжали в дальнейшую дорогу уже на нартах. Многие из них оставили в знаменитой книге посещений Воола свои благодарные отзывы за радушный прием.

Воол так и не уехал с Чукотки, хотя каждый год подавал заявления о заграничном паспорте. Ему разрешали. Старик начинал собираться и... никуда не уезжал. Похоронен он на мысе Сердце-Камень. Дети его живут до сего дня там.

Что касается удачливого компаньона Олафа Свенсона, то с 1932 года он свернул свои операции на Чукотке. Советские торговые организации создали на берегу и в тундре фактории и освободили северян от опеки пронырливого американского купца.

Сложным путем удалось познакомиться с капитаном шхуны "Чукотка" Иваном Георгиевичем Фонаревым. Его хорошо помнят старые мореходы-дальневосточники, и все же я получил о нем самые противоречивые сведения. Сообщили даже версию, что Фонарев погиб на Севере в Великую Отечественную войну. Его судно будто бы торпедировала немецкая подводная лодка, команду подобрал английский военный корабль, но и он утонул. Короче, нет Фонарева в живых... И я почти поверил. И вот тот же П. Г. Никулин, с которым мы беседовали о разных чукотских историях, сказал, что ему приходилось плавать с Фонаревым на шхуне "Нажим" в 1934 году, а после войны его вроде бы видели на Черном море.

И действительно, Иван Георгиевич нашелся в Одессе живым и здравствующим. Оказывается, после плаваний на "Нажиме" ему поручили перегон двух деревянных зверобойных шхун из Мурманска во Владивосток. Это был первый переход деревянных судов за одну навигацию Северным морским путем! По завершении рейса капитан Фонарев был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В Великую

Отечественную войну он бился на фронтах. После войны оказался в Одессе, плавал в Антарктику, руководил отделом в управлении китобойных флотилий. Сейчас пенсионер. Иван Георгиевич подробно познакомил меня с отважным рейсом шхуны "Чукотка", закончившимся столь трагически. Вспомнил и о встрече с Глебом Травинным в Уэлене. Так собралась еще одна папка материалов, которые стали большим подспорьем при доработке повести.

Неугомонный!

Весной 1934 года Петропавловск первым в стране принимал участников исторической экспедиции: коллектив "Челюскина" и экипажи летчиков Водопьянова, Доронина, Слепнева, Молокова, Каманина, Бабушкина, Леваневского, Ляпидевского. Они следовали на пароходах во Владивосток.

После торжественной встречи в каюту ответственного работника Севморпути Николая Ивановича Евгенова вошел подтянутый человек в военной форме. Он протянул телеграмму из Москвы с распоряжением оставить для аэрофлота Камчатки один самолет.

- Простите, ваша фамилия, товарищ?

- Травин.

- Да?! - вскинул очки Евгений и узнал путешественника.

- Очень рад за вас, - сказал Николай Иванович, выслушав короткий рассказ путешественника. - Значит, стали камчадалом.

Да, Травин остался жить на Камчатке. "Велосипедист, совершивший великий переход по Северному краю, встал после полярного рейса в ряды ударников полуострова", - сообщает Почетная грамота, выданная Глебу Леонтьевичу в день XV годовщины Великого Октября. Он организует спортивную и туристическую работу на Камчатке, возглавляет восхождения на вершины вулканов, лыжные переходы по тундре, плавания на парусниках...

Всюду, где мне приходилось бывать, от южной оконечности полуострова до Чукотки, я слышал рассказы об этом удивительном следопыте. В крошечном селении Усть-Пенжино, на северо-востоке Охотского моря, начальник геологической экспедиции Юрий Павлович Рожков подарил мне фотографию Глеба Леонтьевича на вездеходе. Оказывается, геологам понадобилось осмотреть разведочные участки в Корякском нагорье, и Травин, последние годы работавший охотоведом, согласился проехать с ними. В этом почти тысячекилометровом походе старый путешественник показал, что можно быть молодым и в шестьдесят лет на пятидесятиградусном морозе. Впрочем, у Глеба Леонтьевича твердое убеждение, что холод, как и "солнце, воздух и вода", является фактором здоровья, а тундровые уголья - кладом для умелого охотника.

- Представление об Арктике как о пустыне совершенно неправильное, - говорил Глеб Леонтьевич. - Пустыня она для неподготовленного, незакаленного человека. А если у тебя есть навыки следопыта, меткий глаз, выдержка, то всегда на снегу найдешь "ропись" следов. Они приведут тебя к пище, начиная хотя бы от крошки-лемминга до дикого оленя. Тебя накормит встречная река или трещина в морском льду, в которой терпением и сноровкой подсечешь какую-нибудь рыбу, в море найдешь нерпу...

Это я говорю о зиме, а летом, когда тундра кишит птицами, покрыта ягодниками, грибами, испытывать голод может разве слепой.

Теперь цинга. Средство борьбы с ней простое: надо по примеру северян есть мясо и рыбу сырыми. Сырая рыба, сырое мясо - мой витаминизированный стол, и я ни разу в нем не раскаялся, а строганину люблю до сего дня.

Рассказ Глеба Леонтьевича напомнил о трагедии экспедиции американского мореплавателя Джорджа Де-Лонга. Двигаясь на материк после гибели корабля "Жаннета" в Восточно-Сибирском море, преодолев исключительные трудности перехода в шлюпках

через этот полярный бассейн и достигнув уже берега Якутии, члены экспедиции Де-Лонга и сам он погибли от голода в нескольких сотнях километров от жилья, от людей. Конец стал неотвратим, когда заболел индеец Алексей - следопыт, регулярно доставлявший дичь и оленей для своих товарищей. Умер он - еды не стало совсем, заменить на охоте индейца некому. И как результат этой беспомощности - смерть от голода. Так в дельте Лены, там, где умер Джордж Де-Лонг и его спутники, появилось название горы "Американская"...

Да, но как же с "кругосветным" путешествием Травина? На паспорте-регистраторе и на визитных карточках ведь написано: "Вокруг света".

Попалось мне любопытное заявление:

"Директору Акционерного Камчатского Общества (АКО).

В связи с остановкой в Петропавловске, дабы вскоре продолжить кругосветное путешествие, прошу Вашего содействия о заказе и доставке в Петропавловск-Камчатский велосипеда с особенностями, необходимыми для длительного перехода.

(Далее велосипедист подробно, в пятнадцати пунктах, перечисляет эти технические "особенности".)

Я уже работаю в судоремонтной мастерской и большую часть зарплаты бронирую как фонд на приобретение велосипеда. Желательно получить его в весенне-летний период 1932 года, так как по плану я еще намерен проехать по национальным районам Камчатки, а затем уже направиться за пределы СССР.

Прошу Вашего внимания на скорейшее выполнение заявки, ибо ехать за рубежом на иностранном велосипеде позорно. Я надеюсь с честью продемонстрировать советский велосипед перед зарубежной массой как в центральных, так и в отдаленных районах Америки, Африки и Западной Европы".

Это Глеб Леонтьевич написал вскоре после прибытия в Петропавловск с Чукотки. Он не смог, и не по своей вине, осуществить задуманное им грандиозное путешествие, но продолжал мечтать о нем до седины.

По путям Травина, там, где он оставил первый колесный след, прошли новые смельчаки. Так, в 1961 году из Петропавловска-Камчатского до Усть-Камчатска, то есть начальным этапом путешествия Травина, проехали камчатские велосипедисты - преподаватель Юрий Максимов и электросварщик Вадим Кошкарев. Этот поход в 1000 километров по бездорожью они завершили успешно.

Сейчас возле тропы через Ганальскую тундру, по которой ехал Травин, прокладывается асфальтированная магистраль. Она свяжет порт Петропавловск с долиной реки Камчатки - житницей полуострова.

Ну а другие дороги и тропы, где пробивался Травин?

Можно привести в пример десятки разного рода пробегов на разных видах транспорта. От Камчатки до Москвы через Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию, Кавказ, то есть почти по трассе Травина, проехал на автомобиле диспетчер Петропавловского морского порта Левон Газаров. Он армянин и так же, как когда-то "восковцы", вместе с другими молодыми прибыл пятнадцать лет назад на далекую Камчатку.

30 мая 1960 года общественность областного центра проводила Газарова на "москвиче-407" в удивительное путешествие. Машина была самой обыкновенной, без каких бы то ни было приспособлений. Вместе с Л. Газаровым отправилась и его жена Зинаида Павловна. И что же, они успешно преодолели маршрут и 25 октября того же года были в Москве. На спидометре - 22000 километров.

В лаборатории Московского автозавода имени Лихачева специалисты хирургически досконально изучили газаровскую машину. Но к великому удивлению, кроме стертых до корда шин, ничего особенного не нашли...

Как это вы решились без большого водительского опыта? - спросили камчатских автомобилистов на прессконференции, которая была устроена в конференц-зале завода.

- Мы надеялись на технику, выпущенную Московским предприятием, - быстро ответил Газаров.

Он сказал не все: техника - тоскливое железо без умелых рук и горячего сердца.

Осенью 1963 года на Камчатку прилетели: известные, чехословацкие путешественники Мирослав Зикмунд и Иржи Ганзелка, начавшие с Дальнего Востока свой большой вояж по СССР. Здесь они спросили о Травине. Увы, Глеб Леонтьевич в это время колесил где-то на Украине. Но чехов обрадовала встреча с Газаровыми. Они побывали у них дома, посмотрели фотографии, выслушали рассказы об интересном путешествии. В память о знакомстве оставили на своей книге "Африка грез и действительности" надпись по-русски:

"Левону и Зине с большим желанием новой богатырской поездки из Камчатки. И чтобы успешно в Прагу втроем. Искренне Ганзелка, Зикмунд. 16. 10.63".

"Втроем" - это еще и о дочери. Газаровых Джульетте, студентке Камчатского музыкального училища.

Недавно я спрашивал Левона Аваковича о туристских планах, о путешествии с Камчатки в Чехословакию.

- Думаю, такая автопоездка состоится, - ответил Газаров.

- Хорошо бы!

Нет, пути Травиных не зарастают. И только никто пока не решается повторить необыкновенный северный переход на веломашине. А может быть такой и не нужен?.. Возможно, спорить не буду. Но если состоится, то о нем непременно напишут книгу. Мужество остается мужеством.

Я за чудаков!

В мае 1960 года в Петропавловске-Камчатском состоялся большой вечер, на котором чествовали сорокалетие трудовой и общественной деятельности Глеба Леонтьевича Травина. Его наградили золотыми именными часами. Когда в центре города открылся крупнейший в области стадион, то Травин возглавил колонну молодых спортсменов, совершив со своим велосипедом-ветераном круг почета. Это было, конечно, заслуженно и трогательно. В этом же году Глеб Леонтьевич передал свой знаменитый велосипед и прочие доспехи и документы, свидетельствующие о его полярном переходе, в Ленинградский музей Арктики и Антарктиды, где они хранятся по сей день.

Недавно Глеб Леонтьевич Травин вышел на пенсию. Но к нему совершенно неприменима стандартная фраза "отправился на заслуженный отдых". Какой там отдых!

В городе опять, как в далекие 20-е годы, заговорили: Травин собирается в путешествие, купил "москвича". И опять его машину (теперь уж авто) погрузили на судно-турбоход "Советский Союз". На ветровом стекле надпись: "Петропавловск-Камчатский".

Первую весточку я получил от Глеба Леонтьевича месяца через четыре, в начале 1963 года. Он писал:

"...Обкатку я сделал, проехав из Владивостока в порт Находку. Потом развернулся и направился в Хабаровск. Тут заехал к старшему сыну Юрию, который служит в Советской Армии. Далее - в город Биробиджан. (Город! А была крошечная станция и сельсовет. В 1928 году мне там делали в паспорте отметку "Сельсовет "Тихонья").

В Биробиджане поставил машину на платформу и высадился в Горьком, где гостил у сестер мой младший - Валентин. Ему уже исполнилось четырнадцать. Взял его с собой, и мы двинулись в Москву. Затем через Калинин, Новгород, Псков, Ленинград в Прибалтику. Валентин за дорогу стал отменным водителем. Побывали мы в Эстонской ССР, в Латвии, Литве, Белоруссии, на Украине и Черноморском побережье. А затем вернулись в Псков и Ленинград и обратно в Горький.

Подарок коллектива - фотоаппарат имел должную нагрузку. Дороги радуют - прекрасные. Но были и казусы. Однажды перевернулся с автомашиной, но обошлось

удачно. Показатель спидометра - 11064 километра. Недоразумений с автоинспекцией не имел...

Да, и все же это не велосипед и мне не двадцать пять!"

В углу приписка: "Всей душой и сердцем на Камчатке!"

Неугомонный человек!

Я снова взглянул на карту его путешествий. Какое мужество, какая воля нужны для такого похода. 700 дней пути только по Арктике! Полное бездорожье, пурги, купания в ледяной воде, блуждание среди торосов и в снегах островов, безмолвие полярной ночи.

Пробег Травина был одним из первых, если не первым советским велопутешествием на большое расстояние и единственным в мире полярным велопутешествием. К нему хочется применить эпитет "фантастический": подумайте, если вытянуть воображаемую ленту этой колеи, то она дважды опояшет земной шар.

Переход Травина остался "областным рекордом". Известность отважного следопыта не вышла за берега далекого Камчатского полуострова. Причина этого кроется главным образом в том, что Травин рассматривался как "самодельный турист". По правде сказать, в те годы в нашей стране французское слово "турист" не казалось благозвучным, ассоциируясь чуть ли не со словом "праздношатающийся". "Путешествие ради удовольствия, развлечения" - так трактовал понятие туризма настольный энциклопедический словарь 1927 года.

Как бы то ни было, но идея путешествия не была понята. Сам же Глеб Леонтьевич не поднимал этого вопроса. Теперь, через тридцать с лишним лет, он даже склонен несколько иронически смотреть на свой юношеский порыв. "Романтика! Надо было задержать меня на Турксибе или Беломорканале", - говорил он полусерьезно в день нашего знакомства.

Тут уж приходится защищать Травина от него самого, от пробравшегося с годами в душу скепсиса. Без светлой целеустремленной романтики, помноженной на знания и труд, мы не построили бы в столь короткий срок тот же Турксиб, не освоили бы Северный морской путь, не двинулись бы в едином порыве на целину. А разве советская ракета - это не ожившая мечта!

Как жить без романтики, без зовущей мечты, не сгибающейся ни перед природой, ни перед любыми темными силами, воодушевляющей на борьбу за прекрасное?!

К числу отважных романтических вызовов стихии относится и полярный переход Глеба Травина. Только поэтому его так горячо встречала молодежь, поэтому ему помогали, чем могли, в редких селениях Севера.

"Подвиг" - так называли многие юные корреспонденты беспримерный велопробег. А подвиги старших всегда остаются с сегодняшним поколением как этапы в героической эстафете человеческих дерзаний, эстафете, которая не знает финиша.

В Петропавловском краеведческом музее висит рельефная карта Камчатского полуострова: цепи коричневых хребтов, сверкающие льдами конусы вулканов, ущелья стремительных рек, тундра. Суровый край...

Поворот рубильника - и карта загорается сотнями разноцветных огней. Светящиеся точки видны в центре полуострова, в долине реки Камчатки; это - сельскохозяйственные полеводческие совхозы. Тут выращиваются пшеница и овощи, картофель - то, чего здесь тщетно пытались добиться в течение двух столетий. Гирлянды огней тянутся вдоль морских побережий: механизированные рыбокомбинаты, консервные заводы с автоматическими линиями, колхозы. В лиственничной тайге - леспромхозы, в тундре - крупнейшие оленеводческие хозяйства.

Огни убегают к Чукотке и далее в Арктику: крупные порты Усть-Камчатск, Провидения, Певек, Тикси, полярная база и научный арктический центр - Диксон, города Магадан, Норильск, Игарка, Воркута, Нарьян-Мар...

Карта Ледовитого океана пронизана пунктирами регулярных воздушных и морских трасс от Камчатки до Мурманска, обставлена сотнями полярных станций. Север перестал быть "белым безмолвием"?. Но этот край по-прежнему ждет жадных на дело, умных и гордых людей, которые с уважением приемлют то, что сделано предшественниками - моряками, геологами, строителями, врачами, связистами, рыбаками, педагогами, полярными следопытами - всеми, кто вложил частицу себя во всенародный подвиг освоения Советской Арктики.